Л. Р. ЗИНДЕР, Т. В. СТРОЕВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Л. Р. ЗИНДЕР, Т. В. СТРОЕВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

ПОСОБИЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
И УНИВЕРСИТЕТОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРОСВЕЩЕНИЕ»
Москва · 1965 · Ленинград

Лев Рафаилович Зиндер,

Татьяна Викторовна Строева

ИСТОРИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА
НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Пособие для студентов
педагогических институтов и университетов

Редактор *В. И. Айба*
Переплет художника *К. Г. Носова*
Художественный редактор *В. Б. Михневич*
Технический редактор *Н. И. Аснина*
Корректор *Л. Р. Кегелес*

Сдано в набор 10/IV 1965 г. Подписано к печати 7/IX 1965 г. Формат бумаги 84×108 1/32. Печ. л. 6,0 (10,08). Уч.-изд. л. 9,77. Тираж 10 000 экз. Цена без переплета 20 к. Переплет коленкоровый 15 к., ледериновый — 20 к. (тематический план 1965 г. № 69)

Ленинградское отделение издательства «Просвещение» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по печати. Ленинград, Невский пр., 28.

Заказ № 1664.

Ленинградская типография № 1 «Печатный Двор» им. А. М. Горького Главполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров СССР по печати, Гатчинская, 26.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга предназначена для более углубленного изучения одного из труднейших разделов истории немецкого языка — исторической фонетики. Она не дублирует используемых на филологических факультетах и в педагогических институтах книг по истории немецкого языка, в которых соответствующие главы изложены по необходимости кратко. Вместе с тем она связана с этими пособиями (в первую очередь с учебником В. М. Жирмунского „История немецкого языка“), поскольку учитывает содержащийся в них материал.

В частности, авторы ограничились изложением собственно немецкой истории языка, начиная с засвидетельствованных письменных памятников, полагая, что сведения по предыстории и сравнительно-грамматические объяснения читатель сможет получить в уже имеющихся пособиях. Диалектное разнообразие в фонетике языка новонемецкого периода практически не учитывалось, так как предлагаемая книга имеет своей целью показать становление фонетической системы национального языка. Главы, посвященные древним периодам, естественно, построены на материале диалектов, однако отбирался этот материал под углом зрения конечной цели. Поэтому основное внимание обращено не на детальное рассмотрение диалектальных различий, что было бы необходимо для построения исторической диалектологии, а на те общие черты фонетических систем древних диалектов, которые в конечном счете и определили характер фонетического строя единого национального языка современности. Такой подход тем более возможен, что эти древние фонетические системы в принципе близки друг другу.

Изложение ведется в хронологическом порядке, по периодам, а не по тем или иным фонетическим явлениям. При этом авторы придерживались распространенной периодизации, принятой, в частности, в книге В. М. Жирмунского (древневерхненемецкий период—

VIII—XI вв., средневерхненемецкий период — XII—XIII вв., с XIV века — нововерхненемецкий).

Все цитаты из лингвистических работ даны в переводе авторов пособия.

В конце книги (стр. 178—181) в виде приложения дана таблица-сводка, позволяющая бросить ретроспективный взгляд на фонетическое прошлое современного языка. На стр. 184—188 приводятся список условных обозначений и перечень использованных литературных источников.

Авторы стремились представить историю фонетического строя немецкого языка с точки зрения современного учения о фонеме. Принципиальные позиции их нашли свое освещение во введении.

ВВЕДЕНИЕ

1. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ЗВУКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

§ 1. Фонетические изменения, с которыми обычно имеют дело в истории языка, бывают двух принципиально различных видов. Одни изменения происходят в фонетическом облике морфем или слов при сохранении старого состава фонем в языке в целом. Другие касаются самого состава фонем и заключаются в том, что возникают ранее отсутствовавшие фонематические противопоставления или же, напротив, исчезают ранее существовавшие.

Примером звуковой эволюции первого вида может служить так называемое „удлинение“ гласных в одних случаях и „сокращение“ — в других, имевшие место в немецком языке при переходе от средневерхненемецкого периода к нововерхненемецкому. И краткие, и долгие гласные существовали в немецком языке всегда, как существуют и сейчас; следовательно, ничего нового в этом смысле в нововерхненемецком не появилось; только множество слов, которые раньше имели в своем составе краткие гласные, имеют сейчас долгие, равным образом в других словах долгие гласные заменились краткими (ср. срвн. săgen, nĕmen, brâchte, lêrche и др. и нвн. sāgen, nēmen, brăchte, lĕrche и др.).

Звуковая эволюция второго вида может быть продемонстрирована возникновением в средневерхненемецком согласного /ʃ/ (см. § 93), которого первоначально в немецком языке не было, или же появлением в тот же период лабиализованных гласных переднего ряда **ö**, **ü** как особых фонем (см. § 85 сл.).

Изменения такого рода относительно редки, так как состав фонем языка эволюционирует крайне медленно. Напротив, звуковой состав морфем или слов является очень неустойчивым, лишь небольшая часть этих языковых единиц сохранила в современном немецком языке древний фонетический облик. Естественно поэтому, что в книгах по исторической фонетике отводится гораздо больше места рассмотрению фактов изменения фонемного состава слов, чем эволюции системы фонем в целом. Однако звуковые (точнее — фонемные) изменения в подлинном смысле слова имеют место только в последнем случае, тогда как при изменении состава слов или морфем происходит лишь замена звуков (точнее — фонем). Следует, впрочем, заметить, что дело не в том, как расценивать тот или иной вид звуковых изменений, а в том, чтобы видеть принципиальную разницу, существующую между ними. До сих пор в литературе по исторической фонетике такого различия не проводилось, и в этом именно заключается один из ее важнейших недостатков.

§ 2. Другим не менее важным недостатком исторической фонетики является то, что она до сих пор строилась без учета теории фонемы (фонологии), которая занимает центральное место в фонетической науке наших дней. Получив широчайшее распространение при синхроническом изучении звукового строя языков, эта теория не имеет еще должного применения в диахронических исследованиях. Правда, и до распространения учения о фонеме исследователи стихийно оперировали понятием фонемы[1]. Однако отсутствие сознательного фонологического подхода, неразработанность принципиальных основ его мешали правильной и четкой интерпретации фактов звуковой эволюции.

§ 3. Историческая фонетика (или историческая фонология) должна в первую очередь заниматься развитием состава и системы фонем, так как именно в этом и заключается фонетическая эволюция языка. С этой точки зрения в последней необходимо различать количественные изменения и изменения системы.

---

[1] Это обстоятельство делает возможным сохранение старого наименования „историческая фонетика“, понимаемого как синоним к наименованию „историческая фонология“.

Количественные изменения бывают трех видов: 1) расщепление одной фонемы на две, т. е. превращение вариантов одной фонемы в две противопоставленные друг другу фонемы; 2) слияние двух фонем в одну, т. е. превращение двух самостоятельных фонем в два варианта одной фонемы; 3) монофонемизация сочетания фонем, т. е. возникновение одной фонемы из сочетания двух или нескольких фонем.

Первый случай представлен в истории немецкого языка, например, развитием старого **o** в две фонемы — **o** и **ö**, второй — слиянием в одну фонему /i:/ старого дифтонга **ie** и долгого î; третий — переходом сочетания согласных фонем **sch** в одну фонему — /ʃ/.

Само собой разумеется, что любое количественное изменение в составе фонем влечет за собой возникновение новых связей или утрату старых, т. е. изменение в системе фонем. Последнее может иметь место, кроме того, вследствие изменения дифференциального признака, характеризующего данное противопоставление. В качестве примера можно привести древневерхненемецкие согласные **z**, **ȥ**, **s**, развившиеся в дальнейшем в /t͡s, s, z/. Первые два, происходящие из общегерманского **t**, были настолько связаны между собой, что в большинстве древних рукописей обозначались одной буквой **z** (см. § 18). Между **ȥ** и **s**, противопоставлявшимися первоначально как „нешепелявый“ — „шепелявый“ (см. § 58), никакой связи не было. В современном же немецком языке они стали противопоставляться как „глухой“ — „звонкий“ (см. § 126 сл.) и вследствие этого оказались тесно связанными друг с другом фонетическим чередованием.

§ 4. Процесс звуковой эволюции, понимаемый указанным выше образом, не мог протекать так, как это представляется в традиционной исторической фонетике, в которой, например, возникновение нового звука рисуется обычно в следующем виде: первоначально в силу тех или иных причин появляется незаметное отклонение от существовавшей ранее артикуляции данного звука, которое обусловливает столь же незаметное изменение в его акустическом образе; далее на это отклонение накладываются все новые и новые отклонения, и в конце концов изменение становится настолько заметным, что приходится говорить о возникновении нового звука.

Г. Пауль писал в семидесятых годах прошлого века в своей книге „Принципы истории языка“ следующее: „Пусть в самом начале отклонение окажется ничтожно малым и повлечет за собой минимальнейший сдвиг моторного чувства, в другой раз станет возможным уже несколько большее отклонение от исходного положения и, следовательно, произойдет дальнейший сдвиг моторного чувства, пока, наконец, путем накопления ничтожно малых сдвигов не возникнет заметная разница...“ [1]

До создания учения о фонеме такая точка зрения была вполне понятна и оправдана. До тех пор пока считали, что звук языка обладает постоянной и единой характеристикой как артикуляционной, так и акустической, и что изменение физических свойств звука и дает новую звуковую единицу языка, естественно было представлять фонетическую эволюцию как постепенный медленный процесс незаметных изменений. Приходится удивляться, что такое понимание вещей, несмотря на всеобщее признание теории фонем, по существу сохраняется и в наши дни. Так, в одной из новейших книг по общей фонетике, в которой излагается и теория фонемы, мы читаем: „Со временем совершенно постепенно и незаметно отклонения (имеются в виду отклонения в артикуляции и в звучании), если они продолжают идти в том же направлении, могут привести к новому звуку“ [2].

Теория фонетической эволюции языка, основанная на учении о фонеме, — историческая фонология — уже при своем возникновении, казалось бы, отвергла идею постепенности развития. В одной из первых работ по исторической фонологии Р. Якобсон правильно указывал, что возникновение новой фонемы — это мутация, т. е. скачкообразное развитие [3]. В самом деле, поскольку фонема есть единица, способная функционировать в качестве звукового различителя смысловых единиц языка — морфем и слов, постольку речь может идти только либо о наличии у рассматриваемой пары звуков соответствующей функции, либо о ее отсутствии; промежуточного поло-

---

[1] Г. Пауль. Принципы истории языка, М., 1960, стр. 75.

[2] E. Dieth. Vademekum der Phonetik, Bern 1950, S. 281—282.

[3] R. Jakobson. Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, 4, Prague 1931, S. 247.

жения быть не может. В этом отношении разных мнений, разумеется, не существует. Однако, признавая скачкообразность фонологических изменений, современные лингвисты продолжают считать, что фонологическая мутация подготавливается постепенным изменением звуков речи. Вместе с тем такое понимание процесса звуковой эволюции совершенно несовместимо с учением о фонеме.

§ 5. Для правильного понимания процесса фонетической (точнее — фонематической) эволюции нужно исходить из того, что фонема представлена всегда не одним, а несколькими (или даже многими) вариантами. Дело, следовательно, не в постепенных изменениях артикуляторных и акустических характеристик звука, а в том, что фонема существует в своих реально произносимых вариантах (как их инвариант[1]) и потому обладает не одной, а несколькими такими характеристиками. Различие между вариантами может быть минимальным, нелегко определяемым даже хорошо натренированными фонетистами, но может быть и настолько большим, что между ними трудно установить сходство. Однако во всех случаях носители данного языка, для которых фонема представляется единой величиной, разницы между ее вариантами обычно не замечают.

Сущность фонологической эволюции состоит в том, что в силу тех или иных причин (об этом речь будет идти ниже) различие между вариантами одной фонемы начинает использоваться в языке для различения морфем или слов. Иначе говоря, эти варианты оказываются фонологически противопоставленными и из одной фонемы возникают две. Или же наоборот, фонологическое противопоставление между двумя фонемами утрачивается, они теряют способность служить для различения морфем и слов, тогда из двух фонем образуется одна; прежние самостоятельные фонемы становятся вариантами одной фонемы.

Идея постепенного изменения фонетических свойств звуков речи чужда по существу учению о фонеме. Различие между фонетической характеристикой вариантов

---

[1] Инвариант — то неизменное общее, которое объединяет разновидности переменной величины.

одной фонемы образуется не постепенно вследствие незаметных отклонений, идущих в одном направлении, а обязательно существует всегда и с самого начала, так как в различных фонетических условиях (в соседстве с разными фонемами; в начальном, серединном или конечном положении в слове; под ударением и в безударном положении и т. п.), в которых оказывается тот или иной вариант данной фонемы, он будет отличаться в большей или меньшей степени по артикуляции и по звучанию от других вариантов той же фонемы.

Таким образом, расхождение в звуках, представляющих одну фонему, существует всегда. В общем это было ясно лингвистам и до создания учения о фонеме. Еще Э. Сиверс писал: „Что касается определения отдельного звука, то он является в конце концов лишь абстракцией весьма изменчивых образов, в которых может выступать в предложении один и тот же так называемый отдельный звук речи“[1].

О разнообразии в произнесении „одного и того же“ звука Г. Пауль пишет следующее: „Каким бы характерным и своеобразным почерком человек ни обладал, он все же не сумеет воспроизвести буквы и их сочетания всякий раз одинаково. И так же обстоит дело с артикуляцией при произнесении звуков. Именно эта изменчивость произношения, незаметная из-за узости границ, в которых она осуществляется, и является ключом к пониманию того не объяснимого иначе факта, что звуковая сторона языка подвергается постепенным изменениям узуса так, что сами носители этих изменений даже не догадываются об этом“[2]. Из этих слов ясно, что Пауль имел в виду индивидуальные отклонения в произношении, индивидуальные варианты и им приписывал основную роль в процессе возникновения и развития звуковых изменений. На самом же деле, как было указано и как это будет видно из дальнейшего, источником звуковой, или точнее — фонологической эволюции, является не то, что существуют индивидуальные особенности произношения, а то, что фонема всегда представлена в языке не одним, а несколькими обязательными, фонетически обусловленными вариантами.

---

[1] E. Sievers. Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1893, S. 8.
[2] Г. Пауль. Указ. соч., стр. 74.

§ 6. Звуковые изменения имеют не случайный, а закономерный характер; они происходят в строго определенных фонетических условиях. Этим обстоятельством и объясняется то, что звуковые изменения часто называются „звуковыми законами".

В языковедении конца XIX и начала XX века велись горячие споры о том, существуют ли исключения из этих законов. Споры эти не привели к выработке единой точки зрения, потому что в ходе их смешивались разнородные факты, относящиеся к двум различным видам звуковой эволюции: изменение общего состава фонем языка и изменение фонемного состава слов и морфем.

Из рассмотрения сущности изменений первого вида, которому посвящены предыдущие параграфы, ясно, что в данном случае говорить о возможности или невозможности исключений вообще неуместно. Состав или система фонем данного языка либо изменяется, либо не изменяется, никаких исключений тут быть не может.

Иначе дело обстоит с фонемным составом слов или морфем. Поскольку здесь одни фонемы заменяются в словах другими, существующими в языке, то, если такая замена происходит по каким-то правилам, возможны и исключения. Так, долгие гласные перед группой согласных заменялись в нововерхненемецком краткими, а в слове trôst и некоторых других остались долгими (см. также § 130).

§ 7. Развитие новых фонологических противопоставлений, т. е. превращение вариантов одной фонемы в самостоятельные фонемы, может идти различными путями. Один из таких путей, например, можно представить в следующем виде. Пусть некая фонема A встречается в позициях P и P_1 и соответственно выступает в вариантах Ax и Ay. Пусть далее эти позиции связаны с каким-нибудь грамматическим противопоставлением, выраженным морфемами, фонетический состав которых и создается различием позиций P и P_1. Если в этих морфемах по тем или иным причинам соответствующее фонетическое различие исчезнет, а грамматическое противопоставление сохранится, то функция выражения этого противопоставления, очевидно, перейдет к вариантам Ax и Ay. Оказавшись функционально противопостав-

ленными, эти варианты становятся самостоятельными фонемами, старая фонема *A* расщепляется на две фонемы — A_1 и A_2.

Рассмотренный случай можно проиллюстрировать следующим примером: в древневерхненемецком 3 л. мн. ч. претерита индикатива характеризовалось окончанием **-un**, а то же лицо и число конъюнктива — окончанием **-în**. Под влиянием разных гласных во флексии коренной гласный выступал в разных вариантах, например: [a: — æ:]. Как варианты одной фонемы они обозначались на письме одинаково (wârun — wârîn). В средневерхненемецком окончания в обеих формах унифицировались; тогда указанные варианты стали фонологически противопоставляться и как разные фонемы получили разное графическое обозначение (wâren — wæren) (подробнее см. § 85).

Фонологическое противопоставление, как мы видим, возникает тогда, когда различие позиций, определявших разный характер вариантов, исчезает, а фонетическое различие между вариантами сохраняется, хотя они оказываются теперь в одинаковых фонетических условиях. Последнее для вариантов одной фонемы невозможно; поэтому они расщепляются в таком случае на две фонемы.

Подобная ситуация не требует того, чтобы данное противопоставление выполняло какую-нибудь грамматическую функцию, как в рассмотренном случае. Путь расщепления вариантов может иметь и такой вид: фонема *B* выступает в вариантах *Bx* и *By*, причем *By* определяется фонетическим положением **p**. Если **p** по каким-либо причинам изменяется, а *By* все же сохраняет фонетические признаки, отличающие его от *Bx*, то возникает условие, необходимое для расщепления *B* на две фонемы B_1 и B_2. В средневерхненемецком [x] и [ç] были вариантами одной фонемы, причем второй был обусловлен положением после [i]. Впоследствии в словах типа milich, solich, manich [i] оказалось утраченным, [ç] сохранил среднеязычный характер и тем самым мог фонологически обособиться от [x] (подробнее см. § 121).

§ 8. Процессы, подготавливающие слияние фонем, должны отличаться от рассмотренных выше. Это вытекает из следующих основных положений учения о фонеме. Фонологическое противопоставление может отсутствовать, несмотря на сколь угодно большие различия в фонети-

ческой характеристике данных звуков речи, но оно не может существовать при отсутствии хотя бы минимального различия звуков. Поэтому, если у фонемы возникают любые фонетические расхождения между ее вариантами, это не ведет к расщеплению последних на разные фонемы. Но если варианты одной фонемы перестанут в силу каких-либо причин отличаться от вариантов другой фонемы, то это приведет к слиянию этих фонем в одну.

Примером, иллюстрирующим это, может быть слияние в современном немецком языке старых дифтонгов **ie, uo, üe** с соответствующими долгими /i:, u:, y:/ (подробно см. § 130).

§ 9. Совсем иную картину представляет собой процесс монофонемизации сочетания фонем, т. е. превращения последнего в одну фонему. Для понимания этого процесса нужно иметь в виду, что сочетание двух звуков будет монофонемным, если в данном языке между ними никогда не проходит морфологическая граница, и бифонемным, если такая граница между ними возможна[1]. При этом решающее значение имеет тождество фонетических характеристик сочетания морфологически членимого с нечленимым. Так, аффриката /pf/ в современном немецком языке является одной фонемой, потому что /pf/, встречающееся только в пределах одной морфемы (напр., Pferd, Apfel, Kopf), фонетически отлично от сочетания **pf**, встречающегося только на стыке морфем (напр. abfahren, Abflug); в словах Apfel и Abfall **pf** произносятся совершенно по-разному.

Таким образом, процесс монофонемизации может иметь следующий вид: пусть сочетание двух фонем *PQ* встречается и на стыке слов или морфем, и в пределах одной морфемы; обозначим эти случаи соответственно — *PQ* и PQ_1. Если между *PQ* и PQ_1 возникает фонетическое различие, так что они в одинаковых фонетических условиях начинают произноситься по-разному, то *PQ*, морфологически неразложимое, должно стать монофонематическим. В качестве примера можно привести древневерхненемецкое сочетание **sk**, ср. waskan, skadon, с одной стороны, и gotes kind, Christes kunft, с другой стороны; в первых двух словах в средневерхненемецком развилась фонема /ʃ/.

---

[1] Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960, стр. 219 сл.

§ 10. Итак, рассмотрение процессов фонологических изменений, которому посвящены предыдущие параграфы, подтверждает тот тезис, что важным является только существование или отсутствие фонетических различий. Что же касается степени различия, если ее вообще можно объективно установить, то она может быть и весьма большой и весьма маленькой. Во всяком случае при наступлении фонологической мутации она не должна быть обязательно большей, чем до этого момента [1].

Вместе с тем, из того, что различие в характеристике вариантов одной фонемы существует всегда, а не развивается постепенно, неправильно было бы сделать вывод, что артикуляция, а следовательно, и акустический образ звуков речи не эволюционируют. Хотя вполне возможно, чтобы характер звуков речи оставался неизменным, как правило, меняется и он, а не только фонемный состав языка. Однако артикуляторно-акустические изменения сами по себе не обусловливают фонологической эволюции, не могут быть ее причиной.

Чем же обусловлено изменение артикуляции и соответственно звучания вариантов фонемы? Здесь могут действовать факторы двоякого рода: собственно языковые и внеязыковые. Собственно языковые могут, например, заключаться в том, что в новых словах (заимствованных или вновь созданных) появляются такие фонетические позиции, которых до этого в языке не было. Это могут быть и новые звукосочетания, и новые положения относительно ударения и т. п. Все это порождает условия для изменения фонетической характеристики вариантов фонем, а также и для возникновения новых вариантов.

Внеязыковыми будут такие факторы, которые связаны не с языковыми явлениями (сочетаемость фонем, фонемный состав слов, закономерности ударения и т. п.), а с взаимовлиянием произношения разных носителей языка, которое возникает в результате общения представителей различных диалектов.

Влияние внеязыковых факторов на изменение артикуляции звуков речи наиболее очевидно. Единообразное про-

---

[1] Нельзя согласиться с Ван-Вейком, который писал: „... языки в общем не терпят, чтобы различия между фонемами были очень малы". (N. van Wijk. L'étude diachronique des phénomènes phonologiques et extra-phonologiques, TCLP, 8, 1939, p. 304.)

изношение является для всех языков лишь идеалом, существующим в пособиях по орфоэпии. В действительности диалектные различия, иногда очень большие, иногда не столь бросающиеся в глаза, существуют и в современном развитом обществе, в котором происходит очень интенсивное перемалывание местных говоров. Тем более это относится к более ранним историческим эпохам, с разобщенными диалектами, с отсутствием таких мощных унифицирующих факторов, как радио, звуковое кино и т. п.

Многообразие произношения, которое обычно не остается незаметным для говорящих, приводит к всевозможным смешениям, а последние в конечном счете могут весьма существенно изменять фонетическую характеристику звуков речи. Процесс смешения легко может наблюдать каждый, так как разнобой в произношении обычно обращает на себя внимание.

В качестве примера можно привести немецкую фонему /r/. Как известно, первоначально она реализовалась в виде переднеязычного согласного. Затем появилось увулярное произношение, которое постепенно стало распространяться все более и более и сейчас является господствующим, по крайней мере среди городского населения. В настоящее время переднеязычный и увулярный согласные являются факультативными вариантами одной фонемы. Есть основания предполагать, что победит увулярный вариант. Интересно отметить, что последний в конце слов выступает в вокализованном виде. Таким образом, старая фонема получает совершенно новую акустико-артикуляторную характеристику; она представлена увулярным вариантом в начале слов и в вокализованном варианте — в конце слов и морфем.

§ 11. В литературе, посвященной проблеме звуковых изменений, широко дебатируется вопрос об их причинах [1]. Среди множества точек зрения, высказывающихся в дофонематической лингвистике, наибольшее распространение имеют: „теория поколений“, „теория субстрата“ и „теория наименьших усилий“.

---

[1] Поскольку, как указывалось в § 1, разницы между фонологически различными видами изменений обычно не проводится, постольку, естественно, и вопрос о причинах рассматривается недифференцированно.

Первая теория видит причину звуковых изменений в том, что при передаче языка от одного поколения другому неизбежно происходят незаметные искажения в артикуляции звуков, приводящие в конечном счете (через более или менее длинную цепь поколений) к ощутимым результатам.

Соответственно теории субстрата звуковые изменения происходят тогда, когда носители одного языка перенимают другой язык. При этом они, как это всегда наблюдается в произношении иноязычных, вносят в произношение усваиваемого ими языка фонетические особенности своего родного языка. В результате, если новый язык вытесняет старый, то в нем все же остаются следы последнего в виде специфических звуковых черт. Так, если в одном языке (субстрате) имеются придыхательные смычные согласные и носители этого языка будут произносить смычные как придыхательные также и в заимствуемом языке, то непридыхательные смычные могут „измениться" в последнем в придыхательные.

Согласно теории наименьших усилий причина звуковых изменений лежит в стремлении к наиболее „удобной" артикуляции, к экономии сил, затрачиваемых на артикуляцию звуков в соответствующих фонетических условиях. Так, для того чтобы произнести перед носовым согласным назализованный гласный, потребуется меньше энергии, чем на произнесение в этих же условиях неназализованного согласного, так как в первом случае при переходе к согласному не нужно будет опускать нёбную занавеску. Поэтому, утверждают сторонники этой теории, во многих языках неназализованные гласные изменяются перед носовыми согласными в назализованные.

§ 12. Нетрудно увидеть, что все эти теории по существу не касаются фонологического аспекта рассматриваемой проблемы. Первая и третья пригодны только для объяснения механизма образования вариантов фонем, но ничего не могут сказать о том, почему возникает или утрачивается то или иное противопоставление фонем. В отличие от них теория субстрата может пролить свет и на этот вопрос. Легко можно себе представить, что из языка-субстрата окажется перенесенным какое-то противопоставление фонем, или же что под влиянием субстрата оно будет утрачено.

Когда говорят о теории субстрата, то прежде всего представляется такая историческая ситуация, когда побежденные перенимают язык победителей. Эта теория возникла как попытка объяснить разнообразие романских языков, происходящих от латинского языка. Подобные случаи встречаются, разумеется, не часто, особенно в более поздние исторические эпохи, но с фонетической точки зрения влияние субстрата принципиально не отличается от взаимодействия языков при смешении. Последнее же, в виде столкновения разных диалектов одного языка, распространено очень широко, и притом в новейшее время не только не меньше, но даже гораздо больше, чем в древние периоды. Рост городов и связанное с ним увеличение численности разнодиалектного городского населения создает благоприятную почву для языкового смешения.

Таким образом, не теория субстрата в ее чистом виде, а скорее теория смешения может, несомненно, во многих случаях помочь понять причины тех или иных звуковых изменений.

От смешения следует отличать заимствование. Непосредственно фонетических заимствований не бывает, заимствуются слова. При этом их фонетический облик перестраивается в соответствии с фонетическими закономерностями, существующими в заимствующем языке, так что их фонемный состав не содержит ничего иноязычного. В тех же относительно редких случаях, когда заимствуется и произношение слова, например, когда французские заимствования произносятся в немецком языке с носовыми гласными, то по своему характеру фонетический процесс здесь иной, чем при действии субстрата или при смешении.

При смешении носители языка вносят свои привычки в произношение усваиваемого языка, а при заимствовании они вносят чужие элементы в свой родной язык. Обогащение состава фонем таким путем возможно только при том условии, что иноязычное произношение заимствуемых слов свойственно широким слоям носителей языка, ибо только тогда заимствования не ассимилируются фонетически.

Такой процесс наблюдается, например, сейчас во многих языках народов Советского Союза. Благодаря тому, что многие носители этих языков владеют и русским языком, из которого заимствуется большое число слов из

самых различных областей лексики, из русского языка заимствуются и ранее чуждые фонологические противопоставления.

Иноязычное влияние может сказаться не только в виде заимствования новых фонем. Оно может способствовать расщеплению вариантов фонем заимствующего языка на самостоятельные фонемы. Такой случай представлен в русском языке историей фонемы /f/. Исконно согласный [f] встречался в русском языке только как один из позиционных вариантов фонемы /v/, а именно — перед глухими согласными, а после падения редуцированных гласных также и в абсолютном конце слова. Далее при заимствовании греческих слов и собственных имен (например, *Федор, Афанасий* и др.) этот согласный подставлялся вместо совершенно чуждого русской фонетической системе интердентального щелевого [θ]. Благодаря этому он начал употребляться в самых разнообразных фонетических положениях, в том числе и в тех, в которых встречался и согласный [v] (например, в начале слова перед гласными и в интервокальном положении); тогда /f/ и /v/ — эти первоначальные варианты одной фонемы — стали противопоставляться как две самостоятельные фонемы; ср., например, *вон — фон, ловец — лафет,* где обе фонемы находятся в одинаковых фонетических условиях.

Все рассмотренные здесь причины звуковых изменений, как бы различны они ни были, должны быть отнесены к разряду экстралингвистических. Во всех случаях мы имеем дело с фактами внешних условий жизни носителей данного языка, которые и оказывают влияние на их речь.

§ 13. Внутренние причины звуковых изменений, заключающихся в расщеплении вариантов на самостоятельные фонемы, состоят, как было показано в § 7, в исчезновении условий, регулировавших употребление каждого из вариантов одной фонемы. Процесс выравнивания ранее различавшихся позиций может быть и чисто фонетическим и морфологофонетическим. Выравнивание может происходить, например, вследствие фонетической редукции, не связанной с грамматической системой языка, как это имело место при развитии суффикса **-ichen** в **-chen** (см. § 121).

Очень часто фонетическая редукция приводит к омонимии или к унификации морфем. Так, омонимичными

стали в средневерхненемецком окончания всех падежей ед. ч. существительных женского рода склонения на ô (напр., ërde), тогда как в древневерхненемецком они были N. G. A. ërda — D. ërdu. Полностью унифицировались в средневерхненемецком формы претеритального суффикса слабых глаголов в тех случаях, когда в древневерхненемецком имелись еще определенные различия (ср. 1. P. Sg. срвн. -ete, дрвн. -ita, -ôta, -êta).

В языковедении XIX века, а нередко и сейчас, в фонетической редукции видели причину перестройки морфологии. В действительности же дело обстоит как раз наоборот: фонетическая редукция и унификация возможны только в том случае, когда то или иное различие утрачивает грамматическое значение. Семантическое различие разных классов слабых глаголов оказалось утраченным; поэтому потеряло смысл и грамматическое противопоставление их, которое осуществлялось через различение соответствующих основообразующих гласных, а отсюда и редукция последних.

Таким образом, можно сказать, что причина звуковых изменений (по крайней мере тех, которые ведут к увеличению состава фонем) кроется часто в развитии грамматической и прежде всего морфологической системы языка, включая в нее и словопроизводство путем аффиксации.

Развитие лексического состава путем переноса наименований, напротив, не имеет значения для эволюции системы фонем, так как в данном случае дифференцирующая функция не может быть перенесена на варианты фонемы. В самом деле, если какой-нибудь звуковой комплекс (слово) начинает употребляться для обозначения нового понятия, то мы будем иметь явление многозначности или омонимии, которое не вызывает и не требует никакого звукового изменения.

Сокращение числа фонем, в отличие от увеличения его, может иметь фонетическую основу, например, в тех случаях, когда варианты двух фонем перестают ощущаться как фонетически разные, ср. срвн. дифтонг /ie/, который слился с /i:/, напр. срвн. liet и нвн. Lied /li:t/. Другим примером может быть русский **ять**, слившийся с /e/.

Для понимания сказанного полезно напомнить, что существование фонетического различия не влечет за собой

обязательно противопоставления фонем, но что без фонетического различения звуков такого противопоставления быть не может.

§ 14. В предыдущих параграфах речь шла об отдельных явлениях звуковой эволюции, о расщеплении единой фонемы, о слиянии двух фонем. Однако фонологический процесс, который обнаруживается в частностях, в действительности протекает в определенной системе. Поэтому отношения, существующие между отдельными элементами последней, между отдельными фонемами, оказывают решающее влияние как на ход самого процесса, так и на его результаты.

Роль системы, всячески подчеркиваемая в современной фонологии, была ясна еще на заре фонетической науки. У Сиверса мы читаем следующее: „Для языковеда физиология звуков лишь вспомогательная наука. Для него значение имеет не отдельный звук, а звуковые системы...“[1] „В общем изменению по известным, всюду действующим законам подлежит не отдельный звук; обычно имеет место корреспондирующее развитие корреспондирующих рядов звуков в корреспондирующей позиции...; более того, можно будет найти еще и такой подход, который поможет объяснить изменение этого ряда звуков, исходя из общих свойств (Habitus) системы и положения в ней данного ряда“[2].

Несмотря на такое высказывание одного из виднейших представителей языковедения конца XIX века, в исторической фонетике господствовало изолированное рассмотрение отдельных фактов, и поэтому значение системы было вновь „открыто“ в послесоссюровской лингвистике XX века.

Действие системы, которое, разумеется, нужно также отнести к внутриязыковым факторам, можно обнаружить в ряде случаев фонологической эволюции. В немецком языке сюда относится слияние фонем /e:/ и /ɛ:/, которое происходит, между прочим, из-за того, что в системе гласных краткому обычно противопоставляется один дол-

---

[1] E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie, Leipzig 1876, S. 1. Интересно отметить, что в последующих изданиях мы не находим этих строк.

[2] E. Sievers. Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1893, S. 6—7.

гий; здесь же мы имеем противопоставление двух долгих одному /ɛ/ (подробнее об этом см. § 116).

§ 15. Как было указано в начале § 1, кроме рассмотренного уже типа фонетической эволюции — изменения состава фонем языка в целом, имеется еще и другой — изменение фонемного состава слов и морфем. Процессы, характеризующие последний, глубоко отличны от проанализированных выше, поскольку само существо изменений этого типа принципиально иное. Здесь дело идет не о вариантах фонем и не о фонологической мутации; никакие новые противопоставления не возникают и никакие не утрачиваются. Тем не менее, как указывалось выше, изменения такого рода обычно рассматриваются наравне с фонологическими. Объясняется это тем, что эволюция фонемного состава морфем имеет часто регулярный в фонетическом смысле характер: во-первых, изменения имеют место в определенных фонетических условиях; во-вторых, данная фонема или группа фонем изменяется в определенном направлении. Так, например, фонема *A* в положении перед фонемами группы *x* заменяется фонемой *B*; или же фонема *C* во всех словах, где она употреблялась раньше, заменяется независимо от позиций фонемой *D*, само же *C* появляется в таких словах, в которых оно раньше не встречалось. Например, средневерхненемецкий краткий **i** удлиняется в нововерхненемецком (точнее говоря, заменяется долгим /i:/) в открытом слоге и в односложных словах перед сонорными; долгий же **î** заменяется дифтонгом /a͜e/ независимо от фонетического положения. Таким образом, в тех словах, где в средневерхненемецком было долгое /i:/, его сейчас нет, зато оно появилось там, где раньше его не было.

Фонетическая обусловленность такого рода замен является кажущейся. Это обнаруживается в исключениях из таких „звуковых законов“, исключениях, вызвавших в языковедении горячие споры о сущности этих законов. Так, остался кратким **i** в глаголах bin, will и т. д.; не подвергся дифтонгизации долгий **î** в суффиксе **-lîch**.

Непоследовательность в проведении звуковых изменений рассматриваемого рода имеет свое объяснение, однако искать это объяснение нужно не в фонетической сфере. Так, если пытаться объяснить сохранение краткого **i** в словах bin, will тем, что они в функции вспо-

могательных глаголов не имеют ударения, то остается неясным, почему мы не имеем долгого **i** в тех случаях, когда эти глаголы стоят под ударением. Можно объяснить это аналогией, но аналогия здесь не фонетическая, а лексико-морфологическая.

Ударностью местоимения ihn и безударностью предлога in объясняют то, что в первом гласный удлинился (в средневерхненемецком он был кратким), а во втором — остался кратким. Однако, несмотря на то, что оба предлога — von и vor — являются безударными, краткий гласный в последнем был заменен долгим. Это, вероятно, можно объяснить тем, что здесь действует аналогия с широко распространенной и притом всегда ударной приставкой vor-, но и в данном случае аналогия имеет не фонетическую основу, а лексическую.

§ 16. К сказанному в предыдущем параграфе следует еще добавить, что представлять рассматриваемые звуковые изменения в виде постепенного медленного процесса нет никаких оснований. Не обнаруживается такая постепенность в письменных памятниках, ничего подобного не наблюдается и в живых языках. Основой для изменения фонемного состава слов и морфем являются живые и, главным образом, исторические чередования, а также и факультативное употребление фонем. Последнее обнаруживается в случаях дублетного произношения; ср., например, /fɔrtae̯l/ и /fo:rtae̯l/; /gi:pst, gi:pt/ и /gɪpst, gɪpt/, а также многочисленные случаи, в которых перед /p, t/ произносится и /s/, и /ʃ/ (напр. /sputnɪk/ и /ʃputnɪk/, /standart/ и /ʃtandart/).

Широко распространенное в языках явление чередования фонем естественно подсказывает носителям языка мысль о том, что фонемный состав слова не строго определен. Такая мысль подкрепляется еще и тем, что в разных диалектах одно и то же слово может иметь различный звуковой облик. Поэтому замена одной фонемы другой в пределах одного слова или морфемы не представляется носителям языка недопустимой операцией, и они идут на нее, если для этого имеются соответствующие причины. Причины эти могут быть как внешние, так и внутриязыковые. Первые — это прежде всего смешения диалектов, вторые — аналогия, морфологическая и фонетическая.

§ 17. Разнообразие фонемного состава морфем, имеющее место в каждый данный момент развития языка, делает, таким образом, возможной и понятной чрезвычайную неустойчивость фонетического облика морфем в диахроническом плане.

В отличие от этого, как указывалось выше, состав фонем языка обладает большой устойчивостью. Это находит свое объяснение в том, что достаточно очень небольшого числа звуковых единиц — фонем, чтобы цепочки из них, различной длины и в различной последовательности, могли служить выражением для многих миллионов словоформ. Поэтому состав фонем языка может оставаться неизменным на протяжении веков.

В этой связи интересно привести высказывание одного видного германиста конца XIX века, исследователя истории швабского диалекта Фридриха Кауфманна, который писал следующее: „Пока внешние условия жизни народа остаются теми же, нельзя понять, почему диалект... мог бы измениться. Мнение о непрерывных сдвигах в образовании звуков при передаче звуковой формы от поколения к поколению прежде всего противоречит фактам“ [1]. И далее: „Начиная с XIII—XIV веков невозможно обнаружить закономерного изменения в составе звуков швабского диалекта. Соответственно этому диалект уже 5—6 веков тому назад сложился в основном в той форме, в какой на нем говорят и сейчас. Если в частностях, особенно в том, что не установлено и не установимо по орфографии, отличия и существовали, то ..., как показывают диалектные памятники, они в течение XV века исчезли. В последние 4—5 столетий, следовательно, имела место непрерывная и неизменная передача языка от поколения к поколению“ [2].

2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДРЕВНИХ ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ

§ 18. Трудность при исследовании в области исторической фонетики или фонологии состоит в том, что звуковая сторона языка может наблюдаться непосредственно только в тот момент истории, когда это исследование

---

[1] F. Kauffmann. Geschichte der schwäbischen Mundart im Mittelalter und in der Neuzeit, Straßburg 1890, S. XI.

[2] Там же, стр. 273.

ведется. О всех же предыдущих периодах приходится судить лишь по косвенным данным. К последним относятся свидетельства современного языка и его диалектов, сравнительно-грамматические соображения и, главным образом, данные письменных памятников. Все они только в совокупности могут дать достаточно надежный материал для фонологических реконструкций.

Так, например, только сопоставляя разнообразные данные, можно установить, что в древневерхненемецком различались переднеязычная аффриката и щелевой. В подавляющем большинстве старых рукописей они одинаково обозначаются через букву z, а если в некоторых рукописях и делается попытка различить их, то и тогда непосредственно из написаний едва ли было бы возможно установить, на чем основывается их противопоставление и как эти фонемы распределяются по словам. В этом случае на помощь приходит современный язык, в котором эти согласные противопоставлены друг другу как аффриката и щелевой, а также сравнение диалектов и сравнительная грамматика германских языков, позволившая сформулировать „закон“ второго перебоя согласных, т. е. установить закономерное распределение этих согласных в зависимости от фонетического положения и их происхождения из простого или удвоенного **t**.

§ 19. Среди всех указанных данных важнейшими являются, разумеется, данные письменных памятников. Именно они дают исходный материал, который подлежит дальнейшему истолкованию при помощи различных методов.

Для правильной оценки данных письменности необходимо ясно представлять себе отношение письма к языку. И. А. Бодуэн-де-Куртенэ показал, что в письме нужно различать три аспекта: алфавит, графику и орфографию[1].

Алфавит — это перечень букв, используемых в письме на данном языке безотносительно к тому, что ими обозначается.

Графика — это совокупность средств, служащих в данном языке для передачи на письме фонем и их сочетаний при помощи букв соответствующего алфавита.

---

[1] И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку, Спб., 1912, стр. 41.

Так, например, фонема /s/ в современном немецком языке может обозначаться буквами **s**, **S** и **ß**, а также двумя буквами **ss** (was, Sklave, groß, Wasser); фонема /y:/ — буквами **ü**, **Ü** и **y** и сочетанием букв **üh** (über, Übung, Physik, fühlen). Эти средства представляют иногда в виде таблиц „От звука к букве" (лучше было бы сказать — „От фонемы к букве")[1]. Графика никак не соотнесена со смысловыми единицами языка — морфемами, словами. С точки зрения графики совершенно безразлично, например, писать ли über или ühber или Über, поскольку все эти написания в одинаковой степени будут передавать звуковой облик слова, т. е. его фонемный состав, и поскольку знакомство с правилами немецкой графики обеспечивает однозначное чтение всех этих графических вариантов.

Орфография — это свод правил написания слов и морфем, использующих графическую систему соответствующего языка. Орфография, следовательно, непосредственно соотнесена со смысловыми единицами языка; ее правила часто строятся на основании морфологических или лексических соображений. Слова das и daß, например, пишутся, несмотря на полное совпадение их фонемного состава, по-разному, именно потому, что это разные слова; а корни в словоформах /ta:k/ и /ta:gə/ пишутся, несмотря на различие в фонемном составе, одинаково, для того чтобы обозначить тождество этой морфемы.

§ 20. Алфавит лишь в исключительных случаях создается для данного языка заново. Германские языки знают два таких алфавита — рунический и готский; из них первый строился для нужд не одного, а всех германских языков. Кроме того, оба они, строго говоря, представляют собой не новое изобретение, а лишь приспособление чужих алфавитов: происхождение рунического является спорным, а готский, несомненно, имеет своей основой, главным образом, греческий и отчасти латинский алфавит.

Графика складывается постепенно и стихийно в результате использования различных способов передачи звуковой стороны языка на письме. Лишь изредка ее правила

---

[1] См. О. Н. Никонова. Фонетика немецкого языка, М., 1958, стр. 119 и 121—123.

регламентируются специально. В качестве примера можно привести исключение буквы **c** из средств, служащих для обозначения фонемы **k** в немецком языке.

Орфография, напротив, предполагает определенную нормализацию, если и не обладающую обязательностью для всех пишущих на данном языке, то во всяком случае принятую в широких кругах людей, пользующихся письмом. Орфография немыслима без единообразного написания слов и морфем, принятого, если не всеми, то многими авторами и писцами.

Понятия графики и орфографии обычно не различают; правила графики и орфографии излагаются вперемежку под общим заглавием „орфография", а термин „графика" употребляется для обозначения самого изображения букв. Однако смешение этих понятий препятствует правильному пониманию отношений между письмом и языком.

§ 21. Если обратиться к древней немецкой письменности, то окажется, что применительно к ней можно говорить только о двух аспектах письма — алфавите и графике; понятие же орфографии к ней неприложимо. Мы не найдем в древневерхненемецких памятниках не только общей для всего языка орфографии, но даже и обязательного и единообразного написания тех или иных слов или морфем в одном памятнике, у одного писца. Древние писцы свободно пользуются всеми возможными графическими средствами при написании одного и того же слова или этимологически родственных слов и морфем. Об этом свидетельствуют нередко встречающиеся в одном и том же памятнике такие дублетные написания, как, например, у Исидора: araugit (IX, 17) — araughit (XV, 11), chind (XI, 14) — chindh (XXII, 8), anghila (XXIV, 18) — angil (XXV, 19); у Отфрида: scal — skal, craft — krefti, frenkiskon — frenkisgon; у Ноткера: fleisg—fleisk — fleisch; у Виллирама: nieth — niet, cuning — kuning, ih — ich, durh — durch.

Иногда создается впечатление, что древние писцы подчас даже избегали одинаковых написаний и сознательно стремились к разнообразию. На такое предположение наталкивают случаи разного написания одних и тех же слов, встречающиеся почти рядом. В качестве примеров можно привести следующие написания из Отфрида: chuani (I. 1.59) и kuani (I. 1.63); uers (I. 1.44) и

fers (I. 1.48); rihi (ad L.64) и richi (ad L. 67). Аналогичные случаи можно найти даже у Исидора, который по праву считается наиболее последовательным в выборе графических средств, например: uuirdhit (XXII. 14) и uuirdit (XXII. 15); uuard (XXII. 17) и uuardh (XXII. 19); lyuzilan (XXIII. 8) и liuzelan (XXIII. 10); zide (XXVI. 10) и ziide (XXVI. 20).

Было бы неправильно сделать из сказанного вывод, что дублетные написания не представляют для исследователя никакого интереса. Напротив, в дальнейшем будет видно, что они позволяют делать разнообразные важные выводы, касающиеся звуковой стороны языка.

В связи с рассматриваемым здесь вопросом интересно привести следующее высказывание Ф. Клуге: „Время нормализованного правописания начинается лишь в XVI — XVII веках. В ранние периоды нашей письменности, которые нас ближайшим образом интересуют, господствовал произвол; были только отдельные попытки, в разных местах каждый раз начинали сначала. Правда, были учителя и ученые, задумывавшиеся над грамматическим строем языка, как переводчик Исидора, как Отфрид и Ноткер. Но и их система письма была весьма далека от последовательности, а их пример оставался без подражания. Таким образом, древневерхненемецкая письменность выступает перед нами в весьма запутанном и многообразном виде“[1].

В общем можно сказать, что орфографии в строгом понимании этого термина в древневерхненемецком не было. Это обстоятельство, однако, не мешает реконструкции состава фонем, так как способы обозначения фонем относятся не к орфографии, а к графике. А ввиду того, что последняя представляет собой правила применения алфавита, для анализа древневерхненемецкой графики необходимо рассмотреть древневерхненемецкий алфавит.

§ 22. Известно, что в древневерхненемецких письменных памятниках, как и в памятниках большинства других германских языков, используется латинский алфавит. При этом следует подчеркнуть, что латинский алфавит не приспособлялся специально к нуждам немецкого языка, а использовался стихийно.

---

[1] F. Kluge. Deutsche Sprachgeschichte, Berlin 1924, S. 235—236.

В различных монастырях, преимущественно в южной Германии, монахи, единственные носители грамотности того времени (а грамотность означала умение читать и писать на латинском языке), стали записывать отдельные слова, а также и связные тексты латинскими буквами. Обычно подчеркивают несовпадение числа букв латинского алфавита с числом древневерхненемецких фонем как основное препятствие к точной передаче последних на письме. Такая точка зрения не имеет достаточных оснований.

Алфавит это не система знаков транскрипции, в которой требуется однозначное соответствие между знаком и обозначаемым им звуком речи (в фонетической транскрипции) или фонемой (в фонологической транскрипции). Для того чтобы алфавит соответствовал своему назначению, необходимо только, чтобы он давал возможность через отдельные буквы или через их сочетания передавать фонемный состав слов на письме. Оказывается, что число букв при этом может быть значительно меньше числа фонем соответствующего языка.

Так, в современном немецком алфавите, кстати сказать, отличающемся от латинского только одной буквой ß, имеется всего 30 букв[1], тогда как число фонем достигает сорока. Такое расхождение, между тем, нисколько не препятствует тому, что благодаря системе правил немецкой графики фонологический облик слова (т. е. в конечном счете состав входящих в него фонем) может быть отображен совершенно точно. Нет таких фонологических оппозиций в немецком языке, которые не могли бы быть переданы на письме.

Пусть немецкий алфавит не располагает специальными буквами для различения долгих и кратких гласных. Однако путем удвоения букв в одних случаях (Saat, Meer), путем постановки буквы h после гласной в других случаях (Uhr, ihr), отсутствием удвоения согласной буквы после гласной в третьих (graben, leben, Gras, Weg), а также и другими средствами (viel, Spiel) долгие гласные отличаются от кратких[2]. Отсутствует в немецком

---

[1] Отсутствуют в латинском и буквы ä, ö, ü, но от латинских их отличает только диакритический значок — „¨“.

[2] Если в некоторых случаях, например, в словах Bart, Erde и т. п. долгота не обозначена, то в этом повинна орфография, пред-

алфавите также и специальная буква для обозначения фонемы /ʃ/, последняя, однако, передается либо сочетанием букв **sch**, либо буквой **s** в начале слов перед согласными **p**, **t**. В последнем случае фонема /ʃ/ сама по себе не получает специального обозначения, и это создает известную нечеткость и противоречия в правилах графики, когда оказывается необходимым обозначить сочетания фонем **sp**, **st** (ср. Sputnik, Start). Графическая нечеткость является причиной того, что во многих случаях имеются колебания в произношении, например: /ʃti:l — sti:l, ʃtart — start, ʃpe:t͡si:fɪʃ — spe:t͡si:fɪʃ/.

Однако, если отвлечься от подобных иностранных заимствований и принять во внимание, что в старой немецкой лексике фонема /s/ перед /p, t/ в начале слов не встречается, то рассматриваемое правило графики вполне удовлетворяло бы требованию однозначного отображения фонем.

Объяснение непоследовательности правил графики, отсутствию однообразия в отображении фонем на письме, нужно, следовательно, искать не в несоответствии числа букв числу фонем, а в чем-то другом.

§ 23. Сказанное относится и к древневерхненемецкой графике. Причина несовершенства графики древнейших эпох состоит не в том, что она не располагала специальным алфавитом, а в том, что писцы, как правило, не создавали своей системы графики, а бессознательно использовали правила латинской графики. Они основывались при этом на аналогии между звучанием тех или иных немецких сочетаний фонем с тем, как они читали соответствующие сочетания букв в латинских текстах. Так, если мы находим такие написания, как calt и cit, в которых буквой **c** в первом случае обозначен согласный /k/, а во втором — аффриката /t͡s/, то это объясняется традицией чтения аналогичных латинских сочетаний, господствовавшей в средние века. Применением правил латинской графики объясняется и то, что в большинстве древневерхненемецких памятников не различались долгие и краткие гласные.

писывающая именно так писать эти слова. С точки зрения графики здесь можно было бы удвоить гласные буквы или же поставить после них **h**.

Наряду с этим имеются памятники с самостоятельной графической системой и притом весьма продуманной. К ним нужно отнести в первую очередь перевод Исидора, а также произведения Ноткера и некоторые другие, хотя и в них, как это видно из примеров, приведенных в § 21, имеется немало противоречий. В этих памятниках обнаруживается понимание особенностей немецкой фонетической системы и стремление отобразить их на письме. Так, у Исидора различаются смешиваемые в других памятниках способы обозначения аффрикаты, для чего он, как и другие, пользуется буквой **z** (напр., zi, uuurza), и соответствующего щелевого, который он передает сочетаниями **zs** (напр., dhazs) или **zss** (например, uuazssar).

Следует заметить, что расшифровка и такой графической системы представляет нелегкую задачу, и она невозможна без сопоставления с написаниями, принятыми в других памятниках[1], а также и с различными другими данными. Что zs и zss обозначают простой согласный, а не сочетание, можно установить только благодаря тому, что в словах dhazs, uuazssar в других памятниках вместо них пишется один согласный, а также и благодаря сопоставлению с прочими германскими языками, с современным немецким языком и его диалектами.

Таким образом, знакомство с латинской графикой, с одной стороны, и наличие памятников с упорядоченной графикой, приспособленной специально к немецкому языку, с другой стороны, дают возможность раскрыть через графику фонетические единицы древневерхненемецкого языка.

§ 24. Если можно считать несомненным, что при помощи графики звуковая сторона языка получает хотя и сложное, но достаточно полное отображение, то следует все же подробнее остановиться на трех вопросах: во-первых, что́ именно передается графикой — фонемы или варианты фонем (т. е. звуки речи), во-вторых, возможно ли раскрыть через графику весь состав фонем языка и, в-третьих, возможно ли расшифровать через графику фонемный состав слов.

---

[1] Прав был Клуге, который писал, имея в виду разнообразие написаний, следующее: „Для установления того, как говорили в древние времена, это преимущество, ибо мы можем из этих колебаний в написании извлечь много данных о природе звуков" (указ. соч., стр. 106).

Чтобы ответить на эти вопросы, лучше всего обратиться к современному языку, в котором нам одинаково хорошо известны и фонологическая система и правила графики. Полученные на современном материале общие принципы можно, как мы увидим, целиком приложить и к древним языкам.

Внимательное изучение всех, иногда противоречивых, правил современной немецкой графики покажет, что она соотнесена только с фонемами языка и ни в коей степени не раскрывает фонетической характеристики фонем, их вариантов. Ни варьирование гласных в зависимости от позиции в слове (наличие сильного приступа, Knacklaut, в абсолютном начале ударенных морфем и отсутствие его в других позициях), ни варьирование долгих гласных по длительности в зависимости от места ударения, ни обусловленность качества краткого /ɛ/ ударностью или безударностью соответствующего слога не находит никакого отражения в графике. Равным образом на письме никак не передаются и варианты согласных. Никакими средствами нельзя обнаружить по написаниям, что губные и заднеязычные согласные представлены перед долгими /i:, y:/ палатализованными вариантами, а перед остальными гласными — непалатализованными, что переднеязычным согласным такие варианты не свойственны и т. п.

Было бы ошибочным думать, что соотнесенность современной графики именно с фонемами является результатом сознательной деятельности ученых лингвистов. История немецкой графики показывает, что правила ее складывались в общем стихийно; этим и объясняются немалочисленные противоречия, обнаруживаемые в ней. Удельный вес сознательной нормализации в процессе ее создания ничтожен. Кроме того, следует помнить, что в самой лингвистической науке теория фонемы возникла совсем недавно, гораздо позднее того, как графическая система немецкого языка окончательно сложилась.

Таким образом, графика свидетельствует о том, что в сознании носителей данного языка существуют только фонемные различия, различия же между вариантами одной фонемы не осознаются, как правило. Они могут обратить на себя внимание только в том случае, если говорящий сталкивается с иноязычным произношением. Так, усвоив противопоставление палатализованных и непалатализованных согласных в русском языке, немец может заметить,

что и в немецком произношении он палатализует некоторые согласные в определенных фонетических положениях. Во всем этом нет ничего непонятного, так как все, что носители языка осознают относительно этого языка (их „языковое сознание“, как говорит Бодуэн), воспитывается самим языком.

Исследование современной графики показывает, кроме того, что она не только не отражает вариантов фонем, но не передает и относительно новых фонологических противопоставлений. Так, нет специального знака для фонемы /ŋ/, который позволял бы отличать ее на письме от сочетания /ng/, не различаются и фонемы /x — ç/.

§ 25. Второй вопрос заключается в том, возможно ли через графику полностью раскрыть состав фонем языка. Представим себе, что перед нами современная немецкая письменность и что она является единственным источником для проникновения в состав фонем немецкого языка. Все ли правила графики удалось бы нам раскрыть, а через них и состав фонем? Противопоставление долгих и кратких **a, o, e** выявилось бы благодаря тому, что эти долгие гласные часто обозначаются путем удвоения букв. Сложнее было бы с долгими /i:, u:, ø:, y:/, которые никогда не передаются таким способом, но и их удалось бы выявить после того, как было бы установлено, что долгота гласных обозначается еще и при помощи буквы **h**.

Последнее обнаруживается благодаря рифме, которая играет немаловажную роль в дешифровке графики; если графическое значение какого-нибудь написания известно, то может быть раскрыто значение написания слова, рифмующегося с первым. Такие рифмы, как Kahn: getan, vor: Rohr[1] и т. п., показывают, что **h** в подобных случаях не обозначает никакого согласного, а из рифм Haaren: Jahren, See: Liebesweh становится ясной графическая функция этой буквы после гласных. Если же известно, что **h** является знаком долготы гласного, то легко установить, что в немецком языке имеются долгие /i:, u:, ø:, y:/.

Немалые трудности представляет и расшифровка двухбуквенных и трехбуквенных сочетаний (диграфов и триграфов). Что **ch** служит для обозначения одной фонемы, а

---

[1] Все примеры взяты из стихотворений Г. Гейне.

не сочетания фонем, можно заключить, во-первых, из того, что буква **c** почти не встречается в современных текстах вне сочетания **ch**, во-вторых, из таких, правда, весьма редких рифм, как Bereiche — Haargezweige, встречающихся у Гёте, или из того, что рифмуются суффиксы **-lich** и **-ig**. Эти рифмы показывают, что -ich и -ig, -eiche и -eige читаются одинаково [1]. При этом едва ли возможно, чтобы буква **g** передавала на письме сочетание согласных, а не простой согласный. А если это так, то, следовательно, и **ch** обозначает один согласный. Для расшифровки же графического значения **sch** тексты не дают никаких оснований; самое большее, что можно утверждать, учитывая сказанное о **ch**, это то, что **sch** обозначает не более двух фонем. Следовательно, о существовании фонемы /ʃ/ в немецком языке мы из письменности непосредственно узнать никак не можем.

Все сказанное в § 24 и § 25 заставляет считать, что, основываясь на письменных текстах, мы не узнаем о существовании в современном немецком языке фонем /ŋ, ʃ, ç/. Остальные фонемы выявятся полностью, так как для них существуют достаточно четкие буквенные соответствия, но вследствие того, что в немецком алфавите имеется несколько лишних букв, исследователь, вынужденный опираться только на письменные памятники, припишет немецкому языку несвойственные ему фонемы. Такие пары написаний, как vor — für, Physik — Philologie, подсказывают ложную мысль о наличии фонологических противопоставлений в этих случаях.

Мы видим, таким образом, что, хотя для большинства случаев данные графики могут быть исчерпывающими, она сама по себе не дает возможности полностью установить состав фонем языка, так как отсутствие графического различения не означает отсутствия противопоставления, а наличие такого различения еще не доказывает безоговорочно наличия фонологического противопоставления. Однако надо иметь в виду следующее: если различие написаний сколько-нибудь систематично и не может рассматриваться как „каприз“ писца, то за ним скорее всего кроется фонологическое противопоставление. Так, если какая-нибудь пара слов пишется большей частью с одной

---

[1] Гёте, как носитель франкского диалекта, действительно произносил подобные сочетания одинаково.

и той же гласной буквой в корне, например, в средневерхненемецких рукописях kopf и kopfe, но наряду с этим второе слово встречается и в виде köpfe, тогда как первое никогда через ö не пишется, то есть все основания предположить, что o и ö обозначают разные фонемы. Окончательно это может быть доказано только путем привлечения разнообразных фактов не только графического характера, однако данные графики должны быть восприняты как сигнал для дальнейших разысканий.

§ 26. Само собой разумеется, что при принятом нами ограничении, когда мы знаем только одну сторону графики — буквы, но не знаем второй ее стороны — фонем, мы не можем восстановить все правила графики: многозначность букв, отдельные их функции останутся скрытыми от нас. Так, нельзя увидеть по текстам, что буква s служит в некоторых случаях для обозначения фонемы /ʃ/, а буква **t** в суффиксе **-tion** обозначает фонему /t͜s/.

Ввиду этого, отвечая на третий из поставленных в § 24 вопросов, мы должны сказать, что расшифровать фонемный состав слов только на основании данных письма очень часто окажется невозможным. Что в таких словах, как Erde, werden, Wert, Arzt и т. п., мы имеем долгие гласные, что слова Vogel и Vokal начинаются с разных согласных, из написаний вывести нельзя. Точно так же нельзя заключить, что слова Gras и Haß заканчиваются одним и тем же согласным.

В результате рассмотрения вопроса о возможностях раскрытия правил графики, а через них и состава фонем по данным письменных памятников на примере современного немецкого языка можно сказать следующее: письменность сама по себе не дает достаточных оснований для установления полного состава фонем языка. Не имея дополнительных сведений, исследователь может не определить некоторые существующие в языке противопоставления и, наоборот, приписать ему отсутствующие. В еще меньшей степени возможна расшифровка фонемного состава слов.

§ 27. Из всего сказанного в предыдущих параграфах вытекает, что для реконструкции правил графики необходимо кроме письменных текстов располагать данными

о звуковой стороне языка. При недоступности последней непосредственному наблюдению могут быть все же найдены косвенные данные о ней. К ним нужно отнести в первую очередь заимствования из других языков, а также из исследуемого языка в другие. Особенно богатый материал дают при этом собственные имена.

Выше было показано, что один анализ письма не дает возможности обнаружить в современном немецком языке фонему /ʃ/. Если же обратиться к заимствованиям из русского языка, как Puschkin, Schostakowitsch, с одной стороны, и к таким заимствованиям в русском, как *Шиллер, Шпрее, Штутгарт*, то станет ясным графическое значение сочетаний **sch**, **sp**, **st**, а через него раскроется и наличие особой фонемы, противопоставленной /s/.

Труднее обстоит дело с фонемой /ŋ/; однако, если учесть, что в китайском языке сочетаний согласных в конце слога не бывает, что они заканчиваются всегда либо гласным, либо простым сонантом, то немецкие написания Peking, Schantung должны подсказать, что **ng** обозначает какую-то одну фонему, а не сочетание фонем.

Аналогичным образом можно будет определить значение излишних букв; написание слов Xenia, Oxford, Expedition покажет, что **x** никакой особой фонемы не обозначает. Такой же вывод можно будет сделать относительно буквы **v** на основании сопоставления написаний Wolga и Voroschilow и двух вариантов написания имени Вера — Vera и Wera, а также из русских написаний *фон Гёте, Фосс* (ср. von Goethe, Voß).

Однако заимствования не единственный источник для расшифровки темных мест графики; они взяты здесь как пример того, что уже один источник подобного рода может оказать исследователю большую помощь.

§ 28. Поскольку мы рассматривали факты современной письменности в полном отвлечении от звукового языка, постольку можно сказать, что сделанные на основе анализа этих фактов выводы вполне приложимы и к древней письменности.

Важнейшим выводом, имеющим огромное принципиальное значение, является то, что графика соотнесена с фонемами, а не со звуками речи — вариантами фонем. Следовательно, расшифровывая графическую систему языка, мы реконструируем состав его фонем. Все старые иссле-

дователи истории немецкого языка (как, впрочем, и других языков) шли таким путем, поскольку иначе как через письменность доступа к древним состояниям языка нет. Значит, они стихийно оперировали фонемами, хотя и не пользовались понятием фонемы, и добытые ими сведения вполне могут лечь в основу построения исторической фонетики или фонологии, базирующейся на учении о фонеме.

Чтобы быть справедливым к ученым, представителям дососсюровского языковедения, следует заметить, что наиболее значительные из них ясно отдавали себе отчет в том, что важны не сами звуки, а звуковые различия. Так, Э. Сиверс в своей уже цитированной выше книге, сыгравшей огромную роль в истории науки, писал еще в 1876 г.: „Прежде всего нужно стремиться создать себе точное представление о строе каждой рассматриваемой системы звуков (подчеркнуто Сиверсом). При этом следует всегда иметь в виду, что она обусловлена не столько числом случайно оказавшихся в ней звуков самих по себе, сколько отношениями этих отдельных членов между собой“[1].

Само собой разумеется, что определенный современным исследователем состав фонем того или иного древнего языка может не совпасть с тем, что мы найдем у старых языковедов, но подобные расхождения отнюдь не являются редкостью и среди ученых, одинаково основывающихся на теории фонемы.

Второй также немаловажный вывод из анализа графики без знакомства со звуковой стороной языка состоит в том, что реконструкция графической системы в этих условиях хотя и представляет значительные трудности, но все же вполне возможна. А следовательно, возможна и реконструкция состава фонем древних эпох. При этом, конечно, не исключены и ошибки; однако они не исключены и при изучении живых языков.

§ 29. Если признать, что в принципе вопрос о расшифровке древней письменности решается поставленным выше экспериментом на материале современных немецких написаний, то из этого еще не следует, что и методы расшифровки должны во всех случаях совпадать. Напро-

---

[1] E. Sievers. Grundzüge der Lautphysiologie, Leipzig 1876, S. 4.

тив, в методах могут обнаружиться и существенные различия.

В древневерхненемецком неприменим, например, метод анализа рифм, поскольку точная рифма в нем не обязательна и встречается относительно не часто. Труднее опираться и на заимствования, так как не всегда достаточно надежно восстановим фонетический облик их и в корреспондирующем языке. Ввиду того что языки, из которых заимствовались имена собственные в древневерхненемецкий язык, были уже мертвыми языками к тому времени, могло иметь значение только их написание, а не фонетическая основа последнего.

Однако в других отношениях древняя письменность обладает и известными преимуществами по сравнению с современной. Как уже указывалось выше, неоднородность графики разных памятников может оказаться очень выгодной для раскрытия ее правил. Точно так же как и из дублетных написаний, встречающихся в одном и том же памятнике, можно извлечь ценные сведения.

Если в одном памятнике пишется, например, cuning, но kind, а в другом в начале обоих слов стоит буква k, то это дает основание предположить, что обе буквы **c** и **k** обозначают одну, а не две фонемы. Если же дальнейшие наблюдения показывают, что написание **c** перед **i** (например: cit) соответствует в других памятниках **z** (zit), то можно будет сформулировать следующее правило графики: „Буква **c** служит для обозначения одной фонемы перед гласными заднего ряда и другой фонемы перед гласными переднего ряда. Буква **k** служит для обозначения только одной фонемы, и притом той, которая может обозначаться буквой **c** перед задними гласными“. Из этого правила следует, что мы имеем в древневерхненемецком две фонемы, передаваемые на письме тремя буквами.

Немалую роль могут сыграть для раскрытия графики и дублетные написания. Такие пары, как uers — fers, kuani — chuani и другие, приведенные в § 21, показывают, что одна и та же фонема (а именно — такая-то) может иметь двоякое обозначение. Следует, однако, отметить, что такие дублеты должны быть тщательно изучены, так как за ними могут скрываться и фонетические различия. В качестве примера такого рода можно привести пары: cot — got, pin — bin, taz — daz, широко встречающиеся у Ноткера. Исследование подобных пар позволило

установить чередование глухих и звонких согласных, известное под названием „Ноткеровского закона начала слов“ (см. § 53).

§ 30. Сопоставление данных разных памятников может дать ключ и к фонемному составу слов. Так, последовательного обозначения долгих гласных в общем нет ни в одном древневерхненемецком памятнике, не говоря уже о том, что в большинстве памятников долгота не передается вовсе. Однако, если сопоставить написания одних и тех же слов в разных памятниках, то, по крайней мере, в пределах одного диалекта окажется возможным определить длительность гласных в соответствующем слове.

Существенную роль в установлении фонемного состава слов играют чередования фонем. Известно, например, что краткое **a** чередуется в древневерхненемецком с **e**, если в следующем слоге имеется гласный **i** (так наз. примарный умлаут, см. § 34); долгое же **â** такому чередованию не подвержено. В таком случае сохранение **a**, например, в слове wari (2. P. Sg. Prät. от глагола wesan) свидетельствует о том, что это **a** долгое.

Не последнюю роль играют и некоторые грамматические соображения. Так, принадлежность сильного глагола к VI ряду аблаута (а это, как известно, обнаруживается в том, что претерит имеет огласовку **uo**) является доказательством того, что в инфинитиве он имеет краткое **a**. Напротив, глагол, относящийся к VII ряду, т. е. имеющий в претерите **ia**, **io**, может иметь в инфинитиве как краткое **a**, так и долгое **â**. Решить вопрос можно здесь, привлекая сравнительно-грамматические данные. Долгим **â** будет в инфинитиве только таких глаголов, которые имеют в готском языке **e** (ср. дрвн. slâfan, гот. slepan); если же в готском мы имеем также гласный **a**, то он будет кратким (ср. дрвн. haltan, гот. haldan).

Другим примером, иллюстрирующим необходимость привлечения сравнительно-грамматических данных для трактовки фактов графики, может служить установление значения сочетания букв **th**. Правда, с этим сочетанием, встречающимся в одних древневерхненемецких памятниках, корреспондирует в других буква **d**. Однако только сравнение с другими германскими языками окончательно убеждает в том, что мы имеем здесь дело с простым согласным, а не с сочетанием их.

§ 31. Резюмируя все сказанное в последних параграфах, нужно признать, что расшифровка графики древних письменных памятников возможна только в том случае, если наука располагает кроме этих памятников также различного рода сведениями о звуковой стороне исследуемого языка. Без этого невозможно реконструировать правила графики, а следовательно, и состав фонем.

Что же касается методов, описанных выше, то они не новы; ими всегда пользовались историки языка. Это еще раз подтверждает высказанную выше мысль о том, что старые исследования содержат, как правило, вполне надежный и с современной точки зрения материал.

Глава I

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА

1. СОСТАВ И СИСТЕМА ФОНЕМ

§ 32. Как указывалось во введении, важнейшим источником для установления состава фонем древних языков является графика. Древневерхненемецкий алфавит, если учесть все знаки, встречающиеся в немецких рукописях VIII—XI веков, состоял прежде всего из следующих общеупотребительных латинских букв: **a**, **b**, **c**, **d**, **e**, **f**, **g**, **h**, **i**, **j**, **k**, **l**, **m**, **n**, **o**, **p**, **q**, **r**, **s**, **t**, **u(v)**, **x**, **y**, **z**. Далее особыми буквами можно считать гласные с диакритическими знаками — акутом (ʹ) и циркумфлексом (^), которые встречаются в некоторых рукописях, главным образом в сочинениях Ноткера. К ним следует добавить еще относительно малоупотребительную букву **ę**, а также лигатуру **æ**, равнозначную сочетанию букв **ae**.

Раскрыв правила использования этого алфавита, т. е. правила графики, для чего необходимо будет привлекать также и различные сравнительно-грамматические и историко-фонетические факты, мы сможем выявить состав фонем древневерхненемецкого языка.

Как известно, в древневерхненемецкий период отсутствовал общий наддиалектный язык[1]. Поэтому, естественно, возникает вопрос, в какой степени можно говорить о едином составе фонем для этого периода. Анализ памятников, относящихся к разным диалектам, показывает, что, хотя состав фонем и система противопоставле-

[1] См. В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 45 сл.; W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 3 ff.

ний в них не совпадают полностью, в основных чертах они одинаковы. Различаются диалекты лишь частично по составу фонем, главным образом по реализации их противопоставлений, что особенно обнаруживается в дифтонгах (см. § 40 сл.) и смычных согласных (см. § 52 сл.)

А. Гласные фонемы

а) Монофтонги

§ 33. Состав гласных представляется во всех диалектах одинаковым. Это, во всяком случае, справедливо с точки зрения системы противопоставлений. Что же касается реализации фонем, то здесь, в особенности в отношении дифтонгов, можно заметить довольно существенные различия (см. § 40 сл.).

Древневерхненемецкий период характеризуется следующими гласными:

краткие: **a, ë, e, i, o, u,**

долгие: **â, ê, î, ô, û,**

дифтонги: **ei, ou, uo, io, iu.**

Последовательное графическое обозначение и употребление в одинаковых фонетических позициях делает фонологическую противопоставленность многих перечисленных гласных очевидной. Она подтверждается фактами, легко обнаруживаемыми в различных по диалекту памятниках. Так, не вызывает никаких сомнений, что **a** противопоставлено всем остальным кратким, что **o** противопоставлено **a, e, i** и т. п. Однако в других случаях вопрос о фонематичности того или другого различия, например кратких и долгих, или **o** и **u**, требует специального рассмотрения.

§ 34. Названные выше **ë** и **e** в рукописях последовательного графического различения не имеют. В большинстве случаев они пишутся одинаково, либо через **e**, либо как **ae**, **ę**; ср., напр.: neman, aerdha 'Erde' (Is.), ępani 'Ebene' (K.), имеющие гласный **ë**, и scepfen 'schöpfen, schaffen', aerbio 'Erbe' (Ra.), ędili 'Geschlecht' (Is.), имеющие гласный **e**. Только в отдельных памятниках, но при этом разнодиалектных, фонема /e/ обозначается как **ei, ie** или **i**, напр. keisteo 'Gast' G. Pl. (Pa.), kischeifti 'Ge-

schöpf' (Rb.), eipfelon 'Apfel' D. Pl. (Will.), hieriscaf 'Heer' (O.F.), Ingietruth (имя собственное) и др. Такие написания сами по себе ни о чем определенном не говорили бы.

На мысль о том, что в древневерхненемецком имелись две кратких фонемы ë и **e**, наталкивает исследователей различное их происхождение. Первое является старым германским звуком; ср., напр.: hërza 'Herz', bërg, ëʒʒan 'essen' и др. Второе — результат умлаута краткого **a** (ср. § 60), напр. gesti (от gast), wenden (ср. гот. wandjan).

Мнение, что ë и **e** были разными фонемами, подтверждается и фактами самого древневерхненемецкого языка.

Если был период, когда старое ë не могло выступать перед **i** последующего слога (закон преломления), а новое **e**, напротив, появлялось в основном как раз перед **i** (и тем самым оба **e** являлись позиционными вариантами) [1], то в текстах классического древневерхненемецкого (с IX в.) оба обсуждаемых гласных встречаются в одинаковом фонетическом положении.

Сравним положение перед **i**: старое ë — snëllî 'Tapferkeit', gërnig 'gierig', armahërzida 'Barmherzigkeit' и т. п.; новое **e** — lengî 'Länge', kreftig 'kräftig', beldide 'Kühnheit' (от bald 'kühn') и т. п.

Положение перед другими гласными: старое ë — gëba 'Gabe', hërot 'hierher', lëder 'Leder' и т. п.; новое **e** — gerta 'Gerte', gesto 'Gäste' G. Pl., ensto 'Günste' G. Pl. [2] и т. п.

Что эти два **e** действительно фонологически противопоставлялись друг другу, будет доказано только в том случае, если они различались по произношению. Фонетическая же неоднородность их при отсутствии прямых показаний может быть установлена только на основании их дальнейшей судьбы. Если бы эти звуки не различались уже в древневерхненемецком, то такое различие именно

---

[1] Положение В. М. Жирмунского о том, что **ë** и **e** являются позиционными вариантами одной фонемы, надо относить, по-видимому, именно к этому периоду (ср. В. М. Жирмунский. Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии. Сб. „Академику В. В. Виноградову к его 60-летию", М., 1956, стр. 140).

[2] Эти формы род. пад. множ. числа, вытеснившие более старые gestio, enstio, для IX века были нормой.

в словах, где **е** разного происхождения[1], не могло бы появиться в более позднее время, когда предпосылки их различения давно потеряли свою значимость.

Вместе с тем точно рифмующие поэты средневерхненемецкой эпохи избегали рифмования слов, содержащих в качестве ударенного гласного **е** и **ё**, таких, как, например, legen — dëgen (см. § 89)[2].

Кроме того, в ряде современных диалектов, в отличие от литературного языка, имеется противопоставление этих двух **е**. В словах со старым **ё** употребляется более широкий звук, а в словах с новым **е**, возникшим из **а** путем умлаута, более узкий, напр. швабск. ęse (из дрвн. ëȥȥan) — bẹsr (из дрвн. beȥȥiro)[3].

Такое развитие позволяет утверждать, как это широко принято в германистике, что и в древневерхненемецком новое **е** было более узким, чем старое.

§ 35. Наличие двух различных букв **е** и **i** могло бы считаться достаточным основанием для признания фонематической самостоятельности соответствующих гласных (**ё** — **i**). Вместе с тем такое решение вопроса оказывается не столь очевидным по двум причинам. Во-первых, спорным является положение дел в германском языке-основе[4]. Во-вторых (и это особенно важно), в древневерхненемецком эти гласные большей частью встречаются в разных фонетических условиях, а именно: **ё** перед **а**, **е**, **о** в последующем слоге, тогда как **i** встречается перед **i** (**j**), а также в положении перед носовым + согласный, независимо от последующего гласного; ср., напр.: nimis — nëmant (2. P. Sg. Präs. и 3. P. Pl. Präs.), ërda 'Erde' — irdisc 'irdisch', bindan (ср. § 76). В связи с этим может возникнуть предположение, что **ё** и **i** являются вариантами одной и той же фонемы.

Однако наряду с указанными фактами мы имеем и многочисленные случаи употребления **ё** и **i** в одной и

---

[1] Случаи, когда новое **е** выступает вместо старого **ё**, единичны и объясняются, по-видимому, ассимилятивным воздействием **i**, когда оно оказывалось после **ё**, напр. ledig, или влиянием аналогии, напр. gestaron 'gestern' (ср. gestrig).

[2] Ср. также W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 28 Anm.1.

[3] См. В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 186. (Транскрипция сохранена.)

[4] См. Сравнительная грамматика германских языков, М., 1962, стр. 90.

той же позиции. Это прежде всего случаи, когда ё и **i** стоят в односложных словах, и, следовательно, за ними не следует никакой другой гласный; ср., напр.: brët 'Brett', fël 'Fell', bërg, swërt 'Schwert', fëld, hëlm, nëst, wëg, с одной стороны, и trit 'Tritt', spil 'Spiel', zil 'Ziel', skilt 'Schild', wist 'Wesen', fisk 'Fisch', gift 'Gabe', sib 'Sieb', с другой.

Далее, это случаи, когда ё стоит в корневом слоге, за которым следует слог с **i** или **u**, и когда, напротив, **i** имеет после себя слог с гласными **e**, **a**, **o**, напр.: rëhtunga 'Recht', quëdunga, sprëchunga, nëmunga (от quëdan 'sagen', sprëchan, nëman), awërfig 'verworfen', suuërtu 'Schwert' Instr. Sg., kahëlmit 'behelmt', ëbur 'Eber', с одной стороны, и rihten, rihtari 'Richter', slito 'Schlitten', giwichan, giscinan (Part. II от wîchan 'weichen', scînan 'scheinen'), irrari 'Ketzer', skiltari 'Schildträger', fisco 'Fisch' G. Pl. и др., с другой. И, наконец, в ряде случаев в древневерхненемецкий период мы имеем колебание между ё и **i** в одном и том же слове, напр.: scëf и scif 'Schiff', scërm и scirm 'Schirm, Schutz', wëssa и wissa 'wußte' и др.

Таким образом, **ё** и **i** оказываются не обусловленными в своем появлении фонетической позицией, что и характеризует их как самостоятельные фонемы.

§ 36. Совершенно аналогичны взаимоотношениям между **e** и **i** отношения между **o** и **u**. Эта пара также четко различается графически и, как правило, выступает в разных условиях употребления; причем эти условия совпадают с вышеописанными. Ср.: butum — gibotan (1. P. Pl. Prät. и Part. II от biotan), fora и furi (предлог vor, употребляющийся с дат. и вин. падежом), wolla — wullîn (Adj.) 'Wolle — wollen', gibundan и др. В этих примерах опять ясно видна зависимость корневого **o** и **u** от гласного последующего слога, а именно: гласный **o** перед **a**, **e**, **o**, гласный **u** перед **i (j)** или перед носовым + согласный. Однако и тут мы можем встретить **o** и **u** в одинаковых позициях, напр. в односложных словах, следовательно, вне зависимости от последующего слога; ср.: bok 'Bock', got 'Gott', frosk 'Frosch', fol 'voll', wort, loh 'Loch', с одной стороны, и zug, kus 'Kuß', lust, wurm, sucht 'Krankheit', с другой.

Гласный **o** встречается и тогда, когда в последующем слоге выступает **i**; **u** можно встретить в позиции с **a**, **e**, **o**

в последующем слоге, напр.: wonunga 'Wohnung', korunga 'Versuchung', zornunga 'Empörung', kornlîh 'злаковый', botin, botun 'Bote' G. и A. Sg., holir 'Höhle' Pl., gajochi 'Zweigespann'; с другой стороны: zurnen 'zürnen', scutten 'schütteln', hullen 'hüllen', zuhtâri 'Lehrer'.

Наконец, можно встретить **o** и **u** в одном и том же слове, ср. напр. fogal и fugal 'Vogel', obar и ubar 'über' и др.

Итак, четкое графическое различение этих гласных, а также и приведенные здесь факты свидетельствуют о фонематической самостоятельности **o** — **u**.

Долгие гласные

§ 37. Наличие долгих фонем **â, ê, î, ô, û** в древневерхненемецком обнаруживается благодаря ряду обстоятельств. Во многих памятниках можно встретить обозначение долготы, а иногда и краткости. Особенно красноречивым является удвоенное написание гласных букв, которое мы находим в ряде памятников (наиболее часто в Benedictiner Regel и у Исидора), например, scaah 'Raub', saar 'sofort' (Is.); waan 'Wahn, Hoffnung', meer 'mehr', suhtigeem 'krank' D. Pl., farchoraneer 'verworfener' (Bened.); iisnin 'eisern', riihi 'Reich', wiis 'weise', liihhamo 'Körper', miin 'mein', ziid 'Zeit' (Is.); gernii 'Begehren', booh 'Buch', discoom 'Schüler' D. Pl., giminnoot 'geliebt' (Bened.); huus 'Haus', antluuhu 'aufschließen' 1.P.Sg. Präs. (Is.).

Обозначается долгота и диакритическими знаками, редко акутом ('), ср. práhta 'brachte', éwart 'Priestler' (Hraban, Glossen), чаще циркумфлексом (^). Последовательнее всего это проведено у Ноткера и Виллирама, обозначающих знаком „^“ долготу, а знаком „'“ краткость ударенных гласных. Ноткер в ряде случаев отмечает и долготу неударного гласного, ср., напр.: wânen 'wähnen', mâri 'herrlich', sâr 'sofort', râten и sáng, máchôn 'machen', ánder, ált; zwêne 'zwei', mêr 'mehr', lêren 'lehren', mit gûollichên êron 'mit herrlichen Ehren'; névo 'Neffe', téta 'tat', chéden 'sagen'; sîn 'sein', rîch 'reich', scrîben 'schreiben' и síh 'sich', hína 'hin', díng; frôlich 'fröhlich', trôsten 'trösten', rîchesôn 'herrschen' и wórt, fóne 'von', ferlóren 'verloren'; nû 'nun', tûba 'Taube', hûs 'Haus' и zúhta 'zückte', únde 'und', fúllen 'füllen' и др.

Значение указанных диакритических знаков подтверждается дублетными написаниями, имеющимися и в приведенных выше примерах (ср. saar — sâr, meer — mêr, huus — hûs, práhta — brâhta).

Реальный смысл средств обозначения долготы обнаруживается в том, что гласный пишется как долгий в тех словах, в которых по этимологическим и историческим соображениям и ожидается долгий. Таким образом, данные графики заставляют предположить, что в древневерхненемецком долгие и краткие гласные фонологически противопоставлялись. Наличие такого противопоставления неопровержимо доказывается тем, что соответствующие пары могли встречаться в одинаковых фонетических положениях, а в ряде случаев образовывали и квазиомонимы, ср., например: wân 'Wahn, Hoffnung', râtu 'raten' 1. P. Sg. Präs. и wan 'fehlend, mangelnd', rate 'Ratte'; êr 'eher', mêro 'mehr' и er 'er', mere 'Meer'; wîs 'Weise', rîsu 'steigen' 1. P. Sg. Präs. и wis 'sei' 2. P. Sg. Imp., riso 'Riese'; bôt 'bot', hôren 'hören' и boto 'Bote', horn; hût 'Haut', brût 'Braut' и hutta 'Hütte', brutten 'verwirren' и др.

§ 38. Более детальное рассмотрение вопроса целиком подтверждает сказанное в предыдущем параграфе.

Противопоставление **â** и **a**, само по себе ясное из вышеприведенных фактов, становится еще более очевидным, если учесть этимологию этих звуков: долгое **â** восходит к **ê**$_1$ (ê примарному) германского языка-основы и в очень редких случаях к комбинации **an** (в позиции перед **h**), в то время как древневерхненемецкое **a** краткое всегда восходит к германскому краткому **a**. Сравним, например: дрвн. slâfan 'schlafen' — гот. slêpan, дрвн. jâr 'Jahr' — гот. jêr, дрвн. râtan 'raten' — гот. rêdan, дрвн. mârian 'predigen' — гот. mêrjan, дрвн. nâmum 'nehmen' 1. P. Pl. Prät. — гот. nêmum и т. п.; дрвн. brâhta 'brachte' < *branhta, ср. bringan, дрвн. dâhta 'dachte' < *þanhta, ср. denken. Возьмем, с другой стороны, соответствия для **a** краткого: дрвн. ast — гот. asts, дрвн. fater — гот. fadar, дрвн. haltan 'halten' — гот. haldan, дрвн. lang. — гот. laggs, дрвн. nam 'nahm' — гот. nam.

Решающего значения это обстоятельство, конечно, не имеет, поскольку разные фонемы всегда могут слиться в одну в ходе развития языка. Эти факты приводятся лишь как добавочное соображение.

Кроме разной этимологии подтверждением противопоставленности долгих и кратких гласных могут служить и другие факты языка. Так, например, для пары ë — ê характерно то, что долгий член этой пары не вступает в чередование с i, которое столь типично для краткого члена противопоставления (ср. § 35). Аналогично дело обстоит и с парой i — î.

Для пары i — î надо еще отметить то обстоятельство, что их судьба в дальнейшей истории немецкого языка совершенно различна. Если долгому î всегда соответствует в нововерхненемецком дифтонг / a͜e /, то на месте старого краткого i мы в новое время всегда имеем тоже i (краткое или долгое). Сравним, с одной стороны: дрвн. îs, bî, mîn, grîfan, wîʒan и нвн. Eis, bei, mein, greifen, weiß Adj.; с другой стороны: дрвн. bist, fintan, in; spil, sib, ligen, ir и нвн. bist, finden, in; Spiel, Sieb, liegen, ihr.

Само по себе взятое несовпадение дальнейшей судьбы этих звуков не могло бы свидетельствовать об их фонематическом противопоставлении в древневерхненемецком, поскольку оно теоретически могло бы возникнуть и позже. Однако в ряду других соображений имеет вес и это обстоятельство.

Сказанное выше об ë — ê и i — î справедливо также и в отношении o — ô, u — û. Долгие члены данных пар не выступают в чередованиях, типичных для кратких o и u, упоминавшихся в § 36. Долгие ô и û ни друг с другом, ни со своими краткими контрагентами в систематические чередования не входят.

Для пары u — û можно, так же как и для i — î, отметить разную их историческую судьбу: долгому старому û в нововерхненемецком соответствует дифтонг / a͜o / , а краткому u, как правило, u (ü) краткое или долгое и редко o (ö), но во всяком случае простой гласный. Это можно видеть на примерах: ср. дрвн. ûf, ûʒer, bûch, bûr, sûfan, trûren — нвн. auf, außer, Bauch, Bauer, saufen, trauern и дрвн. kus, mund, burg, fuhs; fullen; zug, sunu — нвн. Kuß, Mund, Burg, Fuchs; füllen; Zug, Sohn.

§ 39. Говоря о долгих ê и ô, необходимо решить вопрос об их отношении к дифтонгам ai и au. Гласный ê, написание которого в ранних текстах часто ae (ср. aer 'eher', aerlôso 'ehrlos' у Исидора), произошел, по-видимому,

в VII в. н. э. из дифтонга **ai** в позиции перед **r**, **w** (на конце слова **w** чередуется с **o**), общегерманским **h**[1] и в абсолютном исходе, ср. дрвн. mêro 'mehr' — гот. maiza, дрвн. êht 'Besitz' — гот. aihts, дрвн. N. sêo 'See', G. sêwes — гот. saiws, дрвн. êwo 'Ewigkeit' — гот. aiws, дрвн. wê — гот. wai, дрвн. sê (междометие) — гот. sai.

В других случаях мы имеем дифтонг **ei**, ср. дрвн. teil — гот. dails, дрвн. ein — гот. ains, дрвн. leib 'Laib' — гот. hlaifs 'Brot' и др.

В связи с этим мог бы возникнуть вопрос о том, не являются ли **ê** и **ei (ai)** вариантами одной фонемы, зависящими от определенной позиции. На такой вопрос, однако, приходится ответить отрицательно, поскольку, во-первых, есть некоторое количество древневерхненемецких слов, в которых **ê** обнаруживается не перед указанными согласными, напр. wênag 'elend', zwêne 'zwei' Mask., sêla 'Seele', bêde 'beide'. Таким образом, **ê** и дифтонг **ei (ai)** могут встречаться в совершенно одинаковых позиционных условиях. Сравним с приведенными примерами такие слова, как stein, teil, kleid.

В некоторых памятниках количество слов, где **ê** стоит не перед **h**, **r**, **w**, было значительно больше, ср. stên, 'Stein', ênihc 'einzig' (Musp.), hêligero 'heilig' G. Pl. (Phys.), gihêȥȥan 'geheißen' (T.), bên 'Bein' (Mers.) и др. Что дело здесь не в ошибках писцов, как это иногда трактуется, явствует из обилия и повсеместного распространения этих случаев, а в особенности из большой последовательности появления такого **ê** в одном и том же корне в разных памятниках. Сопоставление ряда однотипных случаев дает, напр., Безеке[2]: enigan (Is.), nohênigeru (M.), ênquidi, ênis, êninom (Kb.), ênihc (Musp.), êning (T.), giênot (O.), ênes (Mainz. Gl.), ênezin (Prud.), ênin (Sam.), aenon, ęnan, ęnigeru (Hild.).

Долгое **ê** появляется, кроме того, во второй части сложных слов, следовательно, под неглавным ударением. Приведем примеры: Mannunhêm (топоним. название), urtêli 'Urteil' (Frankf. Gl.), follêst рядом с folleist 'Hilfe' (N.) и др. Как видно **ê** из **ai** здесь стоит перед **m**, **l**, **s**.

[1] Перед **h**, возникшим из **k** в результате 2-го перебоя, монофтонгизации не происходит, ср. дрвн. zeihhan 'Zeichen' — гот. taikns.

[2] G. Baesecke. Einführung in das Althochdeutsche, München 1918, S. 39.

Можно думать, что монофтонгизация в древневерхненемецкий период была представлена, во всяком случае в некоторых областях, более широко. Напомним, что в древненижненемецком (в старосаксонском) общегерманскому **ai** всегда соответствует **ê**.

Наконец, в абсолютном исходе слова может встретиться как дифтонг, так и долгое **ê**. Наряду с такими примерами, как вышеприведенные, мы имеем zwei neutr., ei 'Ei', screi 'schrie' и др. Таким образом, и тут **ê** и **ei** противопоставлены друг другу в одинаковом положении[1].

Разделение долгого **ô** и дифтонга **au** происходит несколько позже, по-видимому, во второй половине VIII века, и поэтому хорошо прослеживается по памятникам. Первоначальное позиционное ограничение заключалось в том, что **o** употреблялось в положении перед переднеязычными согласными и общегерманским **h**[2]; ср. дрвн. nôt — гот. nauþs, дрвн. gôʒ 'goß' — гот. gaut, дрвн. lôn 'Lohn' — гот. laun, дрвн. hôren — гот. hausjan, дрвн. kôl[3] 'Kohl' — лат. caulis, дрвн. hôh — гот. hauhs и т. п. В остальных позициях мы имеем дифтонг au (ou), напр. дрвн. ouga 'Auge' — гот. augo, дрвн. gilouben 'glauben' — гот. galaubjan, дрвн. slouf 'schlüpfte' и т. п.

Описываемый процесс происходит неравномерно по диалектам. Во франкских и алеманских литературных памятниках дифтонг перед переднеязычными и **h** практически не встречается. Баварские же памятники обнаруживают его в преобладающем количестве вплоть до начала IX века. В памятниках Exhortatio и в Кассельских глоссах (IX в.) мы встречаем формы kanaotit 'genötigt', capaot 'Gebot'.

Трактовке **ô** и **au** как вариантов одной фонемы противоречит тот факт, что **ô** встречается и не перед переднеязычными и германским **h**. Особенно часто это можно обнаружить в различных памятниках в сложных словах, во вторых компонентах, стоящих под неглавным ударением, ср. brûtlôfti 'Hochzeit' (T.), uîrôch 'Weihrauch' (Will.), hurolôb 'Urlaub' (Lorsch. Bien.); однако то же

---

[1] Ср., однако, „Сравнительная грамматика германских языков", М., 1962, т. II, стр. 138, где эта монофтонгизация в древневерхненемецком определяется как „позиционно-ограниченная".

[2] Перед **h**, возникшим по 2-му перебою из **k**, монофтонгизации не происходит, ср. дрвн. ouh 'auch' — гот. auk.

[3] Слово заимствовано из латинского языка.

видно и в ударном слоге, напр. lôfon 'laufen', bômgarto 'Garten' (Will.). По-видимому, развитие монофтонга и здесь, как в случае с ê, могло иметь более широкое распространение в некоторых областях, в особенности во франкских. Напомним, что в древненижненемецком (древнесаксонском) всякое **au** дало **ô**.

Прибавим к сказанному и то, что в абсолютном исходе мы можем обнаружить и **ou** и **ô**, напр. tou 'роса', ou 'Schaf', kou, blou (претерит от kiuwan 'kauen' и bliuwan 'bläuen, schlagen'), а с другой стороны, frô 'froh', strô 'Stroh', drô 'Drohung', klô 'Klaue' и др.

Находясь в одинаковых позициях, **ô** и **ou** отчетливо противопоставляются друг другу как самостоятельные фонемы.

Монофтонги **ê** и **ô**, возникшие в результате отделения от дифтонгов, вероятно, отличались от старого долгого $\hat{\mathbf{e}}_2$ (ê секундарного) и старого долгого **ô**, которые, по-видимому, были по своему характеру закрытыми звуками. Об открытости же нового долгого ê свидетельствует прежде всего его частое написание через **ae** или **ę** в старых памятниках, в то время как старое ê так не писалось. Написание **ae** особенно распространено в южнонемецких памятниках. Так, в Парижских глоссах 78 раз пишется **ae** и только 10 раз **e**; **ae** встречаем и в баварских именах, напр. Kaerperht, Harigaer. Рейнскофранкский Исидор тоже имеет написание **ae**, **ę**, ср. aer 'eher', ęra 'Ehre, Ruhm'. Открытость долгого **ô** нельзя подтвердить графическими правилами его обозначения. Однако фонетическое отличие новых долгих от долгих старых лучше всего доказывается тем, что новые **ê** и **ô** не разделили судьбы старых **ê** и **ô**, которые в это же время начинают переходить в дифтонги (§ 42 и сл.). Мы имеем лишь совершенно единичные примеры того, что новая долгая гласная превращается в дифтонг, ср. в Исидоре scuonin 'Schönheit' D. Sg. (обычно корень *skaun- представлен в древневерхненемецком как skôn-).

После того как старые долгие перешли в дифтонги, новые **ê**, **ô** приобрели, по-видимому, закрытый характер [1]. Во всяком случае написание **ae** для **ê** в более поздних памятниках исчезает.

---

[1] W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 43 Anm. 2, § 45 Anm. 1.

б) Дифтонги

§ 40. Вопрос о составе дифтонгов в древневерхненемецком языке представляется значительно более сложным, чем вопрос о составе простых гласных. Прежде всего здесь наблюдается большой разнобой в графике, который имеет, по-видимому, определенные фонетические основания. Далее, существует заметное разнообразие реализации дифтонгов по диалектам. И наконец, в составе дифтонгов, в противопоставлении некоторых из них простым гласным на протяжении древневерхненемецкого происходят заметные изменения.

Кроме сказанного, сложность заключается и в том, что необходимо решить, являются ли древние дифтонги монофонемами, или же они представляют собой сочетания двух фонем.

В рукописях встречаются следующие дифтонгические обозначения: **ai**, **ei**, **au**, **ao**, **ou**, **eo**, **eu**, **io**, **iu**, **ie**, **ea**, **ia**, **uo**, **ua**, **oa**, **ue**, **ya**, **ye**[1]. Одни из этих написаний представлены широко, другие единичными примерами. Их фонологическая трактовка требует внимательного рассмотрения.

§ 41. В группе графем — **ai**, **ei**, **ao**, **au**, **ou** — прежде всего обращает на себя внимание параллелизм **ai** и **ei**, **au (ao)** и **ou**. Формы с **a** встречаются только в наиболее древних памятниках: так **ai** во франкском диалекте можно наблюдать до последних десятилетий VIII века, в алеманском — до рубежа VIII — IX веков, в баварском до начала IX века. Характерно, что **ai** и **ei** мы встречаем в одних и тех же словах, ср. напр. haitar ‘hell’ (Voc.), zaichane ‘Zeichen’ D. Sg. (Bened.), ainacun A. Sg. (St. Gall. Credo) и более поздние heitar, zeichan, einag и т. п. В памятниках IX и X веков форма **ei** является господствующей, а в XI — XII веках в южных диалектах снова появляются написания **ai**, напр. в названиях местностей Dietenhaim, Praitenstain; ziwain ‘zweien’ D. (Wess. Pr.)[2], наряду с более ранними heim, breit, stein, zwein.

Написания **au** и **ao**, являющиеся диалектными разновидностями с одним и тем же графическим значением,

---

[1] Последние три написания встречаются чрезвычайно редко как разновидности предыдущих трех.

[2] J. Schatz. Altbairische Grammatik, Göttingen 1907, S. 24.

встречаются примерно до середины IX века, во франкских памятниках они исчезают несколько раньше, чем в южных; в более позднюю пору в текстах господствует **ou**. Отметим, что **au** и **ou** мы обнаруживаем опять-таки в одних и тех же словах, ср. напр. auh 'auch,' araughen 'zeigen' (Is.); paum 'Baum', galaupa 'Glaube' (Wess. Geb.) с более поздними ouh, arougen, boum, giloubo и т. п. Можно видеть и одновременное сосуществование **au** и **ou** в одном и том же памятнике. Так в Тациане наряду с основным **ou** несколько раз употреблено **au**. В связи с этим мы встречаем параллельные формы arougta, (11.1, 61.6, 230.6 и др.) и araugta (2.4, 6.4, 15.5 и др.).

Сказанное заставляет нас считать, что **ai** и **ei**, а также **au** и **ou** фонологически не противопоставлены, что, следовательно, каждая из этих пар представляет одну фонему. Вместе с тем, как мы видели, вариации **ai** и **ei**, **au** и **ou** ни в малейшей мере не связаны с комбинаторными условиями. Приходится признать, таким образом, что мы имеем дело в каждой паре с факультативными вариантами одной фонемы[1]. Наличие таких вариантов особенно характерно для дифтонгов, что связано, по-видимому, с известной неустойчивостью составляющих дифтонг элементов и, быть может, взаимодействием между ними. В немецком языке факультативные варианты дифтонгов соперничают друг с другом и в диахронном плане, поскольку мы видим их смену во времени, и в плане синхронном, поскольку различные диалекты языка используют в одно и то же время разные варианты (см. выше).

§ 42. Написания **uo**, **ua**, **oa**, **ue** представляют собой графические разновидности одного и того же в фонологическом смысле дифтонга. Рассматриваемый дифтонг произошел из монофтонга **ô**, причем дифтонгизация имела место для разных диалектов в различное время, раньше всего — на франкской территории (первая половина VIII в.), позднее всего — на баварской. Поэтому даже в раннем франкском памятнике „Исидоре" (VIII в.) всего 11 раз обнаруживается **ô**, а **uo** представлено 78 раз. Монофтонг и дифтонг мы видим иногда в одних и тех же словах, ср. boohho (14.4), boohhum (2.13) и buohhum (17.22).

---

[1] О противопоставлении дифтонгов **ai** и **au** долгим **ê** и **ô** см. § 39.

В „Тациане" (начало IX в.) **ô** встречается только два раза, а в „Страсбургских клятвах" и „Песне о Людвиге" на месте **ô** выступает во всех случаях **uo**. Алеманская область идет следом за франкской. Судя по данным грамот и литературным памятникам, дифтонг вытесняет монофтонг после 800 г. Если в St. Galler Credo мы видим только **ô** (напр. erstoont 'erstehen' 3. P. Sg. Prät.), то в Benedictiner Regel господствует **ua**, напр. pruader 'Bruder', cuat 'gut'.

Позднее всего **ô** переходит в **uo** в памятниках баварских, в которых в течение всего IX века можно увидеть **ô** там, где в других памятниках **uo**, напр. foor 'fuhr', sôhtum 'suchen' 1. P. Pl. Prät., tôm 'tun' 1. P. Sg. Präs. (Kass. Gl.), gôtlich 'gütlich' (Freis. Patern.), sônatag 'jüngstes Gericht' Exhort.). Даже в конце IX века **ô** еще встречается, напр. (kascôf 'schuf' (Carmen at deum). Во франкских памятниках этому соответствует fuor, suohtum, tuom, guotlich, suonetag, giscuof.

Наряду с показанной неравномерностью распространения дифтонгизации по диалектам, можно наблюдать и пестроту графического обозначения дифтонга, как в хронологическом аспекте, так и в аспекте территориальном. Франкским наречиям всех веков свойственна форма **uo**, лишь в южной части франкской территории господствует **ua**, а именно в южнорейнскофранкском диалекте, представителем которого является Отфрид, ср. muater 'Mutter', ruam, 'Ruhm', buah 'Buch', pluag 'Pflug' (O.) и muoter, ruom, buoh, pfluog (T.).

Для алеманского диалекта ранней формой дифтонга является **oa**, в IX веке господствует **ua**, с 900 года алеманские памятники обнаруживают **uo**. Ср. soahhen 'suchen', zoa 'zu' (Pa.); cuat 'gut', muat 'Mut', ruacha 'Rücksicht', unfruater 'unklug', zua 'zu' (Bened.); gûot, mûot, rûocha, sûochen, unfrûot, zûo (N.).

В баварском диалекте **oa** и **ua** очень редки, ср., напр. moas 'Speise' (Freis. Urk.), suannari 'Richter', kipuazti 'büßen' 3. P. Sg. Prät. Konj. (Musp.). Господствующей формой дифтонга в сравнительно поздних памятниках баварской территории является **uo**, ср. suona 'Sühne', suonnan в том же Муспилли (конец IX века), где 11 случаев **uo** противостоят 5 **ua**, далее guotî 'Güte', unruocha, muoȥ 'muß' в Otlohs Gebet (X век).

Все приведенные здесь факты неопровержимо доказывают, что во всех случаях мы имеем дело с одной и той

же фонологической единицей. Если считать, что различие написаний отражает реальное произношение, то на основании тех же соображений, которые высказаны в § 41, мы должны считать **oa**, **ua** и **uo** факультативными вариантами одного дифтонга.

§ 43. Неясным и сложным является вопрос о дифтонге **ia** (древним графическим вариантом его написания является **ea**). Этот дифтонг возникает из **ê**$_2$ (общегерманского секундарного долгого **ê**$_2$), по-видимому, в конце VIII века, раньше всего на франкской территории, позднее всего на баварской. Долгое **ê** имеют, напр. Pa., Ra., Voc. и другие памятники; в Исидоре — **ea**, напр. hear 'hier' (ср. гот. her), firleazssi 'verließe', в Muspilli — **ia** || **ie** (ослабленная форма), напр. hiar, piehc 'stritt' (Prät. от pagan), в Тациане только **ie**, напр. gieng 'ging'.

В ряде памятников **ia** (**ea**) как будто ясно противополагается дифтонгу **io** (**eo**), ср. напр. leoht 'Licht', beodan 'bieten' и hear, firleazssi (Is.), lioht, dio 'die' N. Pl. Fem. и miaton 'Lohn' D. Pl., dia 'die' N. Pl. Mask. (Musp.). И в Тациане, где **ia** представлено в видоизмененной форме как **ie**, мы обнаруживаем четкое различение **io** и **ie**, ср. lioht, biotan 'bieten', liob 'lieb', fior 'vier', thio 'die' N. Pl. Fem. и fiebar, ziegal, mieta, hieȝ 'hieß', hier, thie 'die' N. Pl. Mask. Тациан последовательно различает дифтонги в претерите сильных глаголов VII класса при различной огласовке инфинитива, ср. slâfan 'schlafen' — slief, но ruofan 'rufen' — riof и т. п.

Однако в других памятниках, и в частности у Отфрида, **io** и **ia** не противостоят столь ясно друг другу, напротив, мы видим явные признаки их неразличения.

В поэме Отфрида встречающийся в других памятниках дифтонг **io** в большом количестве случаев выступает как **ia**[1], так, например, в сильных глаголах II ряда: gibiatan 'gebieten', giniaȝan 'genießen', ziahan 'ziehen'; далее в претерите глаголов VII класса типа liaf, riaf. Однако в другого рода словах можно встретить и **io**, напр. thionon 'dienen', thiot 'Volk', lioht, thiob 'Dieb' и др. Иногда дифтонги **io** и **ia** встречаются параллельно в одном и том же слове, напр. diofaz 'tiefes' (II.14.74) и diafa (V.6.2),

---

[1] Ср. дифтонг **uo**, имеющий у Отфрида форму **ua**, § 42.

или siochemo ‘krank’ D. Sg. Mask. и siaches G. Sg. Mask. Слова io ‘immer’, nio ‘niemals’, wio ‘wie’ имеют только такое звучание, но в сложных образованиях первые два выступают главным образом с **ia**, напр. iaman ‘jemand’, iamer ‘immer’, niaman ‘niemand’, niamer ‘nimmer’, наряду с редким ioman и постоянным iowanne.

Заметим, кроме того, что вместо обоих дифтонгов Отфрид имеет иногда одну и ту же ослабленную форму **ie**; ср., напр. thiot — thiete D. Sg.; giniaȝan — gieniеȝent Präs. 3. P. Pl.

В ряде случаев присутствие того или иного дифтонга обусловлено ассимиляционным воздействием гласных последующего слога, ср. miata ‘Bezahlung’ — miotôno Gen. Pl.; ziara ‘schön’, ‘lieblich’ Adj. Fem., ziarara Adj. Komp. — zioro Adv. — giziere ‘zieren’ 3. P. Sg. Präs. Konj., liaba ‘lieb’ Adj. — liabâra Adj. Komp. — liobomo D. Sg. — zi liebe ‘zuliebe’; giniaȝan ‘genießen’ — nieȝe 3. P. Sg. Präs. Konj. — nieȝen 3. P. Pl. Präs. Konj. и т. п. Здесь видно, что дифтонг **io** появляется перед **o** последующего слога, **ia** перед **a**, **ie** перед **e**. Однако в таких ассимиляционных явлениях нет регулярности и систематичности; сравним с вышеприведенными такие слова, как ziaro (II.11.49); zi liobe (V.23.55) и liabe (L.28); niaȝen (V.23.30), которые вовсе не обнаруживают указанного уподобления гласных.

Все перечисленные факты как будто говорят о том, что Отфрид не противопоставляет с достаточной четкостью **io** и **ia**, являющиеся у него, по-видимому, факультативными вариантами одного дифтонга.

Что же касается более поздних памятников, то в них противопоставление **io** и **ia** и вовсе обнаружить не удается: как мы видели выше, дифтонг **ia** уже в IX веке ослабляется в **ie**, в X веке та же участь постигает **io**, и они сливаются, ср. у Ноткера sîeh, gîeȝen, dîeb (в прошлом дифтонг **io**) и brîef, hîer, fîel (в прошлом дифтонг **ia**). Одинакова и дальнейшая судьба этого дифтонга — монофтонгизация; современный язык, независимо от происхождения этого дифтонга, всегда имеет монофтонг, ср. / di : p / и / hi : r /.

Таким образом, можно сказать, что графическое разнообразие здесь не отражает фонологических отношений; написания **io**, **ia** уже в ранних памятниках имели одно и то же фонологическое значение.

§ 44. Вопрос о фонематической самостоятельности дифтонгов **iu** (до середины VIII века на его месте писался **eu**) и **io** (до начала IX века **eo**) решается так же, как и для **o, u** (см. § 36). Как и в том случае, самостоятельность **iu, io** как фонем доказывается возможностью употребления их в одинаковых позиционных условиях, хотя весьма часто их появление регулируется тем же правилом, что и появление **o** и **u**; ср. спряжение biotan 'bieten' в наст. вр.: biutu, biutis, biutit перед **i, u** и biotamês, biotet, biotant перед **a, e.** Однако мы встречаем **iu** и **io** также и в фонетически независимых позициях, прежде всего в словах односложных, где наличие того или иного дифтонга не могло бы быть продиктовано следующим слогом, ср., например, с одной стороны, ziuh, giuȝ 'ziehen', 'gießen' 2. P. Sg. Imper., liut 'Volk', fiur 'Feuer', и с другой: lioht 'Licht', grioȝ 'Sand', diot 'Volk', fior 'vier'. Мы обнаруживаем далее в некоторых словах **iu** в позиции перед **a, e, o** последующего слога, и напротив, **io** в позиции перед **i, u** последующего слога, например, diuten 'deuten', liuhten 'leuchten', liuhta 'Leuchte', stiura 'Beistand', с одной стороны, а с другой: Thiotila (женское имя), ubarfleoȝȝida 'Überflutung' (K.), fiorise 'quaternus' (K.), fioring 'quaternio' (Bib. 2). Наконец, можно увидеть оба дифтонга в абсолютном исходе слова, напр. diu 'Magd' — wio 'wie' и т. п.

Употребляемые свободно в аналогичных позициях и окружениях дифтонги **iu** и **io** должны быть признаны фонологически различаемыми.

Различна и дальнейшая судьба этих тесно связанных в прошлом дифтонгов. Дифтонг **io** так и остается дифтонгом в древний и в последующий средневерхненемецкий периоды. Правда, с X века он выступает иногда в видоизмененной форме **ie**, ср. памятник X века Psalm 138 lioht 'Licht' (30), fliogen 'fliegen' (32) и wie (11), wielih 'welch' (Samar.). В XI веке на месте **io** можно встретить только **ie**, и в такой форме дифтонг живет до новонемецкого периода.

Дифтонг **iu** к XI веку, по-видимому, утрачивает дифтонгичность и превращается в монофтонг [y:]. Об этом свидетельствует то, что графическое обозначение старого дифтонга совпадает с обозначением умлаута от долгого **û** (в произношении [y:]), первые следы которого появляются в памятниках примерно в то же время. Этим

обозначением чаще всего служит старое **iu**, ср. у Ноткера hiuto 'heute' (старый дифтонг) и hiute 'Häute' (множеств. число с умлаутом от hût 'Haut'), diutisc 'deutsch' (старый дифтонг) и chiuskî 'Keuschheit' (умлаут **û** под влиянием последующего **i**).

Таким обозначением может быть и **û**, ср., напр. flûhet 'flieht', gesûne 'Anblick' (Phys.), lûde 'Leute' (Friedb. Christ), где мы имеем старый дифтонг **iu** (fliuhit, gisiuni, liudi), и hûseren 'Häusern' у Ноткера, наряду с hiuseren, sûle 'Säule' N. A. Pl. у Виллирама, где мы имеем умлаут от долгого **û** (ср. hûs, sûl). В этом случае наблюдается явное влияние обозначения для умлаута от **û** на обозначение дифтонга, с ним равнозвучащего, в то время как в первом случае умлаутированный звук заимствовал графический облик от дифтонга.

Наконец, общим обозначением для бывшего дифтонга и умлаута от **û** может быть и **ûi**, что систематически встречается у Виллирама, напр. lûihten 'leuchten', trûiwa 'Treue' (старое **iu**) и lûiteren 'läutern', fûihten 'bewässern' (умлаут от **û**, ср. lûter, fûhti).

§ 45. Вопрос о том, монофонематичны ли древние дифтонги, т. е. являются ли они одной фонемой, а не сочетанием двух самостоятельных фонем сводится к вопросу о фонологичной членимости, который решается одинаково для таких фонетически разнородных, но в известном смысле однотипных величин, как долгие звуки, дифтонги, аффрикаты.

Среди различных критериев фонологической членимости, предлагаемых разными авторами, чисто лингвистическим является критерий Бодуэна — Щербы [1]. Сущность его сводится к тому, что любое сочетание, в том числе и сочетание одинаковых звуков (или иначе — долгие звуки), делится только тогда, если в данном языке внутри такого сочетания может проходить морфологическая граница. При этом для фонологического членения достаточно, чтобы сочетание разделялось на две морфемы хотя бы в одном случае; не требуется вовсе, чтобы морфологическое членение имело место каждый раз. Так, например, в русском слове *ссора* мы имеем не одно долгое [s:], а сочетание двух фонем / ss /, хотя здесь обе они относятся к одной

---

[1] Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960, стр. 33.

морфеме. Определяется же членение тем, что в *ссадить, ссыпать* и т. п. **сс** (долгое **с**) делится на две морфемы.

В подобных случаях, разумеется, нужно быть уверенным в том, что мы имеем дело действительно с фонетически одинаковыми величинами, т. е. соответствующий долгий (или сочетание), независимо от его морфологической природы, произносится одинаково.

Пользуясь рассмотренным здесь критерием, мы можем сказать, что древневерхненемецкие дифтонги монофонематичны. Известное сомнение могут вызвать лишь такие случаи, как некоторые формы склонения на **-ja-**, напр. Sg. N. hirti 'Hirt', D. hirtie, I. hirtiu, Pl. G. hirtio. На первый взгляд тут обычные дифтонги древневерхненемецкого языка **ie, iu, io**, которые вместе с тем как будто бы должны рассекаться границей морфем: основа hirti + морфема дат. пад. ед. ч. **-e** (ср. tage), твор. пад. ед. числа **-u** (ср. tagu) или род. пад. мн. числа **-o** (ср. tago). Думается, однако, что мы имеем здесь дело в действительности с сочетанием двух звуков, но не двух гласных, а согласного **j** с последующим гласным (**je, ju, jo**), сочетанием совершенно иного характера, чем дифтонги. Характерно, что уже в древнейших памятниках мы констатируем исчезновение йотации (особенно рано на юге), так что вышеприведенные формы звучат hirte, hirtu, hirto. Аналогичным образом следует трактовать старые формы gestiu 'Gast' Instr. Sg. и gestio G. Pl. основ на **-i-**.

В формах склонения имени прилагательного на **-iu** N. Sg. Fem. и N. A. Pl. Neutr. типа guotiu 'gut', îtaliu 'leer, eitel' или местоимения, напр. diu Instr. Sg. Mask. Neutr., N. Sg. Fem., N. A. Pl. Neutr., dia A. Sg. Fem., N. A. Pl. Mask., dio N. A. Pl. Fem. и т. п., тем более нет основания думать о членимости **iu, io** и т. д. Морфологическая граница в guotiu проходит между корневой морфемой guot и окончанием **-iu**. В формах местоимений тоже нет причин производить морфологическое членение по границе между компонентами дифтонга.

Таким образом, в древневерхненемецком мы не обнаруживаем слов, в которых морфологическая и слогоразделяющая граница проходила бы между компонентами дифтонга. Следовательно, дифтонг монофонематичен уже в древнюю эпоху, как и в современном языке.

Не вполне определенный характер составляющих дифтонг компонентов, который способствует частому появле-

нию факультативных вариантов, является, может быть, лишним доказательством фонематической несамостоятельности этих компонентов и, следовательно, монофонематичности дифтонгов в целом. Так, только несамостоятельностью первого компонента дифтонга **au** || **ou** можно объяснить тот факт, что гласные **a**, **o**, столь отчетливо противопоставленные в фонологической системе древневерхненемецкого языка, оказываются безразличными в составе дифтонга. Слово gast всегда будет содержать гласный **a**, wort всегда будет иметь **o**, тогда как в разных памятниках (а иногда и в одном) можно найти и araugta и arougta.

Следует прибавить, что в целом судьба немецких дифтонгов, их развитие во времени и в синхронном плане по отдельным диалектам свидетельствует о тесной связи дифтонгов не с какими-либо сочетаниями звуков, а с монофтонгами. Мы не знаем случаев, чтобы дифтонг произошел из двух самостоятельных единиц или превратился бы в таковые. Зато случаев превращения монофтонга в дифтонг и наоборот сколько угодно, ср. общегерманское **ô** — древневерхненемецкое **uo** — нововерхненемецкое /u:/ или древневерхненемецкое **iu** — средневерхненемецкое /y:/ — нововерхненемецкое /ɔø/ и т. п. Эта постоянная неразрывная историческая связанность дифтонгов и монофтонгов в любой период истории немецкого языка говорит о том, что дифтонги являются едиными фонемами в этом языке.

На древневерхненемецкие дифтонги имеется и иной взгляд, согласно которому они представляют собой бифонемные сочетания гласных. Такая точка зрения основывается на безусловно бифонемном характере этих сочетаний гласных в индоевропейском языке-основе, где отдельные компоненты их обнаруживают, например, способность к самостоятельным чередованиям. Так, ё в сочетании с **i̯** и **u̯** чередовалось с **a** точно так же, как в сочетании с другими звуками: ***ei** — ***ai**, ***eu** — ***au**, как ***er** — ***ar** и т. п. [1] Такая точка зрения, вполне справедливая для указанного периода, а так же, вероятно, и для древнейшего состояния германских языков, вряд ли приемлема для древневерхненемецкого, где уже отсутствуют подобные закономерные чередования в дифтонги-

---

[1] Подробнее см. Сравнительная грамматика германских языков, М., 1962, т. II, стр. 77—78 и 136—140.

ческих сочетаниях. Последние могут чередоваться как с дифтонгами, так и с монофтонгами, ср., например, II ряд аблаута: biugu — boug 'biege — bog' и biutu — bôt 'biete — bot' и т. п.

в) Система гласных фонем

§ 46. Состав гласных фонем древневерхненемецкого, определенный в предыдущих параграфах, представлен в следующей таблице.

Таблица 1

<table>
<tr><td rowspan="3">Монофтонги</td><td colspan="2">Передние</td><td colspan="2">Задние</td></tr>
<tr><td>Краткие</td><td>Долгие</td><td>Краткие</td><td>Долгие</td></tr>
<tr><td>i
ё, е</td><td>î
ê</td><td>u
o
a</td><td>û
ô
â</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Дифтонги</td><td colspan="2">Расширяющиеся</td><td colspan="2">Сужающиеся</td></tr>
<tr><td colspan="4">iu**</td></tr>
<tr><td colspan="2">io/ia* (ie)***
uo/ua</td><td colspan="2">ei/ai*
ou/au*</td></tr>
</table>

* знак / обозначает факультативную вариативность фонемы;
** с XI в. монофтонг (переднего ряда, лабиализованный);
*** поставленное в скобки **ie** является результатом развития обоих факультативных вариантов фонемы к концу древневерхненемецкого периода.

Из таблицы видно, что в древневерхненемецком языке система гласных фонем строилась на следующих противопоставлениях. Прежде всего дифтонги обособляются от монофтонгов благодаря тому, что в них нет противопоставления по долготе и краткости. Для монофтонгов же эта оппозиция является основной и в общем симметричной, с одним нарушением в виде двух кратких **е** (**ё** и **е**), противопоставленных одному долгому **ê**.

Независимо от долготы и краткости гласные противополагаются по подъему: „верхние“ и „неверхние“. К верхним следует отнести гласные самого высокого подъема (верхняя строка в таблице), к неверхним — все остальные.

Основанием для такого подразделения служит то, что **i**, **î**, **u**, **û**, находясь в окончании, обусловливают по правилам преломления (см. § 35) краткий узкий **i**, **u** и дифтонг **iu** в корне; все неверхние обусловливают краткий широкий **ё**, **o** и дифтонг **io** в корне.

Дифтонги распределяются на расширяющиеся (**io**/**ia** и **uo**/**ua**) и сужающиеся (**ei**/**ai** и **ou**/**au**). Подсистема дифтонгов, так же как и подсистема монофтонгов, асимметрична, поскольку дифтонг **iu**, содержащий два узких элемента, не может быть причислен ни к сужающимся, ни к расширяющимся дифтонгам. Его обособленность в системе определяется еще и тем, что он, как указано в сноске к таблице, в конце древневерхненемецкого периода монофтонгизуется.

Б. Согласные фонемы

а) Краткие согласные

§ 47. Диалектные различия в области согласных выступают в древневерхненемецкий период более отчетливо, чем в гласных. Сложным представляется и взаимоотношение согласных фонем с графемами, их обозначающими. Несомненно, общими для всех диалектов являются щелевые **f**, **s**, **ʒ**, **h**, **ch**, аффриката **z**, сонорные **m**, **n**, **r**, **l** и полугласные **j** и **w**. Фонологическая самостоятельность большинства из этих согласных, в частности тех, что унаследованы из общегерманского, доказывается как последовательным графическим обозначением, так и частым употреблением их в одинаковых фонетических условиях. Ср. примеры из разных памятников: sagen, lesan, was ‘war’, hûs ‘Haus’; fallan, fël ‘Fell’, slâfan ‘schlafen’, ûf ‘auf’; haben, sëhan, joh ‘und’; man ‘Mann’, nëman, boum ‘Baum’; naht ‘Nacht’, hano ‘Hahn’, in; reda, koron ‘prüfen’, jâr ‘Jahr’; lam ‘lahm’, sêla ‘Seele’, scal ‘soll’.

§ 48. Фонематичность полугласных **j**, **w** не столь очевидна, как остальных перечисленных выше согласных. Во-первых, они употребляются ограниченно: в конце слов

не встречаются вовсе, в середине — относительно редко. Во-вторых, в алфавите нет специальных букв для их обозначения: **j** обозначается как **i**, редко как **e**; **w** пишется большей частью как **u** (**v**).

Тем не менее они фонологически противопоставляются тем гласным, с которыми они часто смешиваются в буквенном обозначении. Это доказывается, с одной стороны, тем, что иногда они графически бывают четко отличны от гласных. Так, **w** обозначается удвоенным **uu** или сочетанием **vu**, напр. uuësan 'sein' V., uuunna 'Wonne', frovuun 'Frau' D. Sg. (O.); freuuui 'Freude', suuëbul 'Schwefel', uuard 'wurde' (Is.); **j** перед гласными **e**, **i** часто передается на письме буквой **g**, чередующейся с **i** перед задними гласными, ср., напр. формы глагола gehan 'sagen': gihu, но iah, iâhun. Кроме того, у Отфрида и Ноткера вокалическое значение буквы **i** отличается от консонантного посредством акцентных знаков — акута и циркумфлекса, ср., напр. îo 'immer', íuuer 'euer' и iâr 'Jahr', iúng.

С другой стороны, дальнейшее развитие этимологических **j**, **w** и **i**, **u** показывает, что соответствующие полугласный и гласный различались в одинаковых фонетических положениях. Так, в современном немецком языке мы имеем jung, которое восходит к древневерхненемецкому iung, и euch, которое восходит к древневерхненемецкому iuch. Если бы они не различались искони, то невозможно было бы понять, как в более поздние периоды истории немецкого языка оказалось восстановленным этимологически правильное различение.

Аналогичное рассуждение справедливо в отношении такой пары слов, как üben (из дрвн. uoben) и Wabe (из дрвн. uuabo). Согласный **w** противопоставляется также и согласному **f**, с которым он может буквенно совпадать, поскольку и **f** иногда пишется через **u** (**v**), ср., напр. varan, uaran 'fahren' [1]. Самостоятельность этих согласных определяется тем, что этимологическое **f** может писаться и как **f** (faran), тогда как этимологическое **w**, напр. uuarun 'waren', через **f** писаться не может. Встречаются же они

[1] Такое написание свойственно старому, общегерманскому **f**, а не новому, перебойному. Однако оба этих согласных совпали в одной фонеме, поскольку оба могут писаться через **f**, ср. гот. afar — дрвн. afar 'wieder'; гот. slepan — дрвн. slâfan.

в одинаковых позициях в начале слова и в середине, ср. riuua 'Reue', wringen 'ausringen' и tiufî 'Tiefe', frist.

§ 49. Вопрос о фонологичности различения общегерманского **h** (ср. гот. hairto — дрвн. hërza 'Herz') и верхненемецкого щелевого, соответствующего общегерманскому **k** (ср. гот. ik — дрвн. ih 'ich'), также представляет известные трудности. Дело в том, что оба этих согласных часто одинаково передавались через букву **h**; ср. примеры выше. Фонематическая противопоставленность этих двух согласных не может определяться одним только различием их происхождения, так как оба они могли бы совпасть в одной фонеме, как это произошло с губными щелевыми (см. § 48). Имеются и другие доказательства: во-первых, чисто графическое, а именно тот факт, что верхненемецкий щелевой, возникший по второму перебою, большей частью обозначается сочетанием **ch**, которое только в некоторых поздних источниках и только в конце слова может обозначать также и общегерманское **h**, напр. zôh 'zog' рядом с zôch.

Во-вторых, показателен тот факт, что дифтонги **ai** и **au** стягиваются в монофтонги (см. § 39) только перед общегерманским **h**, оставаясь дифтонгами перед верхненемецким **ch**, ср. dêh 'gedieh' (гот. paih) и leich 'Reigentanz' (ср. гот. laiks). Такая последовательно проведенная дифференциация может быть объяснена только тем, что согласные **h** и **ch** фонетически различались.

В-третьих, о различении рассматриваемых согласных свидетельствует их дальнейшая судьба: верхненемецкий щелевой всегда сохраняется вплоть до современного немецкого, а общегерманский в определенных позициях утрачивается (см. § 132).

§ 50. Наряду с носовыми **n, m** некоторые исследователи, например Г. Безеке, выделяют в древневерхненемецком заднеязычный носовой [ŋ] аналогично тому, как это имеет место в современном языке. Поводом для выделения такой фонемы в древневерхненемецком является современное графическое обозначение ее через **ng**, восходящее к древним временам, например, дрвн. singan, lang. Возникает вопрос, соответствовало ли это графическое обозначение одной фонеме уже в древневерхненемецком, или оно служило для обозначения сочетания фонем /ng/.

В глаголах, существительных и прилагательных с при-

ставками, напр. ingân 'hineingehen', ingang 'Eingang', ungimah 'unangenehm', морфологическая граница проходит явно между **n** и **g**. Если бы была уверенность в том, что **ng** в этих случаях фонетически совпадало с **ng**, находящимся в пределах одной морфемы (например: ango 'bang', engi 'eng', lang, jung, kuning 'König', singan и др.), то можно было бы сказать, что оно всегда бифонемно. Однако условия ударения в словах с приставками иные, чем в корневых словах; поэтому фонетического тождества могло и не существовать. Таким образом, монофонемность **ng** внутри корня нельзя считать совершенно исключенной. Тем не менее фонемы /ŋ/, по-видимому, в древневерхненемецком не было. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что в абсолютном исходе слов и перед глухими согласными **g** в сочетании **ng** могло чередоваться с **c** (lanc, erstrancta 'ertragen' 3. P. Sg. Prät.), как и **g** вне этого сочетания. Это не имело бы места, если бы **g** в сочетании **ng** не было фонологически самостоятельным.

§ 51. Необходимо остановиться еще и на вопросе о различении аффрикаты **z** и щелевого **ʒ**, произошедших из **t**, поскольку в большинстве случаев они графически не различались, обозначаясь как **z**. Однако наличие фактов их графической дифференциации, а также учет их дальнейшей судьбы (см. также § 18) показывает, что они противопоставлялись в поствокальном положении и, следовательно, были разными фонемами.

Противополагались фонологически и оба переднеязычных щелевых: старое **s** и перебойное **ʒ**, которые четко различались графически и встречались в одинаковых фонетических позициях (в поствокальном положении), ср.: lâsun 'lesen' 3. P. Pl. Prät., glas и lâʒan 'lassen', daʒ.

§ 52. Кроме рассмотренных в предыдущих параграфах согласных, общих для всех диалектов, имеются и такие, которые распространены не повсеместно.

Наибольшие различия обнаруживаются между диалектами в составе смычных согласных и особенно аффрикат. Из последних, как сказано выше, только **z** известно всем диалектам; **pf**, произошедшее по второму перебою из **p**, полностью отсутствует в среднефранкском и редко встречается в рейнскофранкском (только интервокально и после сонорных), ср. восточнофр. pfluog, 'Pflug', skepfen 'schöpfen',

среднефр. pluog, skeppen, южнорейнскофр. pluag, skepfen. Заднеязычная аффриката **cch** (по второму перебою из **k**) была известна только баварскому и алеманскому диалектам, ср. франкск. korn — южнонем. cchorn.

Весьма сложно обстоит дело с противопоставлением глухих и звонких смычных; по второму перебою согласных общегерманские звонкие заменялись в верхненемецком глухими. Однако не все согласные подвергались оглушению в равной степени в разных диалектах.

§ 53. Заднеязычные **g** — **k** в ряде диалектов различались вполне отчетливо[1]. В восточнофранкском диалекте, представленном переводом „Тациана", об этом свидетельствуют следующие примеры: gast, gibu 'geben' 1. P. Sg. Präs., got, gras — calt 'kalt', kind, corn 'Korn', crâen 'krähen'; folgên — folkes; tag, burg — quëc 'lebendig', uuërc 'Werk'. Так же дело обстоит в южнорейнскофранкском. У Отфрида мы находим следующие примеры: ganz, gëba 'Gabe', guat 'gut', gras; kan 'kann', ketina 'Kette', kuani 'kühn', kraft; folgen — folke; dag, irbalg 'erzürnte' — quëk, skalk 'Knecht'.

В рейнскофранкском переводе Исидора противопоставление звонкого и глухого заднеязычного обнаруживается как в анлауте, так и в инлауте после сонорных, напр. gart 'Kreis', ghëba 'Gabe', guot, gras — chalp 'Kalb', chind 'Kind', chunni 'Geschlecht', chraft 'Kraft'; folghen, bërga 'Berg' Pl. — folches 'Volkes', uuërchum 'Werk' D. Pl.

Что касается буквенного сочетания **gh**, то оно едва ли имело иное фонетическое значение, чем **g**. Употреблялось оно в Исидоре только перед гласными **e** и **i**, где встречается, хотя и значительно реже, также и **g**. Некоторые исследователи[2] хотят видеть в этом признак спирантного произношения в данном фонетическом положении. В таком случае мы имели бы несвойственную графике дифференциацию позиционных вариантов фонемы (см. § 24 сл.). Однако большинство исследователей трактует написание **gh** как влияние романских образцов и считает, что никаких особенностей произношения за ним не кроется.

Так, Бринкман пишет: «**gh** в западнофранкской орфо-

---

[1] **k** выступает при этом в двух графических вариантах **k** и **c**.

[2] Ср. напр. R. K ö g e l. Geschichte der deutschen Literatur bis zum Ausgange des Mittelalters, Straßburg 1897.

графии должно было исключать произношение dž; соответственно этому gh стояло перед палатальными, g перед темными гласными. Для подобной трактовки указанных выше написаний нет никаких оснований, так как отмеченное различие в произношении g и gh не имело в немецком никакой аналогии... gh должно было в западнофранкской орфографии исключать не спирант, а только произношение dž. Его переняли для положения перед палатальными гласными, в котором оно употреблялось в западнофранкском, не связывая с ним постоянного единого звукового значения. В таком смысле (т. е. чисто орфографически) gh используется у Исидора»[1].

Итак, мы видим, что франкские диалекты фонологически дифференцировали глухой и звонкий заднеязычные смычные.

Иначе дело обстояло в южных диалектах, напр. алеманском, о чем можно судить по сочинениям Ноткера. В середине слова и в конце встречается только g, напр. bogo 'Bogen', tag, но не встречается k. В начале же слова можно увидеть и g и k, однако они чередуются по так называемому „Ноткеровскому закону начала слов“ (Notkers Anlautsgesetz). По этому закону начальные звонкие смычные, правда не всегда последовательно, заменяются глухими в следующих случаях: 1) в начале предложения, 2) если в середине предложения предыдущее слово оканчивается шумным согласным. Если же предыдущее слово оканчивается на сонорный согласный или гласный, то сохраняется звонкий. Примерами могут служить следующие предложения: Kehalt mih trúhten (III. I. 64); Sî gáb uuîlôn filo (II. 106. II)[2]; Unde si sumelichên gáhes mûotes káb (II, 107, 1). Следовательно, g и k обозначали у Ноткера позиционные варианты одной фонемы.

Факт графического различения вариантов фонемы как будто противоречит положению, высказанному в § 24 сл. Однако здесь мы имеем особый случай. Ноткер, несомненно, владел латинским языком и умел различать в нем g и k (кáк он фонетически реализовал это различие —

---

[1] H. Brinkmann. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit, Jena 1931, S. 63—64.

[2] Здесь и далее Ноткер цитируется по книге E. H. Sehrt und Taylor Starck, Notkers des Deutschen Werke; римская цифра обозначает том, следующие цифры соответственно часть, страницу, номер строки.

вопрос второстепенный); естественно, что он должен был заметить аналогичное различие и в своем родном языке, хотя оно и не имело в нем фонематического значения.

В других южных памятниках, как баварских, так и алеманских, употребление **g** и **k** носит беспорядочный характер. В начальном и конечном положении как будто преобладает **k**, а в интервокальном **g**[1].

Это говорит о том, что в южных диалектах заднеязычные — звонкий и глухой — фонематически не различались.

Если сопоставить данные диалектов по составу заднеязычных смычных (включая и аффрикату **cch**), то можно сказать, что системные отношения в них тождественны, потому что в каждом из наречий мы имеем двоичное противопоставление, реализующееся, однако, по-разному: во франкском как глухой и звонкий (или сильный и слабый), в южных как аффриката и чистый (звонкий и глухой не различаются), ср. § 58.

§ 54. Различение **b** и **p** в памятниках, несомненно, менее отчетливо. Во франкских диалектах оно обнаруживается, строго говоря, только в начальной позиции и притом только при сопоставлении с заимствованиями. Сопоставление это вполне закономерно, поскольку заимствования эти ассимилированы немецким языком, о чем свидетельствует их устойчивость в языке и наличие производных от него слов. Примерами таких сопоставлений могут служить в Тациане bî 'bei' — pîna 'Pein' (из лат.), brennen — predigôn (из лат.), у Отфрида barn 'Kind' — palma (из лат.), bëta 'Bitte' — Petrus и т. п. Только в переводе Исидора различение **b** — **p** подтверждается, кроме того, возможностью употребления обоих согласных в позиции после плавного, напр. sëlbes G. Sg. — hilpit 'hilft'; arsterbandemu 'sterbend' D. Sg. — aruuorpanan 'verworfen' A. Sg.

Противопоставленность **p** и **b** в алеманском памятнике, у Ноткера, представляется сомнительной. Написание **p** встречается чрезвычайно редко и, если не считать сочетания **sp**, то только в абсолютном начале слова, за единичными исключениями. В этой позиции оно по „Ноткеровскому закону начала слов“ заменяет **b**; например:

[1] Подробнее см. W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 149.

Unde fóre imo bétont (III, I, 116, 7) — unde áber doh pétont sie in (III, I, 117, 1—2). Бывают исключения и из этого закона, например: er ín dés bíten stuont.

Примером неначального губного может служить alpon, написанное над латинским alpium; мы имеем здесь заимствованное слово с немецкой флексией. Однако встречается это слово только один раз, поэтому невозможно судить о том, насколько обязательным было в нем p, а следовательно, можно ли говорить, имея в виду слово albiz, попадающееся у Ноткера несколько раз, о противопоставлении b — p после l.

Таким образом, можно сказать, как и в случае g — k, что b и p обозначали у Ноткера одну фонему, которая встречалась в двух позиционных вариантах. Это подтверждается еще и тем, что в более употребительных латинских заимствованиях, таких, как pîna, predigôn и производных от них, встречается и p и b.

Другие южные памятники тоже не содержат данных, свидетельствующих о различии звонкой и глухой губной фонемы.

Рассмотрение данных о губных чистых согласных и аффрикатах показывает, что системные отношения во франкских и южных диалектах в данном случае не тождественны. В северных мы имеем троичное противопоставление: аффрикаты pf и двух чистых согласных, звонкого и глухого b, p (или слабого и сильного), в южных же противопоставление двоичное: аффрикате противостоит один чистый (ср. § 58).

§ 55. Переднеязычные смычные, кроме аффрикаты z, о которой речь шла выше, представлены на письме тремя обозначениями: буквами d, t и сочетанием th (dh); буквой t обозначается в основном согласный, восходящий к германскому d (ср.гот. dags — дрвн. tag),сочетание th (dh) обозначает согласный, восходящий к германскому þ (ср. гот. þagkjan — дрвн. thenken), буквой же d мог обозначаться как тот, так и другой согласный. Каким древневерхненемецким согласным звукам соответствовали эти обозначения и каково было фонологическое значение этих звуков, раскрывается только через анализ сложной графической системы отдельных памятников. Этот анализ показывает, что фонологические отношения в разных диалектах не вполне совпадали.

В восточнофранкском (в Тациане) можно с уверенностью говорить о различении **d** и **t**, поскольку они отчетливо противопоставлены в серединном положении, ср. snîdan 'schneiden' — bîtan 'erwarten', bruoder — muoter, uuirdit 'wird' — hirti 'Hirt'.

При этом **d** выступает как отражение германского **þ** (ср. гот. sneiþan), а **t** — германского **d** (ср. гот. beidan). Знак **th** в Тациане встречается очень часто в начале слов, где в качестве дублетных написаний можно найти и **d**, ср. thingun (44, 12) и dingun (33, 2) 'Ding' D. Pl., thriio (181, 4) и driio (188,6) 'drei'. Этимологически **th** соответствует германскому **þ** (ср. гот. þreis). Общность происхождения и дублетные написания дают основание утверждать, что **th** и **d** представляли одну фонему, которая выступает в двух факультативных вариантах, смычном или щелевом.

Итак, судя по этому памятнику, в восточнофранкском указанным обозначениям **t**, **d**, **th** соответствовали две фонемы /t, d/.

В рейнскофранкском (Исидор), по-видимому, различаются тоже две фонемы: одна (этимологическое **d**) обозначается **d** и **t**, что видно из дублетных написаний типа goda (IV. 15) и gotes (IV. 94) и подобных им. Вторая (этимологический **þ**) отражается на письме как **dh** и **d**, напр. wirdhit (XXII. 14) и wirdit (XXII. 15) 'wird'. Из такой пестроты написаний, где **d** дублирует как **t**, так и **dh**, как будто можно было бы заключить, что во всех случаях имеется в виду одна фонема. Однако надо учесть одно обстоятельство: этимологическое **d** никогда не обозначается в Исидоре как **dh**, а этимологический **þ** никогда не обозначается как **t**. Это не может быть случайным и заставляет думать, что старое противопоставление сохраняется в ту пору в рейнскофранкском диалекте.

У Отфрида написания **d** и **th** должны рассматриваться как две графические разновидности одной и той же фонемы. Отметим, что написание **th** встречается в подавляющем большинстве случаев в начале слов (ср. дублеты durfut (V. 4. 45) и thurfut (V. 16. 45) 'dürft', doh (I. 4. 47), thoh (1. 3. 47) 'doch'). Этой фонеме противопоставлен согласный, обозначавшийся через **t**. Такое противопоставление отчетливо обнаруживается по всем рукописям в инлауте, напр. bruader, odo 'oder', lîdu 'ertragen' 1. P. Sg.

Präs., baldo 'kühn' Adv., ërda — boto 'Bote', fater, liuti 'Leute', uualtan 'walten', hirti и т. п.

В алеманском диалекте, представленном у Ноткера, **d** и **t** различаются в разных позициях: в начале слов, напр. dánchôn 'danken', dégen, díng, dórn, dúrft 'Not', drâte 'schnell', drî 'drei' — tât, téil, tîefî 'Tiefe', tóhter, tûon 'tun', trágen, tréffen и т. п.; в середине слов, напр. béide, bílde, fédera 'Feder' Pl., fádem 'Faden', léiden, skádôn 'schaden' — beitôn 'erwarten', léiten, fáter, mûoter, hálten и т. п.; в конце слов: rád, léid, tôdrât, sát 'satt', mûot 'Mut' и т. п.

Оппозиция **d** — **t** наиболее отчетлива в интервокальном положении и в конце слова; в последнем случае она, правда, обнаруживается редко. В начале слов встречаются часто дублетные написания, которые отражают „Ноткеровский закон начала слов" (см. § 52), напр.: Ih zéllo álliu **d**îniu uuúnder (III. I. 34, 3—4); **t**û **d**înero mûoter zéizesto bíst (II. 4. 11—12); **T**es uuírdo ih kemánôt mit **t**înero áhto (II. 44. 14); **t**áz skînet án **d**ero snelli (II. 97. 8).

Казалось бы, что здесь, как в рассмотренных выше губных и заднеязычных, выступают позиционно обусловленные варианты **d** — **t**. Однако это опровергается следующими фактами. Во-первых, нередко **d** встречается там, где по закону Ноткера ожидается **t**, напр., Díh iruuélet den dû iruuéletost (III. I. 83. 6); Vuaz ist daz? (III. I. 73. 6) (dih в начале предложения, den и daz после шумных). Во-вторых, рассматриваемое чередование свойственно только этимологическому **þ**. Что же касается этимологического **d**, давшего по второму перебою **t** (напр. в словах tág, tóhter, tûon, trágen), то оно, как правило, не подвергается чередованию в начале слова. Озвончение имеет место только в том случае, если предшествующее слово оканчивается согласным **n**, напр., unde állen den **d**ag (III. I. 203. 16); Den **d**ôd kâreton sîe mir (III. I. 194. 8). Наряду с этим после **n** встречается и **t**, напр., danne ih áber bráhti allen den **t**ag (III. I. 169. 16); in drîn **t**ágin (III. I. 194. I); Mînen **t**ôd bechêrtost dû (III. I. 155. 1—2).

Из всего сказанного явствует, что во всех диалектах переднеязычные представлены тремя фонемами: аффрикатой **z** и чистыми **d** и **t**. При этом **d**, восходящий к щелевому **þ**, не всегда имеет характер смычного. В разных диалектах, а также внутри одного диалекта в разных

позициях он реализуется различно. Фонологически **d** и **þ** следует рассматривать как факультативные варианты одной фонемы.

б) Долгие согласные

§ 56. В древневерхненемецких памятниках, независимо от их диалектной принадлежности, широко употребительны удвоенные написания согласных. Эта графическая особенность не может быть лишена фонетического смысла, так как подобные написания встречаются в случаях, этимологически вполне определенных и оправданных.

Удвоенные (долгие) согласные были, во-первых, унаследованы еще от германского языка-основы, о чем свидетельствуют такие сопоставления: дрвн. wëssa 'wusste', loccon 'locken', swimman, kunnun 'können' 3. P. Pl. Präs., wolla 'Wolle' — гот. wissa, древнеангл. loccian, гот. swimman, kunnun, wulla.

Во-вторых, они явились результатом западногерманского удвоения согласных, по которому сочетания согласных с j и плавными давали удлиненный согласный. При этом j, вызывавший геминацию, исчезал, ср. дрвн. sippa 'Sippe', huggen 'denken', willo 'Wille'; akkar 'Acker', snottar 'weise' — гот. sibja, hugjan, wilja; akrs, snutrs.

В-третьих, по второму перебою согласных в интервокальном положении возникли удвоенные спиранты **ʒʒ**, **ff**, **hh**, ср. дрвн. ëʒʒan, gigriffan, brëhhan, lâʒʒan, slâffan, zeihhan — гот. itan, gripans, brikan, letan, slepan, taikns.

В-четвертых, удвоенные согласные возникают в результате стяжения при выпадении разделяющего их гласного; это часто имеет место в претерите слабых глаголов I класса и в ряде других случаев, напр. skutita > skutta 'schütten', ratita > ratta 'rettete', hêriro > hêrro 'Herr'.

Итак, мотивированность удвоенных написаний свидетельствует с несомненностью о том, что графическое удвоение не просто случайное написание, а является отражением противопоставления долгих согласных кратким. Этому не противоречат дублетные написания типа lâʒʒan — lâʒan, slâffan — slâfan; breitta — breita 'breitete', nôtta — nôta 'nötigte', hêrro — hêro. Подобные дублеты отражают реальный фонетический процесс, заключавшийся в сокращении долгих согласных после долгого гласного.

§ 57. Решение вопроса о фонологической трактовке долгих (удвоенных) согласных, однако, не исчерпывается установлением их противопоставленности кратким. Требуется, кроме того, установить, представляют ли они одну или две фонологические единицы, т. е. монофонемны ли они или бифонемны.

Вопрос, следовательно, сводится к проблеме фонологической членимости, о чем речь шла выше, см. § 45.

Удвоенные согласные встречаются в древневерхненемецком только в интервокальном положении. При этом в большинстве случаев они находятся в пределах одной морфемы, и, следовательно, нет основания считать их за две фонемы. Примеры: wolla, rinnan 'rinnen, laufen', swimman, loccon, ëʒʒan, offan, mahhôn 'machen', krippa 'Kripрe'.

Сказанное относится ко всем согласным, кроме **tt** и **rr**. Что касается этих согласных, то между ними может проходить граница морфем. Для **tt** — это упоминавшиеся выше формы слабого претерита. В такой форме как scutta первое **t** относится к корневой морфеме, а второе к суффиксу претерита (ср. дублетную форму scutita). Следовательно, **tt** здесь можно считать бифонемным. А если это так, то **tt** представляет собой сочетание двух фонем и в тех словах, где они относятся к одной морфеме, напр. scutten 'schütten', betti 'Bett'.

Бифонемное **rr** возникает на границе приставок **ir (er)**-, **fir (fer)**- и корня, начинающегося с **r**; например, в глаголах irreinôn 'reinigen', irretten 'befreien, erretten', irrihten 'erheben, aufrichten', firrâtan, firrinnan. Здесь морфологическое членение было, несомненно, живым, поскольку и бесприставочные reinôn, rihten, retten, râten, rinnen были широко употребительны, и приставки **ir-**, **fir-** встречались во многих глаголах (например: irfullen 'voll machen', irheffen 'emporheben', irlôsen 'losbinden, befreien', firlâʒan, firsagen и др.).

Из бифонемности двойного **r** в таком положении нельзя, однако, делать вывод о том, что и внутри корня **rr** не представляло собой монофонемы. Дело в том, что эти разные **rr** фонетически могли и не совпадать, так как в приставочных глаголах ударение падало на гласные после **rr**, а в словах irri 'irre', merren 'stören', firren 'entfernen' — на гласный перед **rr**. Случаи, когда двойное **r** оказывается на границе корня и суффикса и где, сле-

довательно, условия ударения будут такими же, как в корневых словах, приведенных выше, единичны, ср. hêrro 'Herr' < hêriro (сравн. степень прилагательного hêr). При этом едва ли можно говорить о морфологической членимости такого слова в древневерхненемецком, о чем свидетельствует и выпадение **i** в суффиксе. Таким образом, в подобных случаях нет основания предполагать и фонологическую членимость сочетания[1].

Подводя итоги сказанному, приходится признать, что бифонемным можно было бы считать в древневерхненемецком **tt**; **rr**, по-видимому, следует толковать двояко, остальные же долгие согласные — монофонемы.

Об общей господствующей монофонемности долгих согласных говорят кроме упомянутой морфологической нечленимости и следующие факты. Во-первых, имеются нередко дублетные написания не только с двойным, но и с одним согласным; последнее было бы непонятно, если бы мы имели дело с сочетанием фонем. Во-вторых, **ff**, **zz**, **hh** происходят по второму перебою из простых согласных **p**, **t**, **k**. В-третьих, удвоенные написания встречаются в заимствованных из латинского и романских языков словах, не имевших в исходном языке двойных согласных, напр. дрвн. firra 'Feier' < лат. feriae, дрвн. lurra 'Lauer' (винодел.) < ром. lorea.

в) Система согласных

§ 58. Состав согласных фонем (кратких и долгих) представлен в следующих двух таблицах[2].

Таблица 2 иллюстрирует диалектальные различия, существовавшие в древневерхненемецком, которые обнаруживаются в смычных. Прежде всего можно отметить, что различия в составе фонем сводятся к следующему:

1. Во франкских диалектах отсутствует фонема **cch**, а на части франкской территории и фонема **pf**.

2. В южных диалектах чистые смычные представлены тремя фонемами, а во франкских — шестью, поскольку в них наличествует оппозиция **p** — **b**, **t** — **d**, **k** — **g**.

---

[1] В ellenti 'Verbannung', являющемся по происхождению сложным словом (eli + lenti), долгое **ll** следует считать монофонемным, потому что в древневерхненемецком слово-соединение уже опрощено и является корневым.

[2] Подразделение сонантов не по способу образования объясняется историко-фонологическими соображениями.

Таблица 2

По способу образования \ По действующему органу		Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Гортанные	В каких диалектах
Шумные	Смычные	pf* p b(ƀ)**	z t d/ꝥ***		k g(ǥ)**		франк.
		pf p/b***	z t/d***		cch k/g***		южн.
	Щелевые	f	s		ch	h	все диалекты
			ʒ				
Сонанты	Полугласные	w		j			все диалекты
	Носовые	m	n				все диалекты
	Плавные		l				все диалекты
	Дрожащие		r				все диалекты

* На части франкской территории, а именно в среднефранкском и в северной части рейнскофранкских говоров, сохраняется, как и в нижненемецкой области, бесперебойное **p**; в этих говорах фонема **pf** отсутствует.

** Круглые скобки обозначают позиционные варианты, встречающиеся в интервокальном положении.

*** Знак / обозначает факультативную вариативность фонем.

Таблица 3

<table>
<tr><th colspan="2">По действующему органу / По способу образования</th><th>Губные</th><th>Переднеязычные</th><th>Заднеязычные</th><th>В каких диалектах</th></tr>
<tr><td rowspan="3">Шумные</td><td rowspan="2">Смычные</td><td>p: b:</td><td>[t:]* d:</td><td>k: g:</td><td>франк.</td></tr>
<tr><td>p:</td><td>[t:]* d:</td><td>g:</td><td>южн.</td></tr>
<tr><td>Щелевые</td><td>f:</td><td>s:
ʒ:</td><td>ch:</td><td rowspan="4">Все диалекты</td></tr>
<tr><td rowspan="3">Сонанты</td><td>Носовые</td><td>m:</td><td>n:</td><td></td></tr>
<tr><td>Плавные</td><td></td><td>l:</td><td></td></tr>
<tr><td>Дрожащие</td><td></td><td>r:</td><td></td></tr>
<tr><td colspan="6">* Квадратные скобки обозначают спорность фонематической значимости долготы.</td></tr>
</table>

Сравнение таблиц 2 и 3 показывает, что для согласных наиболее общим дифференциальным признаком является длительность, т. е. противопоставление долгих и кратких. Вне этой оппозиции стоят кроме аффрикат только **w**, **j** и гортанное (германское) **h**.

Различение глухих и звонких в древневерхненемецкий период не играло решающей роли. В щелевых глухие и звонкие вовсе не различались. Мнение некоторых авторов[1] о том, что ṡ отличалось от **ʒ** звонкостью, в настоящее время не поддерживается германистами[2]. Против этого предположения Брауне приводит тот факт, что в славянских рукописях древневерхненемецкой эпохи, написанных немецкой графикой, славянские **с** и **з** пере-

---

[1] Напр. W. Scherer. Zur Geschichte der deutschen Sprache, Berlin 1878, S. 184.

[2] W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 168.

даются одинаково через **z** (= ʒ) [1], например, vzem zlodeiem. О различительном признаке **s** и **ʒ**, который заключается в шепелявости первого, свидетельствуют, во-первых, те же рукописи, в которых буквой **s** обозначены славянские **ш**, **ж**, а во-вторых, старые заимствования из немецкого в западнославянские языки, напр. польский żołnierz < soldenære 'Söldner' [2].

Что же касается смычных, то для них звонкость имела второстепенное значение. В южных диалектах вообще пары по глухости — звонкости составляли факультативные варианты одной фонемы. Во франкском же — дифференциальным признаком фонем, обозначавшихся буквами, которые были приняты в латинском алфавите для различения глухих и звонких, была, по-видимому, не звонкость и глухость (т. е. участие или неучастие голоса), а разная степень силы или наличие и отсутствие придыхательности. Согласные **p**, **t**, **k** были глухими сильными (или придыхательными), **b**, **d**, **g** так называемыми tenues lenes, т. е. глухими слабыми (или непридыхательными).

Таким характером смычных согласных объясняется то, что в латинских заимствованиях **p**, которое не было придыхательным, воспринималось и часто писалось как **b**, **k** как **g**, **t** как **d**, например: bredigon < predicare, spiagal < speculum, dunica < tunica и др. Отсутствие оппозиции по глухости — звонкости привело в дальнейшем в ряде немецких диалектов к нейтрализации противопоставления двух рядов смычных и тем самым к совпадению **b**, **d**, **g** с **p**, **t**, **k** (так наз. binnendeutsche Konsonantenschwächung).

Противопоставление смычных и щелевых (см. табл. 2) представлено в диалектах по-разному. В южных диалектах, где нет различения сильных и слабых смычных, нейтральный в этом отношении согласный отчетливо противопоставляется соответствующему щелевому. Во франкских говорах только сильным (глухим) смычным противостоят щелевые. Слабые (звонкие) смычные образуют с соответствующими щелевыми позиционные или факультативные

[1] W. Braune. Die altslovenischen Freisinger Denkmäler, PBB, I, 1874, S. 539.

[2] Ср. также В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 119.

варианты; в таблице они и помещены в одной графе.

Щелевой вариант появляется в интервокальной и конечной позициях, что можно иллюстрировать такими написаниями, как auar вместо abar ‘wieder’, leuen вместо leben, ergeuen вместо ergeben и др. В начале слова таких колебаний в написании не бывает, этимологическое **b** выступает всегда как **b**. В интервокальном же положении, хотя в большинстве случаев и пишется буква **b**, эта последняя не является во франкских памятниках обязательным свидетельством смычного произношения. Об этом говорят такие написания, как Josebe (T.) — дат. пад. от Joseph (Josef). Здесь **b** замещает, очевидно, звонкий щелевой, находящийся в чередовании с глухим **f**.

Так же обстоит дело и в отношении заднеязычного звонкого, который во франкских диалектах в конечном и интервокальном положении, по-видимому, произносился как щелевой. Это видно и из написаний типа dach ‘Tag’, mach ‘mag’ (Marienleich), plichit ‘pflegen’ 3. P. Sg. Präs. (Abrog.), где **ch** замещает этимологическое **g**, и из таких рифм, как ich: Hludwîg, gelîh : Hludwîg (Ludw.), zwîg: dich (Marienleich). Кроме того, графическая интерпретация **g** как щелевого подкрепляется и написаниями mig ‘mich’ (Str. Eide) или thegein = dehein ‘kein’ (Trier. Cap.), где **g** стоит вместо **ch**. Такие описки можно объяснить только тем, что с буквой **g** привычно ассоциировалось спирантное произношение.

Отсутствие противопоставления смычных и щелевых (губных и заднеязычных) в древненемецком находит отражение в современных франкских и других немецких диалектах[1].

В звонких переднеязычных также не было противопоставления смычных и щелевых. Однако здесь **d** и **þ** выступали, по-видимому, как факультативные варианты (см. § 55). Этим объясняется то, что на протяжении нескольких столетий шло постепенное вытеснение щелевого варианта смычным, протекавшее в разных диалектах по-разному[2].

---

[1] См. Ф. Энгельс. Франкский диалект, Партиздат, 1935, стр. 83; В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 283 и 287.

[2] В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 128.

2. МОДИФИКАЦИЯ ФОНЕМ

§ 59. Для исторической фонетики важно не только установить состав и систему фонем древнего языкового периода, но и выявить модификации фонем, потому что именно они и являются, как мы видели во введении, источником и причиной звуковых изменений, ведущих к количественным изменениям в фонемном составе языка. Решение этой важной задачи осложнено тем, что такие модификации не находят отражения в графике.

В большинстве случаев о вариантах фонем можно судить только по тем сдвигам в фонологических системах, которые обнаруживаются в последующих периодах истории языка. Именно такой ретроспективный взгляд позволяет хотя бы частично восстановить картину модификации гласных в древневерхненемецком языке.

Речь идет о явлении, известном в германистике под названием „умлаута"[1]. Правило умлаута формулируется обычно следующим образом: умлаутом называется „палатализация корневых гласных, вызывавшаяся, начиная с древневерхненемецкого периода, звуками **i**, **j**, **î** последующего слога"[2].

С фонологической точки зрения умлаут надо представлять себе как модификацию гласных фонем заднего ряда, определявшуюся наличием или отсутствием указанных условий; соответственно каждая из гласных фонем **a**, **o**, **u**, **â**, **ô**, **û**, **ou**, **uo**, **iu** выступала в двух вариантах[3] — переднем, при наличии ассимилирующих условий, и заднем, в остальных случаях.

По поводу фонетического истолкования умлаута существуют две теории: согласно одной (Mouillierungstheorie) — **j** или **i** вызывали палатализацию согласных, которая обусловливала соответствующие изменения предшествующего гласного. По другой теории (Antizipationstheorie) **i** или **j**, стоявшие после корня, воздействовали на коренной гласный „на расстоянии", т. е. коренной гласный как бы „предвосхищал" их палатальную артикуляцию[4].

---

[1] Точнее **i**-умлаута.

[2] W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 51.

[3] **a** имело и третий вариант, см. § 61.

[4] Библиографию вопроса см.: W. Braune. Указ. соч., § 51, прим. 1; Сравнительная грамматика германских языков, М., 1962, т. II, стр. 155.

Считается, что эти теории исключают одна другую, причем последней в новейшее время отдается в германистике предпочтение. Правильнее было бы, однако, признать, что обе теории верны, так как объясняют два сходных по их результатам, но не совпадающих по протеканию процесса.

С одной стороны, мы находим в древневерхненемецком факты ассимилирующего воздействия гласных **i**, **î** на корневой слог, ср. gastes G. Sg., но gesti N. A. Pl. или satt 'satt', но setî 'Sattheit'. Ассимиляция в данном случае безусловно могла происходить „на расстоянии", согласно теории антиципации.

Однако мы имеем умлаут и в случаях, когда в последующем слоге нет **i**, напр. в слабых глаголах первого класса, ср. zellen 'zählen' наряду с zala 'Zahl', или в существительных с так называемой основой на ***jô**, ср. hegga 'Gehege, Hecke' наряду с hag 'Umzaunung'. В таких словах умлаут появляется перед долгим согласным. Для объяснения этого можно высказать гипотезу, что удлиненные согласные, возникшие в период западногерманской общности из сочетания согласного + **j** с утратой последнего (см. § 56), имели палатализованный (йотированный) характер. Палатализирующее влияние **j** в подобном случае с общефонетической точки зрения следует считать обязательным. В качестве аналогии можно привести долгие мягкие согласные украинского языка, возникшие также из сочетания согласного с **j**. Ср. такие русско-украинские соответствия, как русск. *житье* — укр. *життя,* русск. *зелье* — укр. *зілля.*

Умлаут перед долгим, очевидно, должен быть истолкован в духе теории палатализации [1]. Такому толкованию его мешала „этимологическая" точка зрения, приписывавшая роль ассимилирующего фактора непосредственно **j**, который, однако, давно исчез при геминации.

Таким образом, для древневерхненемецкого языка правило умлаута, приведенное в начале этого параграфа, следует, по-видимому, несколько переформулировать: в древневерхненемецком происходила палатализация

[1] Обычное возражение против этой теории, что палатализованные согласные в германских языках не сохранились, нельзя считать полностью убедительным. Не сохранились и долгие согласные вообще, хотя в их существовании на древних этапах развития немецкого языка обычно не сомневаются.

коренного гласного перед палатальными звуками, а именно перед i, î последующего слога и перед палатализованными согласными[1].

§ 60. Умлаут, как сказано выше, привел к возникновению у задних гласных двух вариантов. Эти варианты, не имевшие фонологического значения, естественно, не находили выражения на письме. Исключением, однако, явился умлаут от краткого a. Вариант этой фонемы, обусловленный i или палатализованным согласным, попал „в орбиту другой, уже ранее существовавшей фонемы“[2], близкой к нему по качеству, а именно фонемы ë (старое германское ë). Новой фонемы в результате умлаута не возникло, произошла лишь замена фонемы a фонемой ë в тех словах и морфемах, где она стояла в указанных фонетических позициях. Соответственно и писалась она как e. Что этот звук представлял собой один из вариантов фонемы ë, а не фонемы a, подтверждается и тем, что он имел узкий характер (см. § 34). Кажется загадочным, почему e, связанное генетически с a, т. е. с самым широким гласным, было по своей фонетической природе у́же старого ë, составлявшего в прагерманском одну фонему с самым узким гласным i (ср. § 35). Если же учесть то обстоятельство, что к моменту возникновения умлаута старое ë встречалось только перед широкими гласными (напр. hëlmes, hëlme, hëlma, hëlmo 'Helm' G. D. Sg., N. G. Pl.), а второй вариант только перед i и палатализованным согласным (напр. gesti, gestim N. A. и D. Pl.; feris, ferit 'fährst, fährt'; hella 'Hölle')[3], то станет ясным, что ассимилятивное воздействие последующих узких гласных должно было обусловить относительно более узкий характер нового варианта по сравнению с ë. Очевидно, до тех пор пока позиционные условия для появления того или иного варианта ë (старого и вновь возникшего) сохранялись, эти последние

---

[1] Интересно отметить, что умлаут перед палатализованными согласными встречается и в современных немецких диалектах; особенно широко перед ʃ, ср. /ɛʃə/ 'Asche', /vɛʃə/ 'waschen' и др. (В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 193).

[2] Сравнительная грамматика германских языков, М., 1962, т. II, стр. 158.

[3] В подобных позициях ë заменялось i, ср. nimis, nimit 'nimmst, nimmt' рядом с nëman Inf.; arfirren 'entfernen' рядом с fërro 'fern'.

не различались, образуя одну фонему. Лишь тогда, когда **i** стало исчезать из конечного слога, когда, следовательно, позиционная обусловленность вариантов **ë** оказалась утраченной, а различие в их произношении сохранилось, эта фонема должна была расщепиться на две самостоятельные фонемы **ë** и **e** (ср. § 34).

§ 61. Модификация фонемы **a** в результате умлаута не ограничивалась только двумя вариантами (**a** и **e**), о которых до сих пор шла речь. Узкий вариант, вначале объединявшийся в одну фонему с **ë**, встречался не во всех положениях, а только в том случае, если за фонемой **a** не следовали сочетания согласных **ht, hs, lw, rw.** Перед этими сочетаниями ассимилятивное действие последующих палатальных звуков было иным, и **a** выступало, как об этом свидетельствует его дальнейшая судьба (см. § 89), в виде очень широкого **æ**. Будучи более широким, чем старое открытое **ë**, этот вариант не заменялся им, а оставался в пределах фонемы **a**. Совершенно естественно, что в графике он и обозначался последовательно буквой **a**, напр. mahti ‘Mächte’, mahtig, nahti ‘Nächte’, wahsit ‘wächst’, giwahsti ‘Wuchs’, antfahsi ‘Haargeflecht’, balwig ‘verderblich’, garwen (< *garwjan) ‘bereiten’[1].

Этот же вариант фонемы **a** появлялся и в корне трехсложных слов, в которых флексия, содержавшая **i**, не следовала непосредственно за ним, а отделялась промежуточным слогом, не содержащим **i**, напр. zahari ‘Tränen’, magadi ‘Jungfrauen’ и др.

Наряду с этим засвидетельствованы трехсложные слова, в которых **i** стоит не только в третьем слоге, но и в слоге, непосредственно следующем за корневым; поэтому они имеют умлаут, ср. напр. menigî ‘Menge’, edili ‘edles Geschlecht’, negili ‘Nägel’.

Таким образом, процесс, именуемый умлаутом, фонологически представлялся в древневерхненемецком в следующем виде: фонема **a** выступала первоначально в трех вариантах: узком (**e** — примарный умлаут), среднем (**æ** — секундарный умлаут) и широком (**a**). Первый вариант слился в одну фонему с **ë**, второй и третий составляли вместе другую фонему.

---

[1] Ср. H. B r i n k m a n n. Указ. соч., стр. 83.

Умлаут выявляется вначале в более северных (франкских) диалектах, а затем распространяется к югу. В конце VIII века даже во франкских памятниках мы встречаем случаи неумлаутированного a, напр. в Исидоре: faris 'fährst', angil 'Engel', andin 'Stirn'; в IX веке, однако, a без умлаута можно встретить лишь в баварском диалекте, ср. собственные имена Azzilo, Agirîh, Kamfio, Wantilperht и др.

Диалектные различия в умлауте обнаруживаются еще и в том, что на южных территориях не только перед указанными выше сочетаниями согласных, но и перед **h**, **ch**, **ll**, **l** + различные согласные, а также перед **rr**, **r** + согласный употреблялся не **e**, а более широкий гласный; оставаясь вариантом фонемы **a**, он соответственно и обозначался на письме как **a**, напр. южнонем. ahir 'Ähre' — франк. ehir, южнонем. sachit 'streiten' 3. P. Sg. Präs. — франк. sechit, южнонем. fallit 'fällt' — франк. fellit, южнонем. chalbir 'Kälber', waltit 'walten' 3. P. Sg. Präs. — франк. kelber, weltit, южнонем. marren 'hindern', warmen 'wärmen' — франк. merren, wermen и др.

Умлаут имеет место в ударном слоге под влиянием слога неударного. В связи с этим так называемые „тяжелые" суффиксы, в которых наличествует ударение, хотя бы и слабое, сравнительно редко вызывают умлаут в древневерхненемецкий период, ср. firstantnissi 'Verstand', intfancnissa 'Empfängnis'.

Естественно также, что умлаут, как правило, не происходит в словосочетаниях; однако в отдельных случаях и это имеет место при ясно выраженном энклитическом примыкании одного слова к другому, напр. drenk ih 'trank ich', meg ih 'mag ich', geb imo 'gab ihm' и др. у Отфрида.

Вызывающий умлаут элемент имеет разную активность: наибольшей ассимилирующей силой обладает палатализованный согласный, находящийся в непосредственном соседстве с гласным, затем **i**, действующее на расстоянии, наименьшей силой обладает **î**. Этим объясняется весьма частое отсутствие умлаута в словах с суффиксами, содержащими **î**, ср. напр. smalî 'Schmalheit', slaffî 'Schlaffheit', langlîh, kraftlîh.

Дифтонг **iu** во флексии, хотя он и содержит **i**, вызывает умлаут лишь в отдельных случаях, напр. endriu

'ander' N. Sg. Fem. (Merig.); широкое распространение имеет только elliu 'all' N. Sg. Fem.

§ 62. Из других гласных своеобразное развитие наблюдается у долгого **û**, в судьбе которого есть сходство с судьбой краткого **a**, описанной выше. Передний вариант **û**, возникавший в позиции перед палатальными звуками, совпал в произношении с дифтонгом **iu**. Об этом свидетельствует тот факт, что в памятниках XI века, и даже более ранних, в особенности у Ноткера, старый дифтонг **iu** и умлаут от **û** (т. е. передний вариант этой фонемы) обозначались одинаково, например: hiute < hûti (мн. число от hût 'Haut') и liut < liut 'Leute' (подробнее см. § 44).

Таким образом, обособление переднего варианта фонемы **û** не привело к возникновению новой фонемы; произошла замена одной фонемы другой и тем самым перераспределение фонем в словоформах: словоформы, имевшие раньше разные фонемы, стали употребляться с одной и той же фонемой (ср. hûti — liut > hiute — liut) и, наоборот, словоформы, имевшие одинаковые гласные, стали различаться в этом отношении (ср. hût — hûti > hût — hiute).

§ 63. В отношении остальных задних гласных, как кратких, так и долгих, часто хотят видеть попытки обозначить в рукописях передние варианты специальными знаками, что свидетельствовало бы о превращении вариантов в самостоятельные фонемы. Так, у Ноткера встречаются написания **ea** для **â**, напр. leara 'leer' A. Sg. Fem., sueara 'schwer' A. Sg. Fem. (оба слова — старые основы на ***ja**); **ô** обозначается как **oi** в глаголе на ***jan**: troistet 'trösten' 3. P. Sg. Präs. (Otloh.); **ou** у Виллирама постоянно обозначается как **oi**, напр. hoibet 'Haupt' (houbit), geloiban 'glauben' (глагол на ***jan**); ср. также написания для краткого **u**: ibilo 'übel' (Merig.), irhiugeton 'sich erinnern' 3. P. Pl. Prät. (N.), suinta 'Sünde' (Otloh.) и др.

Однако написания, которые могут быть так истолкованы, настолько редки, а графическое значение употребляемых при этом букв столь разнообразно, что основываться на этих написаниях невозможно.

3. УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕМ

§ 64. Фонемы, являющиеся фонетически независимыми единицами, в отличие от фонетически зависимых вариантов, оказываются тем не менее известным образом ограниченными в своем функционировании. Эти ограничения могут быть разного рода: ограничения в сочетаемости (часто называемые сейчас дистрибуцией), в употреблении в том или ином виде слога (открытый, закрытый, ударный, неударный), в той или иной части слова (анлаут, инлаут, ауслаут). Кроме таких собственно фонетических ограничений встречаются и ограничения фономорфологические, состоящие в том, что определенные фонемы могут появляться не в любом виде морфем, а лишь в определенном их типе (напр. корневой) или в определенных классах слов (напр. только в слабых глаголах) и т. п.

Указанные ограничения в употреблении фонем могут вести к неустойчивости фонемного состава морфем, которая создает чередования (см. § 74 и сл.).

С этой неустойчивостью связана и большая изменчивость звукового облика морфем; при сравнении текстов различных эпох она и бросается в глаза, создавая впечатление быстрой эволюции фонетического строя языка, несмотря на то, что сам состав фонем языка изменяется относительно медленно.

В древневерхненемецком языке ограничения, лимитирующие употребление разных типов фонем, носят своеобразный характер, не совпадая с тем, что мы имеем в нововерхненемецком языке.

А. Гласные фонемы

§ 65. Зависимость гласного от согласных[1] обнаруживается в древневерхненемецком лишь в некоторых ограничениях сочетаемости:

1) Старое **ë** и **o** не встречаются перед удвоенным носовым или носовым + согласный. Написание **e** в такой позиции соответствует другому **e**, восходящему по

[1] О зависимости гласного от гласных последующего слога см. § 34—36, в которых этот вопрос рассматривается в плане фонологичности тех или иных противопоставлений. Кроме того, в § 76 см. о возникающих в этом случае чередованиях.

умлауту к **a**, напр. brennen, denken. Сказанное не относится к заимствованным словам типа firmament.

2) Старое **ë** не может встречаться, кроме того, перед аффрикатами **pf**, **zz**, а также перед долгим **ck**. В этой позиции может стоять только умлаутное **e**, так как эти согласные появлялись только перед исчезнувшим **j**, который одновременно должен был вызвать и умлаут **a** > **e**[1].

3) Дифтонг **ei (ai)** не встречается перед **h**[2], **r**, **w**.

4) Дифтонг **ou (au)** не встречается перед **h**[2] и переднеязычными.

Важным отличием от современного языка является то, что в древневерхненемецком не только в закрытом, но и в открытом слоге могли встречаться как краткие, так и долгие гласные и дифтонги, ср., напр. bergen, morgen, âhtên 'verfolgen', Gêrtrût, nuohturn 'nüchtern'; tragan, leben, mêro 'mehr', hôren, bruoder.

Следует, однако, отметить, что если краткие в открытом слоге встречаются очень часто, то долгие и дифтонги в закрытых слогах — это явление весьма редкое.

В древневерхненемецком все типы гласных — краткие, долгие и дифтонги могли употребляться и в начальном, и в срединном, и в конечном положении, ср.,напр. akkar, stat, waʒʒar, ërda; âtum 'Geist', tât, slâfen, sprâchâ 'Sprache' N. A. Pl.; itis 'Frau', nim 'nimm', spilôn 'spielen', gesti 'Gäste'; îtal 'leer', mîn 'mein', wîla 'Zeit', festî 'Festigkeit'; ei 'Ei', stein, teilen, zwei.

§ 66. На протяжении всего древневерхненемецкого периода ударный слог (в большинстве случаев это корень) представляет сильную позицию для гласных. Это означает, что под ударением встречаются все гласные фонемы, как монофтонги, так и дифтонги. Почти такую же картину мы находим в древнейших памятниках и в неударном слоге, в котором могут присутствовать как краткие гласные **a**, **ë**, **o**, **u**, так и соответствующие долгие, а также дифтонг **iu**; ср., напр. bëta, bëtâ 'Bitte' N. Sg. и Pl. gëbe, gëbêm 1. P. Sg. Präs. Konj. и Pl.; hano, hanôm 'Hahn' N. Sg. и D. Pl.; blintun, blintûn 'blind' A. Sg. Mask. и A. Sg. Fem.; blintiu N. Sg. Fem.

---

[1] См. В. М. Жирмунский. История немецкого языка, 1956, стр. 121 и 125.

[2] Имеется в виду только общегерманское **h**.

Однако постепенно неударный слог становится слабой позицией, в которой встречается лишь ограниченное число гласных фонем. Процесс этот, протекающий неравномерно в разных диалектах, обычно именуется редукцией гласных. При этом подразумевается, что происходит чисто механическое, артикуляционное „ослабление“ безударных гласных. Такое истолкование фактов не может считаться убедительным, так как наряду с заменой более закрытых более открытыми (напр. **i** > **e** — krefti > krefte), что можно было бы понимать как ослабление артикуляции, наблюдается и обратное — замена более открытых более закрытыми (напр. **a** > **e** — gëba > gëbe, **a** > **i** — ga- > gi-).

Кроме того, механическому истолкованию так называемой редукции препятствует и то обстоятельство, что безударные гласные конечного слога оказываются особенно устойчивыми по сравнению с другими безударными. Это можно объяснить тем, что конечные слоги являются словоизменительными морфемами, четкость дифференциации которых играет важную грамматическую роль. Напротив, огласовка предударных слогов, не имеющая морфологического значения, представляется гораздо менее стойкой.

§ 67. В предударном слоге, т. е. в префиксах, в период до X века можно встретить все краткие гласные, ср. **fur-, for-, far-, fir-, fer-; ur-, ar-, ir-; ga-, gi-** и др. Постепенно к концу древневерхненемецкого остаются только варианты с **e** в одних диалектах и с **i** в других диалектах. Чтобы составить себе более ясную картину, следует обратиться к некоторым примерам.

Раньше и активнее проходит этот процесс во франкских говорах. Общегерманская приставка **ga-** уже с VIII века встречается во франкских говорах в форме **gi-**, которая становится господствующей с IX века. В Исидоре встречаем уже только **chi- (ghi-)**, Тациан имеет **gi-**, напр. gifullit ‘erfüllt’, giuuelih ‘welcher’ и др.; **ga-** можно встретить только в единичных примерах, напр. в одной из рукописей Fränkisches Taufgelöbnis (B.): galaubistu ‘glaubst du’. В алеманском **ka- (ga-)** в VIII веке встречается еще часто, в начале IX века выдвигается **ki- (gi-)**, которая ко второй половине века становится преобладающей, ср. kabuntane ‘gebundene’ и kiuuisso ‘gewiß’ (Murb. Hymn.). В Alem. Psalter только **ki-** и **ke-**, напр.

kineicta 'neigte', kenada 'Gnade'. Позднее всего **ga-** удерживается в баварских памятниках: для IX века здесь характерна форма **ca- (ga-)**, ср., например, исключительно **ca- (ga-)** в Exhortatio: calaupa 'Glaube', cahabên 'haben'. Это служит отличительным признаком баварских текстов. Только к концу века заметнее становится **ci- (gi-)**, побеждающее примерно к 900-му году. В дальнейшем (к XI веку) господствующей формой повсеместно является **ge-**.

Аналогично поведение приставки **za-** 'zer'; во франкских диалектах она в таком виде выступает всего два раза, а в прочих случаях мы встречаем форму **zi-** (IX век), позднее преобладает **ze-**, ср. ziuuare 'in Wahrheit' (Is.), zispreitten 'zerstreuen' (T.), zibrĕchan 'zerbrechen, vernichten' (O.). Виллирам уже не обнаруживает **zi-**, а только **ze-**, напр. zebreiten 'ausbreiten' и т. п. Алеманские памятники VIII века и позднее имеют еще **za-**, в IX веке усиливается **zi-**, а затем начинает употребляться и **ze-**. Ноткер обнаруживает только **ze-**, напр. zestôren, zeteilen и т. п. Наиболее стойким оказывается **za-** в баварском (так же как **ga-**), однако **ze-** появляется раньше, чем **ke-**.

Древнейшая форма **fur- (for-)** встречается еще в IX веке в восточнофранкском, в Тациане, т. е. в памятнике, который в отношении редукции **ga-** был передовым, ср. furstantent (74, 5), vorstantent (84, 8) 'verstehen' 3. P. Pl. Präs.; furliez (15, 6), forliez (147, 6) 'verließ' и др. Рейнскофранкский имеет **fir-**, напр. firghĕban (Is.), firlâʒan (O.); южные диалекты — **far-**, хотя и не исключена ослабленная форма **fir-**, ср. varsenkan, varsuuilhit 'verschlucken' 3. P. Sg. Präs. (Musp.). С X века во всех диалектах господствует **fir-**, **fer-**; последнее везде одерживает верх, ср. у алемана Ноткера ferbĕrgen, fersuuîgen и др.

Аналогична судьба приставки **ur-**, которая в такой форме встречается в единичных случаях в южнонемецких текстах, ср. urkĕpan 'geben' (Exhort.). Во франкских памятниках, Исидоре и Тациане, приставка звучит как **ar-**, напр. araugen 'zeigen', а в раннем алеманском памятнике „Kb." господствующей формой является **ir-**. В течение IX века **ir-** вытесняет другие формы, в XI веке самая частая форма **er-**, ср. eruuártên, erlîden 'erleiden' (N.).

§ 68. В течение IX века в конечных безударных слогах в большинстве случаев встречаются еще все глас-

ные. Однако во франкских диалектах уже в это время перестают употребляться в окончаниях обычные для южных диалектов гласные **i** и **u**, которые заменяются гласными **e** и **o**.

Так, в большинстве франкских диалектов в дат. пад. множественного числа у слов типа tag мы видим форму tagom, а в южнонемецких — tagum с нередуцированным узким **u**. Аналогично и при склонении слабых имен существительных: франкские формы типа boten (G. D. Sg.) и boton (A. Sg. и N. A. Pl.) противостоят в южных текстах botin и botun; ср. также hërzin, hërzon и herzin, herzun и т. п. В Страсбургских клятвах находим форму 1 лица ед. ч. наст. времени gegango 'gehe' с **-o** вместо исконного **-u**; во многих памятниках последовательно употребляются формы dëmo, imo, sînemo, thînemo, unsaremo в дат. пад. единственного числа местоимений и т. п.

В X веке в конечных слогах начинается, кроме того, замена **a** на **e**, а также и **o** на **e**, но как в отношении этого явления, так и в замене **u** на **o** в разных памятниках царит известная пестрота. Так, например, в отрывках перевода псалма 138 (X век) инфинитив сильного глагола имеет окончание то **-an**, то **-en**, ср. intrinnan (12) 'entlaufen' и fliogen 'fliegen' (32 и 33); предлог âno 'ohne' пишется как âne (10), наречие filo 'viel, sehr' как file (31), а наречие fasto 'stark' имеет на конце **o** (9 и 20); окончание сильного глагола в претерите 3 л. множ. числа на 17-й строке — **-on**: rieton, а на 18-й **-un**: rietun (от râten).

Иллюстрацией того, как обстояло дело с рассматриваемым процессом в XI веке, является трактовка неударных конечных у Ноткера. В его произведениях можно наблюдать, что в XI веке долгие гласные продолжают противопоставляться друг другу в конечном безударном слоге, ср., напр. dannân 'von dort', richesôn 'herrschen', lustsamên 'fröhlich' D. Pl., lengî 'Länge', guldîn 'golden', chënûn 'Frau' A. Sg. и др. Краткие гласные ведут себя поразному, в зависимости от того, находятся ли они в „прикрытом" слоге (т. е. оканчивающемся на согласный) или же в „неприкрытом" (т. е. в абсолютном исходе слова). В первом случае выступает только **e**, напр. uuërden (из **-an**), keskihet 'geschieht' (из **-it**), uuurten 'wurden' (из **-un**) и т. п. Во втором случае возможны три гласные **e, o, a**; при этом **-e** замещает **-e** и **-i**, **-o** замещает **-o** и **-u**, напр. himele D. Sg. (исконное -e) и wâre (< wâri)

'wäre', chrefte (< chrefti) 'Kräfte'; rëhto Adv., der hôhesto 'der Höchste' (исконное -o) и meino (< meinu) 'meinen' 1. P. Sg. Präs., ërdo (< ërdu) D. Sg., dëmo (< dëmu) D. Sg.; sunna 'Sonne', ërda, ana 'an' Adv.

§ 69. С фонологической точки зрения редукция — это нейтрализация противопоставления фонем, происходящая в определенных фонетических условиях. Выражается она в позиционном ограничении употребления тех или иных фонем. Как об этом можно судить по приведенным из Ноткера данным, к концу древневерхненемецкого периода, по крайней мере, в алеманском диалекте, в заударном слоге имела место нейтрализация ряда противопоставлений кратких гласных. При этом в абсолютном исходе сохраняется оппозиция трех фонем (**e**, **o**, **a**), в „прикрытом" положении всякая дифференциация кратких гласных отсутствует, поскольку в этой позиции возможно только **e** (с диалектальным вариантом **i**). В отличие от этого в системе долгих гласных сохраняются все старые противопоставления независимо от позиций.

Что же касается предударного слога (приставок), то здесь мы имеем такую же картину, как и в заударном „прикрытом" положении.

§ 70. Ограничения фонетико-морфологического типа могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

1) Фонема **e**, возникшая по умлауту из **a**, может встречаться только в корневой морфеме (о причинах этого см. § 34).

2) Только в корневых морфемах могут выступать и дифтонги **ei** (**ai**), **ou** (**au**), **uo**, чем объясняется их редкое появление в абсолютном исходе.

3) Старое **ë** не может встретиться в слабых глаголах первого класса на ***jan** (о причинах этого см. § 35).

Б. Согласные фонемы

§ 71. Большинство кратких согласных и аффрикаты могли в древневерхненемецком стоять в любом положении в слове — в анлауте, инлауте и ауслауте, напр. sô, blâsan, was 'war'; gast, sagên, tag. Только согласные **ʒ** и **ch**[1] не встречаются в начале слова, а **w** и **j** не могут быть в конце.

[1] Имеется в виду немецкое **ch**, возникшее по 2-му перебою.

Таблица 4

	b	d	f	g	h	j	k	l	m	n	p	r	s	ʒ	t	w	z	pf	ch
b								□				□							
d												□				□			
f								□				□	○		○				
g								□		□		□				□			
h								□		□		□	○		○	□			
j																			
k								□		□		□				□			
l	○	○	○	○	○		○		○		○		○		○		○		
m	○		○								○							○	
n				○			○						○		○		○		
p								□				□	□						
r	○	○	○	○	○		○	○	○	○	○		○		○		○		
s							□ ○	□	□	□	□				□ ○	□			
ʒ																			
t												□				□			
w																			
z																□			
pf								□				□							
ch																			

Сравнительно нечасты сочетания согласных. На стр. 90 приводится таблица, где сопоставлены возможные двухсоставные сочетания в анлауте и ауслауте. (□ — Положение в анлауте. ○ — Положение в ауслауте.) По вертикали дается первый согласный сочетания, по горизонтали — второй.

Примечание 1. Таблица не учитывает положения в инлауте, поскольку любое конечное сочетание может попасть в инлаут при морфологическом изменении слова, анлаутное сочетание при соединении с префиксом тоже превращается в инлаутное, ср. wolf — wolfes; tragan — gitragan и т. п. Кроме того, инлаут не имеет функции разграничения слов в потоке речи.

Примечание 2. Не учтены в таблице и такие сочетания, которые встречаются на ограниченной диалектальной территории в течение ограниченного времени, напр. werh 'werk', halph 'half', skarpf 'scharf'.

§ 72. Из таблицы видно, что сочетания, характерные для начала слов, как правило, не появляются в их конце. Исключение составляют только сочетания **sk** и **st** (ср. skeidan 'scheiden', fisk; standan, ast).

Несовпадение начальных и конечных сочетаний объясняется в основном тем, что целая категория согласных (сонанты) не способна начинать анлаутное сочетание, но зато часто начинает его в ауслауте, ср., напр. wolf, wurm, kampf, bant и др. Смычные согласные, напротив, способны начинать анлаутное сочетание (ср. bringan, drî, klaga, psalm, trût 'Freund' и др.) и не начинают сочетания конечного. Щелевые (при этом не все) также в основном встречаются в начальном сочетании (ср. fliogan, stân 'stehen') и лишь редко начинают конечное сочетание (ср. kraft, trôst), тогда как целый ряд очень частых анлаутов (напр. **sl-, sm-, fl-**) совершенно немыслим в конце. Напротив, сочетания, возможные для ауслаута, типа **ht** (напр. maht) немыслимы в начале слова.

Из всего сказанного вытекает, что в древневерхненемецком анлаут и ауслаут слова имеют в отношении сочетаемости согласных специфические черты, и поэтому определенные группы согласных могут служить сигналом начала и конца лексемы, как бы очерчивая ее границы.

Такая разграничительная функция согласных сочетаний становится еще более ясной при рассмотрении трехсоставных групп. В качестве начинающих слово трехсогласных сочетаний выступают только **skr-, spr-, str-** (напр. skrîban, spreizen, strâza).

Те сочетания, которые могут стоять в конце, как, напр.: **-mft, -nst, -rlt** (ср. kumft 'Ankunft', anst 'Gunst', werlt 'Welt'), исключены для анлаута.

Интересно отметить и состав сочетаний. Таблица показывает, что есть согласные, которые вовсе не участвуют в сочетаниях: это, например, **j, ʒ**. Другие согласные вступают в сочетания редко, например, **w, z, pf**. Наиболее легко, естественно сочетаются с другими согласными сонорные, и из них на первом месте стоит **r**. Без сонорных совершенно невозможны трехсоставные сочетания.

§ 73. Долгие согласные могут стоять практически только в интервокальном положении, напр. brennen, betti, ëʒʒan. В ауслауте и перед другим согласным они, как правило, сокращаются, напр. aʒ, branta.

Появление долгого согласного в общем не ограничено долготой или краткостью предшествующего гласного, ср. bittar, waʒʒar и slâffan, lâʒʒan, leittan 'leiten' (Bened.). Однако статистически долгие согласные значительно преобладают в позиции после краткого гласного.

Следует указать, что долгие согласные обнаруживают фономорфологическое ограничение своего употребления: они появляются только в корневых морфемах.

4. ЧЕРЕДОВАНИЕ ФОНЕМ

А. Живые чередования

§ 74. Живые чередования, т. е. такие, которые обусловлены определенными фонетическими позициями и которые, следовательно, вытекают из рассмотренных выше условий функционирования фонем, в древневерхненемецком засвидетельствованы в очень небольшом числе.

В области гласных живым было только чередование **a || e**, обусловленное гласным **i** в следующем за корнем слоге, если корень оканчивался одним согласным или группой согласных, за исключением **ht, hs, lw, rw** („умлаут" — см. § 34 и § 59—60). То, что это чередование было живым, доказывается невозможностью появления в данной позиции гласного **a**. Примеры: ast N. Sg — esti N. Pl., slag N.Sg. — slegi N.Pl.; fart 'Fahrt' N.Sg. — ferti G.D.Sg., lantscaf 'Gegend' N.Sg. — lantsceffi G.D.Pl.; lang Pos. — lengiro Komp., alt Pos. — eltiro

Komp.; tragu 1. P. Sg. Präs. — tregis 2. P. Sg., grabu 1. P. Sg. Präs. — grebis 2. P. Sg.; man 'Mensch' — menniskî 'Menschheit', kraft — kreftig и пр.

Умлаут, как это видно из примеров, был приурочен к определенным морфологическим категориям, напр. образованию множественного числа, падежей, степеней сравнения. Однако эта приуроченность имела не морфологический характер, поскольку она определялась только тем, что окончания в соответствующих формах содержали гласный **i**.

§ 75. К живым чередованиям согласных относится прежде всего чередование интервокальных долгих **ff**, **ʒʒ** и **hh** с краткими **f**, **ʒ**, **h** в конце слова, ср., напр. greif — griffun 3. P. Sg. и Pl. Prät. (от grîfan 'greifen'), gôʒ — guʒʒun (от gioʒan 'gießen'), brah — brâhhun (от brëhhan).

Кроме того, к живым чередованиям можно отнести и алеманское чередование глухих и звонких смычных согласных, носящее название „Ноткеровского закона начала слов" (см. § 53—55).

Б. Исторические чередования

§ 76. Историческими называются, как известно, чередования, не связанные в данный период истории языка с позиционными условиями, хотя в прошлом они и могли от них зависеть.

Широко представлены такие чередования в древневерхненемецкий период в системе гласных. К ним относится так называемое п р е л о м л е н и е г л а с н ы х (Brechung), которое в ряде случаев сохраняет признаки прежней позиционной обусловленности, а именно зависимости корневых **ë** || **i**, **o** || **u** и **io** || **iu** от характера последующих гласных: **ë**, **o**, **io** в корне обусловливались последующими широкими **ë**, **a**, **o**, тогда как **i**, **u**, **iu** появлялись соответственно перед узкими **i (j)**, **u** (см. также § 35, 36 и 44). Ср., например, hëlfan Inf. — hilfu, hilfis, hilfit 1., 2., 3. P. Sg. Präs.; hërda 'Herde' — hirti 'Hirt'; wurfen — giworfan 3. P. Pl. Prät. и Part. II от wërfan; korôn 'wählen' — kuri 'Wahl'; gioʒan 'gießen' Inf. — giuʒu, giuʒis, giuʒit 1., 2., 3. P. Sg. Präs.

Однако из фактов такой зависимости не следует, что в древневерхненемецком широкие гласные не могли стоять

в корне перед узкими окончаниями и наоборот. Напротив, такие случаи не так уж редки в этот период. Например: nёstilî(n) 'Nest' dem., brёtir 'Brett' Pl., lёrnunga 'Lehre', scёltunga 'Tadel'; mordisc 'mörderisch'; lochilîn 'Loch' dem., korunga, kostunga 'Versuchung', Thiotila (жен. имя собств.); fiska, fisko 'Fisch' N. G. Pl., sune 'Sohn' D. Sg., liutes 'Volk' G. Sg. В связи с возможностью такой дистрибуции чередование в этих случаях снимается, ср. scёltan — scёltunga, korôn — korunga, sunes — suni и т. д.

Из всего этого видно, что рассматриваемое явление не представляет собой живого, т. е. обязательного во всех случаях, фонетического чередования. Преломление уже в ту эпоху приобретает характер морфологического признака, используемого в определенных грамматических функциях. Так, например, оно прочно закрепляется в спряжении настоящего времени сильного глагола, сигнализируя о единственном числе. Напротив, в склонении единичные случаи чередования по преломлению оказываются неустойчивыми уже в древневерхненемецком, о чем свидетельствуют такие примеры, как lohhir, brёtir от loh, brёt наряду с более редкими luchir, britir.

§ 77. Широко используются в древневерхненемецком древнейшие чередования по так называемому аблауту, сохранившиеся в большей своей части до современного языка. Фонетическая основа их представляется совершенно неясной не только для немецкого языка, но и с точки зрения сравнительной грамматики индоевропейских языков, для которых аблаут является общей закономерностью.

Являясь фонетически не обусловленным, аблаут наблюдается в древневерхненемецкий период, как и сейчас, главным образом в системе сильного глагола, где он связан с дифференциацией грамматических форм. Значительно меньшую роль аблаут играет в словообразовании. Ввиду такой морфологической специализации этого типа чередования, уместнее рассматривать его не в фонетике, а в разделе морфологии.

Аналогичным образом скорее к морфологии относится и чередование, именуемое рюкумлаутом (Rückumlaut). Однако в отличие от аблаута изначальные фонетические основы этого явления легко могут быть вскрыты при

использовании сравнительно-исторического метода. Если взять пару brennen || branta или sezzen || sazta (инфинитив и претерит), то в древневерхненемецком языке никаких причин для фонетического чередования обнаружить не удается, так же как и в современном brennen — brannte. Исторически же оно объясняется тем, что в инфинитиве этих глаголов был *j, вызывавший умлаут (ср. гот. brannjan, satjan), а в претерите причины для умлаута не было, в связи с чем в нем сохранялось исконное **a**. В глаголе же типа legen — legita умлаут произошел в обеих формах (в инфинитиве от *j, в претерите от **i**), вследствие чего чередования и не возникло.

§ 78. Исторические чередования согласных представлены главным образом парами **d** || **t**, **s** || **r**, **h** || **g**, **f** || **b**; это явление носит наименование „грамматического чередования" (grammatischer Wechsel) и объясняется разным распределением ударения в слове в германском языке-основе (закон Вернера — Verners Gesetz)[1]. Чаще всего это чередование наблюдается в сильном глаголе при образовании грамматических форм, а также и в словообразовании. Примерами первого могут служить lîdan — litun 'gehen' Inf. и 3. P. Pl. Prät., snîdan — snitun 'schneiden'; kiosan — kurun 'wählen', wesan — wârun 'sein'; ziohan — zugun 'ziehen', heffen — huobun 'heben'. Примеры второго: lîdan — leiten 'gehen — führen'; kiosan — kuri 'wählen — Wahl'; ziohan — zugil 'ziehen — Zügel'; durfan — darbên 'bedürfen — darben'.

Во всех этих случаях чередование сохранилось по традиции, в то время как фонетическая причина, его породившая, а именно разноместность ударения в древневерхненемецком языке, исчезла (см. § 79). Из примеров видно, что чередующиеся согласные встречаются в одинаковых фонетических условиях, а это невозможно для живых чередований.

Кроме описанных исторических чередований согласных имеются еще и более редкие, часто единичные случаи. Это прежде всего magan — maht 'vermögen — Macht', denken — dâhta, gëban — gift 'geben — Gabe', где

---

[1] Подробнее см. В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 132 сл.; Сравнительная грамматика германских языков, М., 1962, т. II, стр. 20 сл.

смычный чередуется со щелевым в позиции перед t. Фонетическая обусловленность этого древнейшего общегерманского чередования, однако, кажущаяся; об этом говорят такие параллельные формы, как dâhta и dacta 'deckte', а также giloubta и giloupta 'glaubte', которые были бы невозможны, если бы эти чередования были живыми.

Как единичные и не сводимые к какому-нибудь правилу выступают пары **z || ʒ** (напр. sizzen — saʒ), **pf || f** (напр. skepfen — skuof 'schaffen — schuf'), **kk || h** (напр. wecken — wahhên 'wecken — wachen'), **ʒ (ʒ) || s (s)** (напр. wiʒʒan — weiʒ — weist — wissa 'wissen — weiß — weißt — wußte').

5. УДАРЕНИЕ

§ 79. О месте ударения в древневерхненемецком можно судить прежде всего по прямым свидетельствам графики, поскольку такие писатели древности, как Отфрид и Ноткер, сравнительно систематически отмечали ударения в словах. Кроме того, здесь можно использовать и косвенные указания, а именно сопоставление различных фонетических вариантов одних и тех же морфем в разных сферах словообразования, а также анализ дальнейшего фонетического развития тех или иных морфем.

Эти данные позволяют утверждать, что в древневерхненемецком ударение было фонетически свободным, так как оно не было привязано к определенному слогу в слове. В большинстве случаев ударение стояло на первом слоге: во-первых, во всех словах без префиксов; во-вторых, в значительном количестве слов с приставками, в основном имен (и отыменных глаголов)[1].

Об этом свидетельствуют прежде всего такие написания слов без префиксов, как fáter, drúhtin 'Herr', húgita 'dachte', rédinon 'reden', hárto 'sehr', fúrdir 'weiter', ántuurten 'antworten' у Отфрида или chlága 'Klage', chîesen 'wahrnehmen', váren 'fahren', lángo 'lang' Adv., únde 'und' и др. у Ноткера[2].

---

[1] В отношении глагола, не производного от имени, трудно с уверенностью судить о том, в какой мере находящееся под ударением наречие связывалось с глаголом в единое целое как приставка или оставалось самостоятельным словом.

[2] Акут (′) у Ноткера обозначает ударенный краткий, а циркумфлекс (^) — ударенный долгий гласный.

Примерами слов с приставками могут служить из Отфрида — ánauuart 'aufmerksam', ántuurti 'Antwort', úrwanaȥ 'unwahrscheinlich', úmbërenta 'unfruchtbar', fórasagon 'Propheten' Pl. Из Ноткера — úrlub 'Erlaubnis', únzît 'unrechte Zeit', ántsaȥȥigora 'furchtbar' Komp.

Свидетельством ударенности приставки может считаться и сохранение в ней первоначального гласного, в то время как при отсутствии ударения наступает так называемая редукция (см. § 66); ср., например, существительное ántfangî 'Annahme' и глагол entfâhan, intfâhan, infâhan 'annehmen'; существительные úrloub и úrteil и глагол artéilen, irtéilen, ertéilen и т. п.

Наконец, показательно и дальнейшее развитие приставки, ср., напр. bî́namo, которое дает в дальнейшем Beiname. В безударном положении дифтонгизация отсутствовала бы, а гласный претерпевал бы редукцию, ср. более архаичные примеры у Отфрида: bigínnan (которое уже имеет, по-видимому, краткое i) и более позднее beginnen у Ноткера, древнее bidarf и более позднее bedarf.

§ 80. Ударение не на первом слоге стояло в древневерхненемецком в гораздо меньшем количестве слов, чем на первом слоге. Это были преимущественно глаголы (и отглагольные имена) с приставками **ga- (gi-, ge-), za- (zi-, ze-), ant- (ent-, int-), ar- (ir-, er-), far- (fur-, fir-, fer-), bi- (be-).**

В этих случаях ударение приходилось на слог после приставки, ср. gilóuben, intfấhan 'annehmen', bifấhan 'umfassen', firfấhan 'fördern', infấhâri 'susceptor, Unternehmer', irtéilen 'zuteilen, urteilen', zitéilen 'zerteilen'.

Из сказанного выше и из приведенных примеров видно, что ударение в подавляющем большинстве случаев падало на корневой слог, в сравнительно небольшом количестве слов приходилось на приставку и, что особенно важно подчеркнуть, не могло стоять на словоизменительной морфеме (флексии). Что касается словообразовательных суффиксов, то некоторые из них обладали способностью нести на себе ударение, по-видимому второстепенное; при этом главное ударение на корне сохранялось, ср. написания типа arbéitsámo 'mühevoll', kelóublîch 'glaubhaft', wîstûom 'Weisheit' и др. у Ноткера. Такие

суффиксы, называемые „тяжелыми“, именно в силу своей ударенности в большей мере сохраняют в дальнейшей истории языка свой фонетический облик, ср. современное arbeitsam, glaublich, Reichtum.

Таким образом, можно сказать, что для древневерхненемецкого периода и морфологическая связанность ударения не является абсолютной. Статистически ударение на корне, несомненно, преобладает, однако безусловно обязательным считаться не может.

Ударение в древневерхненемецком представляется морфологически относительно связанным с корневым слогом, фонетически же свободным, так как может стоять на различных слогах слова, и неподвижным, поскольку при словоизменении место ударения не меняется.

Глава II

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ПЕРИОДА

I. СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКАЯ ГРАФИКА

§ 81. Язык XII—XIII веков дошел до нас, разумеется, так же, как и язык древневерхненемецкого периода, только в виде письменных памятников. Поэтому выявление состава фонем и этой эпохи истории немецкого языка приходится начинать с изучения закономерностей и особенностей графики (см. § 18, 19).

Средневерхненемецкие памятники письменности характеризуются в отношении графики такой же сложностью, непоследовательностью и разнобоем, как и памятники предыдущих веков. Раскрытие графической системы, которая заключена в средневерхненемецких рукописях, представляет не меньшие, а еще большие трудности вследствие того, что писцы XII—XIII и последующих веков опирались уже не только на латинские образцы, но и на довольно длительную немецкую традицию. Если стоявшая перед древними писцами трудность заключалась только в том, чтобы подобрать в латинской графике такие средства, которыми можно было бы обозначить ту или иную фонетическую единицу (фонему, морфему, слово) немецкого языка, то писцов более позднего времени в известной мере связывало, кроме того, и то, ка́к эта фонетическая единица писалась до него.

Кроме воздействия традиции в рассматриваемую эпоху в гораздо большей степени, чем раньше, должно было сказываться взаимовлияние отдельных писцов друг на друга, которое стимулировалось ростом числа письменных памятников вообще и в частности тем, что на не-

мецком языке, а не на латинском, как раньше, стали писаться деловые документы.

§ 82. Средневерхненемецкий алфавит[1] отличается от древневерхненемецкого только тем, что в нем кроме обычных букв латинского алфавита имеется несколько большее количество букв с различными диакритическими знаками, а также и лигатур; все они служили для обозначения либо монофтонгов, либо отдельных компонентов дифтонгов. Для передачи согласных появляется только одна новая буква **w**, образовавшаяся в результате слияния двух букв **uu**, которыми в древневерхненемецком обозначался согласный **w**. Такое же написание было обычным и в средневерхненемецком, тогда как новая буква имела весьма ограниченное распространение.

В качестве диакритических знаков, писавшихся обычно над буквами, чаще всего использовались специальные знаки, например: циркумфлекс (^), акут (′) и некоторые другие, а также и маленькие буквы **o, e, a, i, v**, написанные над основной буквой.

Таким образом, кроме обычных латинских букв[2] в средневерхненемецких рукописях встречаются: **æ, œ, aͤ, oͤ, uͤ (vͤ), oͥ, uͥ (vͥ), ä, ö, ü (v̈), oͮ, uͦ, uͤ, â, ô, û, ê, î**[3].

Следует, однако, отметить, что все эти буквы используются в рукописях относительно редко и непоследовательно. Большей частью даже в одних и тех же словах наряду с ними пишутся буквы без всякой диакритики. В этом, в частности, и сказывается влияние рукописной традиции. Так писец XIII века пишет, например, ware Konj. Prät. от sein, horen ‘hören’ и т. п., несмотря на то, что коренные гласные представляют собой в это время, несомненно, особые новые фонемы (см. § 85). Это можно объяснить только тем, что он следует примеру древних писцов, которые не имели основания для особого обозначения соответствующих коренных гласных. Только традицией объясняется тот факт, что долгий монофтонг /y:/ передается сочетанием **iu**, которое отражает его происхождение (см. § 44).

[1] Под алфавитом здесь подразумевается перечень всех букв, встречающихся в средневерхненемецких памятниках.

[2] Здесь имеются в виду и некоторые варианты их (см. § 32).

[3] Здесь не указаны буквы, которые встречаются в единичных случаях.

Для того чтобы через такую несовершенную графику, какая предстает перед нами и в средневерхненемецкий период, выявить состав фонем, нужно учесть все сказанное по этому поводу во введении и, в частности, в § 25—30.

§ 83. Выявление фонетической системы средневерхненемецкого языка занимало ученых еще с первой половины XIX века, хотя их непосредственный интерес лежал в другой области. Дело в том, что наиболее ценные памятники средневековой немецкой художественной литературы с середины XII и до конца XIII века, такие, как сочинения Вольфрама фон Эшенбаха, Готфрида Страсбургского, Гартмана фон Ауэ, а также и лирика миннезингеров, не сохранились в оригиналах. Копии же, относящиеся, как правило, к более поздним векам (XIV, XV) содержат много расхождений и неточностей. Расхождения эти имеют разный характер: одни обнаруживают разную диалектную основу, другие — чисто графические особенности.

Стремясь восстановить по этим несовершенным копиям подлинный первоначальный текст памятников, филологи XIX века в изданиях всех памятников применяют единую систему графики и строгие правила орфографии. Последние были созданы в первой половине XIX века Карлом Лахманном на основе реконструированного им состава звуков (фонем) средневерхненемецкого языка. Реконструкция эта, базирующаяся на сравнительно-исторических данных, а также на изучении закономерностей стихотворного языка, в частности рифм, не считая некоторых деталей, должна быть признана правильной и в наши дни. Правда, эта система отнюдь не свидетельствует о наличии постулированного Лахманном и его последователями единого литературного языка в эпоху XII—XIII веков, а лишь отражает принципиальное сходство фонетических систем диалектов этой эпохи. Картина, которая предстает перед нами в критических изданиях лахманновской школы, весьма далека от реальной пестроты, которую мы имеем в рукописях и которая является следствием не только беспорядочности средневековой графики, но и разнообразия реализации фонем и их дистрибуции в словах в различных диалектах того времени.

В этих изданиях читателям предлагается строго нормализованная орфография, тогда как писцам средневерхненемецкого периода сама идея орфографии была так же чужда, как и их предшественникам (см. § 21). Дублетные написания, такие, как, например, suͦze, suȝe, suze; iǒh, iǒhc, iouhc и т. п., которые, несомненно, не имеют никаких фонетических оснований (т. е. за ними не кроется различия в произношении), нередко встречаются в одной и той же рукописи.

§ 84. Графическая система средневерхненемецкого языка, т. е. правила, по которым использовались буквы алфавита для обозначения фонем и их сочетаний, характеризуется по старым рукописям следующими чертами[1].

1. Долгие гласные большей частью не отличаются на письме от кратких. Лишь в меньшей части памятников они, как и в древневерхненемецком, обозначаются при помощи знаков циркумфлекса или акута над соответствующими гласными буквами. Удвоение букв, встречающееся в древневерхненемецком, в средневерхненемецких рукописях не применяется.

2. Нет последовательного различения умлаутированных и неумлаутированных гласных. Так, для новых фонем, возникших в результате расщепления краткого **a** (так называемый секундарный умлаут) и долгого **â** (см. § 88), встречаются наряду с **a** также следующие буквы: **aͤ**, **æ**, **eͣ**, **ä** и сочетание **ae**. Кроме того, эти фонемы могут передаваться также буквами **e**, **ȩ**, **ȩͣ**, **ê**, которые в основном служат для обозначения фонем **ë**, **e**, **ê**.

3. Для гласных, которые по нормализованной графике пишутся через **ö**, **œ** (умлаут от краткого **o** и долгого **ô**), писцы большей частью пользовались буквами **o**, реже **ô**, а также специальными буквами: **oͥ**, **oͤ**, **œ** и сочетанием **oe**.

---

[1] Для лучшей обозримости пестрой картины старых рукописей удобно исходить из нормализованной графики, используемой в критических изданиях. В них буквы **a, e, i, o, u, ä, ö, ü** служат для обозначения кратких гласных; буквы **â, ê, î, ô, û, æ, œ, iu**—для соответствующих долгих. Дифтонги обозначаются сочетаниями **ei, ou, öu, ie, uo, üe**. Согласные — буквами **b, c, d, f, g, h, j, k, l, m, n, p, r, s, t, v, w, z, ȝ**.

4. Вместо принятых в нормализованной графике буквы **ü** и сочетания **iu** (умлаут от **u** краткого и **û** долгого) в рукописях употребляются **u (v)**, редко **û (v̂)** или $\overset{i}{\mathbf{u}}$($\overset{i}{\mathbf{v}}$), **ú (v́)**; последние буквы — большей частью для долгого гласного.

5. Многочисленны и разнообразны обозначения дифтонгов. Нормализованному написанию **ei** в рукописях соответствуют **ei, ai, æi,** $\overset{e}{\mathbf{a}}$**i**, **äi,** $\overset{e}{\mathbf{a}}$**i**, $\overset{a}{\mathbf{e}}$**i**, $\overset{e}{\mathbf{i}}$; нормализованному **ou** соответствуют **ou(ov),** $\overset{v}{\mathbf{o}}$, $\overset{o}{\mathbf{v}}$, **au (av),** $\overset{o}{\mathbf{a}}$**u**, $\overset{a}{\mathbf{o}}$**u**; нормализованному **öu** — кроме тех же знаков, что и для **ou**, еще и **eu(ev),** $\overset{e}{\mathbf{o}}$**u** ($\overset{e}{\mathbf{o}}$**v**), **oi,** $\overset{e}{\mathbf{o}}$**i**, **öi**; нормализованным **uo, üe** — **uo (vo),** $\overset{o}{\mathbf{u}}$($\overset{o}{\mathbf{v}}$), **ue,** $\overset{e}{\mathbf{u}}$, $\overset{e}{\mathbf{u}}$**e**; для **üe** встречаются, кроме того, **u**$\overset{e}{\mathbf{o}}$, $\overset{e}{\mathbf{u}}$**i**, $\overset{v}{\mathbf{o}}$**i** и некоторые другие. Единообразно в рукописях обозначение дифтонга **ie**.

Что касается согласных букв, то они употребляются точно так же, как и в древневерхненемецкой письменности.

2. ИЗМЕНЕНИЕ СОСТАВА И СИСТЕМЫ ФОНЕМ

А. Гласные фонемы

§ 85. В средневерхненемецкий период происходит значительное обогащение фонемного состава языка. Появление новых фонем имеет место прежде всего в системе гласных в связи с развитием умлаута, о котором говорилось выше в § 58 и сл. В древневерхненемецком языке процесс модификации фонем **a, o, u, â, ô, û, ou, uo** под ассимилирующим воздействием **i (î)** в последующем слоге и долгих палатализованных согласных привел в конечном счете к выделению новой фонемы **e** (закрытое **e** рядом со старым **ё** открытым)[1]. В средневерхненемецкий период расщеплению подвергаются все задние гласные, находившиеся в указанной позиции. Передние и задние варианты их превращаются в самостоятельные

---

[1] Передний вариант фонемы **û**, а именно [y:], не образовал, как показано в § 62, новой фонемы, совпав с уже имевшимся /y:/, которое возникло из старого дифтонга **iu**.

фонемы, противопоставленные друг другу: /ɔ/ — /œ/; /ʊ/ — /Y/; /a:/ — /ɛ:/; /o:/ — /ø:/. Кроме того, „широкий" вариант фонемы **a** (см. § 61) выделяется в самостоятельную фонему /ɛ/ — широкое **e**. В древневерхненемецком он появлялся в случае, если в исходе корня были сочетания согласных **ht, hs, lw, rw** (т. е. в словах типа mahti) или в корне трехсложных слов типа magadi, и оставался в пределах фонемы **a**.

Превращение позиционных вариантов в самостоятельные фонемы происходит при нейтрализации гласных неударенных слогов, которая разворачивается в полном объеме в средневерхненемецком языке (см. § 97). В результате нейтрализации в неударных слогах мы находим один и тот же гласный **e**; разнообразие гласных окончаний исчезает, а вместе с ним исчезает и различие позиций, вызывавшее к жизни передний или задний вариант обсуждаемых фонем.

Сравним, например:

древн.		срвн.
G. Sg. sunes 'Sohnes'	задний вариант	sunes фонема /ʊ/
N. Pl. suni	передний вариант перед **i**	süne фонема /Y/
G. Sg. lohes 'Loches'	задний вариант	loches фонема /ɔ/
N. Pl. lohir	передний вариант перед **i**	löcher фонема /œ/
Prät. Ind. sâhun 'sahen'	задний вариант	sâhen фонема /a:/
Prät. Konj. sâhîn —	передний вариант перед **i**	sæhen фонема /ɛ:/

Как видно из сопоставления, различные конечные не нейтрализованные гласные, обусловившие появление то одного, то другого оттенка фонемы в корне древневерхненемецких слов, уступили место в средневерхненемецком нейтрализованному **e**. Различные варианты корневых гласных фонем, оказавшись в одинаковой фонетической позиции, обособляются в самостоятельные фонемы.

§ 86. Эти фонемы стали выполнять в ряде случаев морфологическую функцию, которая прежде в большей мере падала на четко отличающиеся друг от друга окончания. Так, например, в древневерхненемецком wurme

окончание **е** сигнализировало о том, что это форма дательного падежа единственного числа, а в wurmi окончание **i** выражало именительный и винительный падежи множественного числа. Несомненно, конечно, и различие корневых гласных, представлявших разные варианты фонемы **u**, в свою очередь участвовало в выражении данного грамматического противопоставления (дат. ед. — им. и вин. множ.), однако „грамматическая нагрузка" распределялась между корнем и флексией, по-видимому, так, что ведущую роль играла флексия. Лишь после того как различавшиеся окончания совпали в нейтральном **е**, смыслоразличительная нагрузка перешла целиком к корневой фонеме, ср. срвн. wurme D. Sg. и würme N. A. Pl. Другим примером могут служить однокоренные прилагательные и наречия типа дрвн. spâti Adj. — spâto Adv., skôni Adj. — skôno Adv., обладавшие различными словообразующими морфемами **i** и **o**. В средневерхненемецком языке мы имеем в обоих случаях конечное **е**, дифференциация смысла падает на огласовку корня, ср. spæte Adj. — spâte Adv., schœne Adj. — schône Adv. Приведем, наконец, еще пример противопоставления индикатива конъюнктиву в сильном глаголе; в древневерхненемецком это противопоставление в основном выражают гласные окончания, ср. gruobun 3.P.Pl.Prät.Ind. — gruobîn 3.P.Pl.Prät.Konj.; в средневерхненемецком — противопоставление разных фонем корня ср. gruoben — grüeben.

Во всех этих случаях обособление самостоятельных фонем из несамостоятельных, позиционно обусловленных вариантов неразрывно связано с потребностями грамматического строя. Изменение фонетических условий, в которых функционировала фонема (в своих вариантах), повлияло на характер самых разнообразных грамматических противопоставлений (разные падежи и числа, разные наклонения, разные части речи) и вызвало к жизни новый способ их реализации.

§ 87. В предыдущих параграфах был рассмотрен случай фонемизации вариантов фонем в положении перед **i** последующего слога. Обособились эти передние варианты и в тех случаях, когда они стояли не перед **i**, а перед палатализованными согласными, ср., напр. дрвн. hullen — срвн. hüllen, дрвн. hôren (hôrren) — срвн. hœren, дрвн. wânen — срвн. wænen 'wähnen, glauben' (глаголы на

*-jan); дрвн. hutte — срвн. hütte, дрвн. rôre (rôrre) — срвн. rœre 'Röhre' (имена на *-jô).

В этой группе слов выделение новых фонем было обусловлено не нейтрализацией заударных гласных, поскольку в этих случаях передний вариант вообще не зависел от гласных окончаний. Так, например, в различных формах древневерхненемецкого глагола hullen: hullu 1.P.Sg.Präs., hullent 3.P.Pl.Präs., gihullit Part. II, выступал один и тот же вариант гласного, независимо от вариаций заударного слога, ср. умлаут в срвн. hülle, hüllent, gehüllet. Аналогичное явление мы имеем в имени типа дрвн. hutte, которое выступало с IX века преимущественно в виде hutta (по аналогии с основами на ô типа zala 'Zahl') и в косвенных падежах имело различные гласные в окончаниях: huttu D.Sg., huttôno G. Pl.

Причину фонологизации рассматриваемых вариантов гласных следует поэтому искать в чем-то ином. Наиболее естественно допустить, что к средневерхненемецкому периоду долгие палатализованные согласные утратили эту свою особенность и фонетически совпали с непалатализованными. Тогда передние варианты гласных оказались в том же фонетическом положении, что и задние, а это привело к фонологическому противопоставлению их как разных фонем.

Сравним, например:

дрвн.		срвн.
giwunnan	задний вариант перед непалатализованным	gewunnen фонема /ʊ/
brunne	передний вариант перед палатализованным (осн. на *jô)	brünne фонема /Y/

§ 88. Графика рукописей средневерхненемецкого периода, как указывалось в § 84, далеко не во всех случаях отражает произошедший умлаут, называемый в германистике секундарным. Очень часто новые фонемы обозначаются так же, как те, от которых они обособились, напр. умлаут от долгого **â** : gesmahet (J. Tit. 23), watlîch 'herrlich' (Nib. A 383); умлаут от **a** в трехсложном слове: satele (Nib. A 202); умлаут от краткого **u** : hubisch 'hübsch' (Alex. 3652); умлаут от долгого **ô** : hohe 'Höhe' (J. Tit. I), hort 'gehört' 3. P. Sg. Präs. (J.Tit.60); умлаут от **uo** : fuͦze

'Füße' (Nib.A 439). Таких написаний очень много, больше чем с графически выраженным умлаутом. Однако, по-видимому, и в словах с графически необозначаемым умлаутом постоянно следует иметь в виду новую фонему. Это подтверждается следующими соображениями. Прежде всего в целом ряде случаев умлаут все же обозначен. Так, рядом с вышеприведенным gesmahet в том же памятнике „Jüngerer Titurel" и в той же его рукописи, только в строфе 74, мы видим gesmæhet. В рукописи „A" Песни о Нибелунгах наряду с horen (93) имеется hoͤren (157); рядом с vroͮdelos (932) и др. freude (33) и др., froͤdehaft (2143)[1]. Появление специальных графем для обозначения (хотя и непоследовательного) умлаутированных фонем позволяет предполагать наличие этих последних и в случае другого графического обозначения[2] (см. § 25).

О наличии умлаута позволяет часто судить и рифма. Если, например, претерит конъюнктива от глагола sîn (wære) рифмует с sêre, êre, то независимо от его написания через **æ** или **a** (wære или ware) можно будет утверждать, что корневой гласный уже не включается в орбиту фонемы **a**. Если существительные с основой на ***-jô** и глаголы на ***-jan** рифмуют только между собой, ср. напр. abgründe: urkünde Subst.; sünde Subst.: künde Subst.; künden Inf.: sünden Subst.; и не рифмуют со словами, где нельзя предположить переднего варианта гласного, напр. munde, gefunden, то безразлично, как пишутся эти слова с основой на ***j**, напр. sunde или sünde. В них все равно надо предположить наличие новой лабиализованной фонемы переднего ряда.

Наречие schone систематически рифмуется с krone (ср. J.Tit.604, 609, 877, 975 и др.), с trone (ср. J. Tit. 542), с Babilone (ср. J.Tit.835) или Pharaone (ср. J.Tit. 76), т. е. со словами, где для умлаута не было никаких

---

[1] Примеры (Nib.) взяты из статьи C. Corves, Studien über die Nibelungenhandschrift A, Z. f. dt. Phil., Bd. 41, Heft 3—4, 1909.

[2] Так, например, издатель памятника „Jüngerer Titurel" Вернер Вольф всюду дает написание **oͤ**, даже если в рукописи умлаутированное долгое **œ** изображено просто как **o**, ср. Deutsche Texte des Mittelalters, hsg. von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, Band XLV, Berlin 1955.

оснований; напротив, прилагательное того же корня рифмуется, например, с формой конъюнктива глагола на *-jan: hoͤne (ср. J. Tit. 962) или с именем существительным на *-ja: gedoͤne (ср. J. Tit. 406), т. е. со словами, где есть все основания для умлаута. Из этого обстоятельства можно сделать вывод, что в прилагательном мы имеем œ, а в наречии ô, независимо от того, что пишутся эти два слова часто одинаково: schone.

§ 89. Расщепление вследствие умлаута отдельных гласных фонем выглядит следующим образом.

В результате секундарного умлаута в средневерхненемецком насчитывается пять фонем **e**, а именно: старое краткое открытое германское **ë**, краткое **e**, возникшее после примарного умлаута, более узкая фонема (ср. § 34), очень открытое краткое **ä**, возникшее из **a** по секундарному умлауту, далее старое долгое **ê** (ср. § 39) и очень открытое долгое **æ** из **â** по секундарному умлауту. Реальная графика нечетко противопоставляет эти фонемы друг другу. Знаки, которыми здесь обозначены пять средневековых **e (ë, e, ä, ê** и **æ)**, приняты в нормализованной графике изданий средневерхненемецких памятников.

В рукописях средневерхненемецкого периода **ë** и **e** графически, как правило, также мало различаются, как и в древневерхненемецком: в обоих случаях пишут **e**. Характерно, однако, написание **ei** для умлаутированного **e** в различных памятниках, ср. напр. beiste (Elis. 6474), eidel (H. U. I. 578), einkil (H. U. III. 317), а также через **i**, напр. hirstrasze (H. U. III. 209), verbrinnen (Orend. 1569), рифмующее с innen и т. п. Такие написания ясно свидетельствуют в пользу узкого характера **e** примарного умлаута. Различие обсуждаемых фонем ясно выражается и в том, что слова с разными **e** не рифмуются у точно рифмующих поэтов. Так, на сотни примеров рифмования **ë** : **ë** и **e** : **e** типа: vëlt 'Feld' : gëlt, wël : snël, dëgen: pflëgen, her 'Heer': mer 'Meer' практически нет случаев рифмования слов с **ë** и **e**.

Правда, в южных памятниках мы встречаем рифмы **ë** и **e** при последующем смычном, напр. grebet: lëbet (Krone 4971), edel: sëdel (Mai u. Beaflor 238, 9), erwegen: pflëgen (53, 23) и др.; stete постоянно рифмует с bëte,

trëten. По-видимому, в этой позиции оба e не различались на баварско-австрийской территории[1].

Секундарный умлаут от a — широкое ä — тоже, как правило, пишется через e, хотя встречаются и написания $\overset{e}{a}$, ae и др. Отличие этого широкого звука от ë среднего раскрытия выступает во всяком случае на баварско-австрийской территории, где слова, содержащие разные e типа geslähte и rëhte или wälde и vëlde не рифмуются. Как видно из этих же примеров, они появляются в совершенно одинаковой позиции и, следовательно, фонологически противопоставляются. Напротив, на центрально-немецкой территории такие рифмы вполне возможны, ср. у Гуго фон Тримберга: phärt: swërt (Renner 2442 и др.), gebrähte: rëhte (2252): knëhte (5535) и др., по-видимому, потому, что ä и ë совпадают друг с другом.

Некоторые современные южные диалекты отчетливо сохранили различие трех кратких e средневековья[2].

Долгое ê тоже часто обозначается в памятниках как e, без всякого значка долготы. По своему произношению оно сравнительно открытого характера на баварско-австрийской территории, что доказывается частыми рифмами слов с ê и ë, которое было средним по открытости, а не узким, ср. mêr 'mehr': hër Adv. (Nib. 421). Напротив, в центрально-немецкой и алеманской областях возможны только рифмы со словами, содержащими e, напр. у Гуго фон Тримберга: mêr 'mehr', êre, lêre, sêre рифмуют с her 'Heer' (Renner 2865, 2870, 4765 и др.), с mer 'Meer' (6883, 7364, 8230) и т. п. Следовательно, ê здесь было закрытым.

Умлаут от долгого â постоянно имеет обозначение через лигатуру æ, однако возможна и графема e. Специально применяемый для этой фонемы графический знак уже говорит о фонологическом противопоставлении долгому ê (ср. § 82); æ имеет, по-видимому, очень широкий характер в диалектах баварско-австрийской области. Слова, его содержащие, никогда не рифмуют ни со средним ë ни с закрытым e. В южных диалектах до сих пор сохранилось различение двух разных по происхождению долгих e, ср. /ʃne:/ и /kɛ:s/ 'Käse'.

---

[1] K. Zwierzina. Mittelhochdeutsche Studien, 8, Zeitschr. f. dt. Altertum, 44, Berlin 1900.

[2] Ср. В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М., 1956, стр. 227 сл.

Напротив, в центрально-немецких и в алеманском диалектах **æ**, по-видимому, среднего подъема, так как в памятниках этих наречий мы встречаем только рифмование **æ** с ё, ср. у Гуго фон Тримберга: wære, lære 'leer', swære рифмуют с ër (Renner 2620, 5437, 8030, 8757, 9045 и др.), с dër (1095, 7722, 8010 и др.); smæhen, dræhen рифмуют с jëhen, sëhen.

Таким образом, наличие пяти **e** можно констатировать в средневерхненемецком лишь в баварско-австрийских диалектах. В них ясно различаются три кратких **ё, е, ä;** первому и последнему противопоставляются долгие **ê, æ.**

На центрально-немецкой территории и в алеманском всего четыре **е,** из них два кратких **ё, е,** которым противополагаются два долгих **æ, ê.**

Умлаут от краткого **о** обозначается почти сплошь как **о,** в отдельных случаях как **oͥ, oͤ,** напр. chnoͤpfe (Nib. A 464), Goͤtelinde (1099), и встречается вообще очень редко, что становится понятным, если учесть, что исторически **о** появлялось по правилу преломления только перед широкими гласными флексий **a, e, o** (ср. § 36). Таким образом, умлаут мог появиться лишь с развитием словообразования перед некоторыми суффиксами, когда правило преломления уже перестало действовать, ср. hörnel (первоначально суффикс звучал **-il**), körnlîn, или с развитием словоизменения, при присоединении формообразующих суффиксов числа, ср. löcher (первоначально окончание звучало **-ir**), örter и т. п.

Умлаут от **u** обозначается чаще всего как **u**, кроме того, встречаются **uͥ, uͤ, iu, vi, y,** напр. beduͤrfen (Nib. A. 1232), pruͤnhilt (Nib. Klage A. 2624).

Умлаутированное **ô** наряду с **о** часто пишется как **oe, oͤ, oi, oͥ,** ср. напр. hoͤren (Nib. A. 157), troͤsten (2110) и др.

Для обозначения умлаутированного долгого **û** уже в древневерхненемецком постоянно употреблялся знак **iu**, поскольку эта фонема совпала по произношению с древним дифтонгом (см. § 44). Однако в средневерхненемецких рукописях наряду с частым появлением **iu** можно увидеть отдельные случаи необозначенного умлаута, напр. trutinne 'Geliebte' (Nib. A. 866, 937 и др.), а также **uͥ,**

т. е. знак, применяемый для умлаута от краткого **u**, ср. huͥser, muͥse ‘Mäuse’[1].

Умлаут от дифтонга **uo** тоже нередко остается без обозначения, совпадая тем самым с **uo**, ср. chuͦne ‘kühn’ (Nib.A.2044), bruͦder Pl. (170). В некоторых рукописях проводится строгое разграничение **uo** и **üe**; так, это имеет место в практике Люцернской канцелярии[2]. Графемы для написания умлаутированного дифтонга очень пестры: **ue, uͤe, uoͤ, uͤͤo, uͤ, uͦi, iuͦ, oͧi, uͦei** и др. Дифтонг **ou** с умлаутом обозначается и как **ou**, и как **eu, oͤu, oi, oͤi, öi, oͤ**, ср. freude (Nib. A.33), heubet (H. U.I. 687), froͤde (Nib. A. 541)[3].

§ 90. В ряде случаев в средневерхненемецком нет умлаутированных фонем в словах, где наличествовали в свое время условия, вызывавшие модификацию фонемы.

Это касается в основном **u, uo** и **ou**, а также и **â, ô, û**.

Особенно обильно регистрируются такие случаи на юге. Условия, при которых это случается, могут быть, по-видимому, разными: с одной стороны, играет роль исходный согласный или группа согласных корня, при которых, очевидно, ассимилятивное воздействие последующего **i** или палатализованного согласного было иным, чем в прочих случаях, и возникающий вариант оставался в пределах корневой фонемы.

Так, исследователи[4] отмечают, что в южнонемецких диалектах такое влияние оказывали на **u** носовые согласные + другой согласный; плавные + другой согласный,

---

[1] См. V. Michels. Mittelhochdeutsches Elementarbuch, Heidelberg 1912.

[2] Там же.

[3] Умлаут от дифтонга **iu**, восстанавливаемый на основании фактов современных диалектов (ср. В. М. Жирмунский. Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии, Сб. „Академику В. В. Виноградову к его 60-летию“, М., 1956, стр. 142 сл.), очень трудно прослеживается в средневерхненемецком и поэтому здесь не освещается.

[4] См. грамматику V. Michels, а также K. Weinhold. Mittelhochdeutsche Grammatik, Paderborn 1883.

tz, st, g, иногда **ck.** Примерами могут служить: umbe 'um' (< umbi), jungeste (< jungisto), guldîn 'golden', antwurte 'Gegenwart' G. D. Sg. (< antwurti), lugen 'Lüge' (< lugina), nutze 'nützlich' и др. Доказательством здесь, конечно, являются не написания, которые не могут свидетельствовать ни за, ни против умлаута, а рифмование данных слов с такими, где заведомо гласный корня выступает без умлаута, напр. hungern: jungern (MSH 3.89b), kuste[1]: bruste 'Brüste' (Orend. 2472); ô не умлаутируется на широкой территории перед **n** и другими зубными. Многие поэты рифмуют schone 'schön' Adj. (< skôni): krone, встречаются рифмы horen (глаг. на ***-jan**): oren (Tundal. 64. 6), groȝe 'groß' Adv.: gestoȝe 'Stoßen, Streit' (< gistôzi).

Умлаут от **û, uo** в глаголах на ***-jan** отсутствовал по всей территории перед **ch**, ср. suochen, fluochen, brûchen 'brauchen', в южных диалектах и перед губными, ср., напр. rûmen 'räumen', sûmen 'säumen', wuofen 'weinen'. Отсутствие умлаута доказывается рифмами и в других случаях, напр. guote 'Güte' (< guotî): bluote (Wigal. 158. 12), fruoge 'trüge' (< truogi): kluoge (J. Tit. 1650); **ou** в самых различных диалектах не испытывает умлаута при исходе корня на губной, ср., напр. houbet (< houbit), gelouben, koufen, toufen (все глаголы на ***-jan**).

Редко в текстах центрально-немецких диалектов в этих случаях можно обнаружить умлаут, напр. geleuven 'glauben' (Lacombl. III. 384). Отметим, что в этих случаях и в части предшествующих и в новонемецком отсутствует умлаут.

Кроме описанных условий, в которых не обнаруживаются умлаутированные фонемы, следует указать и на то, что умлаут отсутствует иногда в определенных, морфологически обусловленных позициях. Так, умлаут от долгого **â**, который вообще повсеместно проходит с большой последовательностью, не имеет места, как правило, в спряжении сильного глагола VII ряда во 2-м и 3-м л. настоящего времени, которое прежде характеризовалось окончаниями **-is, -it**, ср. râtest, râtet, slâfest, slâfet и др.

---

[1] Kuste 'küsste' — претерит от küssen в срвн. имел так называемый рюкумлаут, т. е. не обнаруживал умлаута в связи с ранним выпадением соединительной гласной **i.**

То же самое обнаруживается в конъюнктиве претерита сильных глаголов, в котором суффикс **-i-** должен был бы вызвать умлаут[1]. Так, у Рудольфа фон Эмса при последовательном умлаутировании перед **n** + согласный (это доказывается тем, что, например, основы на ***-j** рифмуют только друг с другом, ср. abgründe : sünde — B. 51,31) формы конъюнктива появляются с неумлаутированным **u**, ср. рифмы Эмса: twunge 'zwingen' 3. P. Sg. Konj. Prät.: wandelunge (B. 2519). В последнем слове нет условий для умлаута, суффикс **-unge** звучал раньше **-unga**. Другим примером может служить funden Pl. Prät. Konj.: kunden Pl. Prät. Indik. Такие рифмы, последовательно встречающиеся у точно рифмующего Эмса, могут считаться доказательными.

Приведенные примеры показывают, что мы имеем тут дело не столько с фонетическим, сколько с фономорфологическим явлением. Отсутствие умлаута здесь диктуется не определенной фонетической позицией, а принадлежностью к тому или иному морфологическому разряду форм.

§ 91. В предыдущих параграфах рассматривались процессы, приведшие к увеличению состава фонем. Наряду с этим в средневерхненемецком намечается и обратный процесс, результатом которого было сокращение числа фонем в немецком языке. Мы имеем в виду то, что с полным правом называется монофтонгизацией дифтонгов (**ie, uo, üe > i:, u:, y:**).

Судить об этом процессе можно в первую очередь по графике. В ряде центрально-немецких памятников в словах, содержащих этимологическое сочетание **ie**, оно пишется и как **ie** и как **i**, напр. ginc наряду с gienc, hilt наряду с hielt, rit наряду с riet, причем иногда написание через **i** даже преобладает. Засвидетельствованы и такие случаи, когда в словах с этимологическим **î** пишется **ie** (напр. wiep, liep вместо wîp, lîp), что также может быть объяснено только их фонетическим совпадением. Графический же разнобой является следствием традиции. Если

[1] Большой материал по этому вопросу см. у H. Jilek. Der Umlaut von **u** in den Reimen der bayrisch-österreichischen Dichter der mittelhochdeutschen Blütezeit, 1927 (Prager deutsche Studien, Heft 41).

писец произносит, например, так же как и другие носители его диалекта, слова со старым дифтонгом и со старым монофтонгом одинаково, а из старых или инодиалектных рукописей ему известны два написания, то он, естественно, может применить оба эти написания независимо от этимологии соответствующего слова; например, писать lîp или liep и вместо старого lîp 'Leib' и вместо старого liep 'lieb'. Аналогичное можно сказать и об **uo**, переходящем в **û**. Здесь встречаются и написания через **uo**, **ů** и через **u**, напр. stunt наряду со stuont, stůnt 'stand', schûf наряду с schuof, schůf. Зарегистрированы и написания **ů** вместо этимологического **û**, напр. ůʒ 'aus', salzsůl 'Salzsäule' вместо ûʒ, salzsûl.

Судить о положении с **üe** по данным графики труднее вследствие того, что оно графически большей частью не отличается от **uo**.

Вторым свидетельством монофтонгизации служит то, что этимологические дифтонги рифмуются с соответствующими простыми гласными. Примерами таких рифм могут служить: jungelingen : gingen (< giengen) (Alex. 2199); hilt (hielt) : schilt (Fritzlar. 5160); erstunt (< erstuont) : gesunt (Marien Himmelfahrt); nu 'nun' : fruo 'früh' (528); liute 'Leute' : hüete 'hüte' (Stricker. Dan. 5591).

Фонологически указанный процесс следует, по-видимому, осмыслить так, что, во всяком случае в центрально-немецкой области, дифтонги **ie**, **uo** и, вероятно, **üe** оказывались фонетически близкими соответственным долгим **î**, **û**, **iu** и выступали вместе с ними в качестве факультативных вариантов одной фонемы. Этот процесс завершился уже к нововерхненемецкому периоду (смотри § 118).

§ 92. Исходя из состава фонем древневерхненемецкого периода и учитывая рассмотренные в предыдущих параграфах изменения его, можно представить состав гласных фонем в средневерхненемецкую эпоху в следующей таблице.

Из таблицы видно, что, наряду с чертами сходства, система противопоставлений средневерхненемецкого языка обнаруживает существенные изменения по сравнению с древневерхненемецким.

Дифтонги обособляются от монофтонгов на том же основании, что и в древневерхненемецком (см. § 46). Для

Таблица 5

	Передние				Задние	
	Лабиализованные		Нелабиализованные			
	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие
Монофтонги	ü	iu	i	î	u	û
	ö	oe	e	ê **	o	ô
			ë			
			ä*	æ	a	â
Дифтонги	(üe)*** öu		(ie)*** ei		(uo)*** ou	

* Только в баварско-австрийской группе диалектов.

** Знак ...... показывает соотнесенность краткого и долгого только в баварско-австрийской группе диалектов; знак ...... показывает соотнесенность краткого и долгого в центрально-немецких и алеманском диалектах.

*** Скобки обозначают переход этих дифтонгов в факультативные варианты долгих **î, û, iu.**

монофтонгов основной оппозицией продолжает оставаться оппозиция кратких и долгих с нарушением симметрии в некоторых диалектах в виде трех кратких **е**, противопоставленных двум долгим.

В связи с возникновением нового ряда передних лабиализованных фонем возникают и новые противопоставления, затрагивающие в одинаковой степени как монофтонги, так и дифтонги. Передние лабиализованные фонемы противополагаются, с одной стороны, передним нелабиализованным, а с другой стороны — задним. Основанием последней оппозиции служит то, что они находятся в коррелятивной связи при чередовании по умлауту (см. § 110), нелабиализованные же передние противопоставляются

другим группам тем, что не образуют с ними коррелятивных рядов.

Противоположение по подъему „верхних“ (**i**, **î**, **u**, **û**) и „неверхних“ (остальные гласные), отмеченное нами для древневерхненемецкого языка в § 46, в средневерхненемецкий период теряет свое основание. Этим основанием было то, что „верхние“ гласные, находясь в окончании, обусловливали узкие гласные в корне, „неверхние“ гласные обусловливали в корне широкие гласные. Такой обусловленности в средневерхненемецком обнаружить нельзя, поскольку гласные в окончании нейтрализованы.

Б. Согласные фонемы

§ 93. Состав согласных в средневерхненемецкий период в отличие от состава гласных претерпевает незначительное изменение по сравнению с древневерхненемецким. Оно заключается в обогащении фонемой /ʃ/, возникающей из сочетания **sk** > **sx**, ср. дрвн. skalk 'Diener', skif, skouwon 'schauen', skrîen 'schreien' — срвн. schalk, schif, schouwen, schrîen; дрвн. waskan, misken, wunsken — срвн. waschen, mischen, wünschen; дрвн. fisk, fleisk, wuosk 'wusch' — срвн. fisch, fleisch, wuosch.

Написание новой фонемы /ʃ/ не единообразно. Встречается и старое обозначение **sc**, особенно часто в XII веке; постепенно оно становится архаизмом, как нормальное написание выступает **sch**. Так, в Arnsteiner Marienleich (сер. XII века) **sch** уже превалирует над **sc**, в Kölner Sachsenspiegel (1297 г.) мы видим лишь единичные случаи **sc**[1], в рукописи „А“ Песни о Нибелунгах (XIII век) **sc** встречается несколько раз у одного из писцов, напр. scarf, sciet 'schied'[2]. Более редкими написаниями являются **sg**, **sh**, напр. bisgof, forsgent; shande, shilt.

Вытеснение старого графического обозначения (**sk**, **sc**) новым **sch** может рассматриваться как свидетельство каких-то изменений в фонетическом характере обозначаемых

---

[1] K. W e i n h o l d. Mittelhochdeutsche Grammatik, Paderborn 1883, S. 204.

[2] C. C o r v e s. Studien über die Nibelungenhandschrift A., Z. f. dt. Phil., Bd. 41, Heft 3, 1909, S. 314.

им фонетических явлений, но не говорит еще о том, что произошло превращение сочетания в единый согласный.

Доказательством же того, что такой процесс имел место, является сильное распространение с XII века написания **s**, **ss** вместо **sc**, т. е. изображение сочетания в виде единого звука, ср., напр. gesach 'geschah', satz 'Schatz', sepfen 'schöpfen', srîben 'schreiben', hovis 'höfisch', mennis 'Mensch', zwissen 'zwischen', dressen 'dreschen'.

Другое не менее важное доказательство представляют заимствования из немецкого и в немецкий. Немецкие слова с **sch**, попавшие в то время в славянские языки, имеют в этих последних [ʃ], и, наоборот, славянские слова с [ʃ] получали в немецком написание **sch**.

Таким образом, развитие сочетания **sk** в согласный в рассматриваемый период не подлежит сомнению. С фонологической же точки зрения также имеются достаточные основания для того, чтобы этот возникший из сочетания однородный согласный (по-видимому, долгий, см. ниже) признать за одну фонему. Бифонемному восприятию такого согласного, так же как и предшествовавшего ему сочетания **sk**, препятствовало то, что внутри него никогда не проходила граница морфем. Вместе с тем употребление **sk**, а за ним [ʃ] было с древних времен высоко частотным.

Датировка перехода **sk** в [ʃ] является вопросом спорным. Одни, например В. Брауне в своей „Древневерхненемецкой грамматике", основываясь в основном на графике, относят его к XII веку. Г. Безеке мотивирует аналогичное утверждение тем, что до 1100 г. словенское š изображалось в рукописях Кернтской области как **s**, **ss** („шепелявое" s!), а не как **sc**, **sch**[1]. Лессиак указывает, что в кернтских памятниках лишь к середине XII века встречаются отдельные случаи написания **sc**, **sch** для словенского š, и лишь к 1200 г. они становятся более частыми[2].

Другие, как, например, Г. Пауль в „Средневерхненемецкой грамматике", склоняются к более ранней дати-

---

[1] G. Baesecke. Einführung in das Althochdeutsche, München 1918, S. 114.

[2] P. Lessiak. Altbairische Grammatik von J. Schatz, Anz. f. dt. Altertum, 32, Beil. 1908, S. 133.

ровке, к XI веку. А. Майер, на которого ссылается и Г. Пауль, аргументирует это тем, что немецкое scherge, заимствованное в чешский до 1100 г., получило там форму šerha, а не škerha[1]. Ф. Клуге отодвигает этот процесс еще дальше, в X век[2].

Следует указать, что датировка на основе заимствованных слов сталкивается с той трудностью, что определение точного срока заимствования тоже требует своих доказательств. Более убедительной представляется поэтому первая точка зрения, поскольку она основывается на учете графики и тех или иных способов написания иностранных слов, содержащих фонему /ʃ/, в немецких текстах.

§ 94. Путь, по которому **sk** перешло к фонеме /ʃ/, также является предметом спора. Наряду с общераспространенным взглядом, что смычное **k** путем ассимиляции к предшествующему щелевому дало щелевой [x], а затем сочетание [sx] перешло в двухфокусный шипящий звук[3], существует и мнение, защищаемое, например, И. Шатцем, что сначала s перед **k** превратился в /ʃ/ (видимо, благодаря своему искони „шепелявому" характеру), а затем „задненёбная смычка была утрачена"[4]. Эту идею поддерживает и Лессиак, приводя в качестве доказательства то, что в словенских заимствованиях из немецкого древнейший их слой имеет **sk** (напр. skedenj 'сарай' из skūdiñ < дрвн. scugin), следующий — **šk** (напр. škrba 'зазубрина' из дрвн. scarba), третий — š; промежуточная же ступень **sx**, которая была бы естественной, если бы **sk** переходило в **sx** и затем в /ʃ/, отсутствует, хотя в словенском есть свое **sx** (на письме **sh**)[5].

При решении этого вопроса полезно учесть то обстоятельство, что **sk** в немецком языке представляло собой фонологически неделимое единое сочетание. Морфемная

---

[1] A. Mayer. Zum Alter des Übergangs von **sk** zu š, PBB, Bd. 53, Heft 2, 1929, S. 287.

[2] F. Kluge. Deutsche Sprachgeschichte, Leipzig 1920, S. 270.

[3] Ср., напр. W. Wilmanns. Deutsche Grammatik, Straßburg 1911, Bd. I, S. 79; W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 146; В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 139 и др.

[4] J. Schatz. Altbairische Grammatik, Göttingen 1907, S. 83.

[5] P. Lessiak. Ук. соч., стр. 133.

граница слов не проходит так, чтобы разделить это сочетание, оно всегда, в любой позиции относится к одной из морфем.

При рассмотрении пути развития **sk** в /ʃ/ нельзя оставлять без внимания и судьбу старого **s** в целом. Можно считать доказанным, что оно отличалось шепелявым характером. Легко допустить при этом, что эта его особенность выступала наиболее ярко в сочетаниях с другими согласными. Такое допущение основывается на том, что, по крайней мере, в начале слова в современном языке на месте такого **s** стоит /ʃ/ (см. § 133). В некоторых диалектах это наблюдается не только в начале, но и в любой части слова, правда, только перед шумными согласными.

Заднеязычный согласный **k**, выступавший после шепелявого **s**, по-видимому, как щелевой [1], легко мог слиться с **s**, образуя второй фокус передне-заднеязычного /ʃ/. В результате получился вместо сочетания **sx** однородный двухфокусный долгий согласный. Долгота этого согласного подтверждается, с одной стороны, отмеченным выше удвоенным написанием (**ss**), и с другой стороны — отсутствием в дальнейшем удлинения предшествующего краткого гласного. Подчиняясь общему правилу дистрибуции, начальное /ʃ/ могло подвергнуться сокращению уже в средневерхненемецком; в остальных позициях /ʃ/ стало кратким тогда же, когда и другие долгие согласные (см. § 125).

Стимулом для вышеуказанного фонетического процесса слияния **s** и **x** являлась фонологическая неделимость этого сочетания, обусловленная, как указывалось выше, его морфологической неделимостью [2]. Эта слитность элементов

---

[1] Иначе трудно объяснить написание **sch, sh.** Кроме того, в ряде современных нижненемецких диалектов мы находим на месте /ʃ/ сочетание [sx].

[2] В древнейшем из германских языков — готском — сочетание **sk** стоит особняком в ряду других сочетаний. Так, при редупликации в претерите всегда повторяется только первая согласная корня, даже если он начинается с сочетания согласных, ср. slepan 'schlafen' — saislep 'schlief', ƕopan 'weinen' — haiƕop 'weinte'. Единственным исключением из этого правила является сочетание **sk**, которое в редупликационном слоге повторяется полностью, ср. skaidan 'scheiden' — skaiskaiþ 'schied'. Это говорит о фонетической слитности, неделимости сочетания **sk.**

сочетания делает идею об отпадении второго из них маловероятной.

§ 95. Вопрос о наличии долгих согласных в средневерхненемецком, которые противопоставлялись кратким, решается не столь ясно, как в древневерхненемецком, где графика очень четко выделяла долгую согласную.

Правда, и в средневерхненемецком долгота согласных, как правило, находит себе обозначение в виде удвоения согласной буквы. Это касается как общегерманских случаев удлинения согласных, напр. rinnen, swimmen, wolle и др., так и случаев западногерманской геминации, ср. bette, künne 'Geschlecht', hüllen и др., а также удвоенных, возникших в результате перебоя, ср. pfaffe, waȥȥer.

Однако наряду с этим в рукописях встречается и простой согласный в словах, в которых в других случаях пишется двойной и где надо предполагать долгий согласный, напр. bezer, vergezen, sluzel в рукописи „A" Песни о Нибелунгах, где мы видим z вместо ожидаемого zz; ср. еще si grifen 'sie griffen', schife 'Schiff' D. Sg.; biterlichen 'bitterlich' Adv., drite, wune 'Wonne' и др. в той же рукописи. Напротив, в ряде мест можно встретить и написания двойного согласного без всякого на то основания, ср. такие примеры, как offte 'oft' Adv., triutten 'lieben', ritten 'reiten', stritten 'streiten' и т. п. Во всех этих словах никакого удлинения согласного исторически происходить не могло.

Иногда удвоение, по-видимому, имеет иное графическое значение, указывая не на долготу согласного, а на то, что гласный, несмотря на открытый слог, не подвергается удлинению (ср. § 126). Так следует истолковать примеры, подобные sitte, gottes, vatter и др. (дрвн. situ, gotes, fater). Этот графический прием находит свое объяснение в том, что долгие согласные встречались после кратких гласных (ср. § 73).

Несмотря на такую непоследовательность обозначения долгих согласных, мы не имеем основания утверждать, что они не существовали в средневерхненемецкий период и не противопоставлялись кратким. Напротив, фонологичность такого противопоставления подтверждается тем, что слова с исконными геминатами не испытывают уже

начавшегося в средневерхненемецком удлинения корневого гласного, в то время как слова с простым согласным такому удлинению подвергаются. Замена краткого корневого гласного долгим происходит в открытом слоге (см. § 101); этому условию отвечает только слог с простым исходным согласным. Слог же с геминированным согласным трактуется, очевидно, как слог закрытый, в результате чего гласный остается кратким. Примерами могут служить: swimmen, dünne, e33en, pfaffe[1].

Сказанное можно проиллюстрировать еще примерами, где простой и удвоенный согласный противостоят друг другу в словах одного корня. Так, в паре hane — henne удлинение гласного показывает только hane 'Hahn', в то время как в henne, где имеется удвоенное n в связи с тем, что это в прошлом основа на *-j, гласный так и сохраняет исконную краткость. Сравним также hëln 'hehlen' и hüllen 'hüllen', sal 'Saal' и geselle 'Geselle'.

При рассмотрении вопроса о долгих согласных следует указать еще и на то, что в ряде немецких диалектов, особенности которых формировались именно в период развитого средневековья, сохраняется в той или иной форме различение кратких и долгих согласных[2], в то время как в литературном языке это различение исчезло.

§ 96. Состав долгих согласных, совпадающий с составом этих фонем в древневерхненемецком, не приводится в таблице. Состав же кратких согласных представляется в следующем виде.

---

[1] Здесь не имеются в виду случаи, когда в средневерхненемецком в силу тех или иных причин возникают варианты с простым согласным; ср., например, слабый глагол zeln наряду с zellen (разные пути аналогизации: в дрвн. в настоящем времени было: 1. P. zellu, 2. P. zelis, 3. P. zelit). Вариант с простым согласным, конечно, мог испытывать удлинение. Сильный глагол bitten тоже имел другой вариант, а именно biten, и в этом случае краткое i могло заменяться долгим î. Готфрид Страсбургский рифмует biten только с долгим гласным, а Ульрих фон Тюрхейм связывает свое bitten только со словами, имеющими краткое i.

[2] В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М., 1956, стр. 252 сл.

Таблица 6

	По действующему органу / По способу образования	Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычные	Гортанные
Шумные	Смычные	pf p b	z t d		k g	
	Щелевые	f	s ʒ sch		ch	h
Сонанты	Полугласные	w		j		
	Носовые	m	n			
	Плавные		l			
	Дрожащие		r			

Примечание. В средневерхненемецкий период диалектные различия в составе смычных на большей части территории Германии выравниваются.

3. УСЛОВИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕМ

А. Гласные фонемы

§ 97. Слова и морфемы в средневерхненемецком и древневерхненемецком существенно различаются по составу имеющихся в них гласных фонем. Объясняется это не только появлением новых фонемных противопоставлений, но и тем, что в некоторых фонетических положениях или независимо от них одни старые фонемы заменяются другими, также существовавшими ранее в фонологической системе языка. Такая субституция проявляется в целом ряде случаев.

Прежде всего при сравнении средневерхненемецких текстов с более древними бросается в глаза, что вместо частичных ограничений в дистрибуции безударных гласных такие ограничения приобретают всеобщий характер. В безударном положении происходит почти полная нейтрализация всех фонологических противопоставлений гласных, выражающаяся в том, что в этой позиции, как правило, разнообразные фонемы заменяются одной гласной фонемой, обозначаемой на письме большей частью через **e**, иногда через **i**[1].

Такая нейтрализация происходит как в заударных слогах (в основном в формообразующих морфемах), так и в предударных (в префиксах), напр. срвн. nime, nimet, nëmen, nëment, næmen, nâmen (в дрвн. IX—X веков было: nimu, nimit, nëmêm, nëmant, nâmin, nâmun); gëbe 'Gabe' N. G. D. A. Sg., N. A. Pl.; gëben G. D. Pl. (дрвн. gëba N. G. A. Sg., gëbu D. Sg., gëbâ N. A. Pl., gëbôno G. Pl., gëbôm D. Pl.); lenger(e), lengeste (дрвн. lengiro, lengisto); erteilen (дрвн. irteilen), entlâȥen (дрвн. antlâȥan), befëlhen (дрвн. bifëlhan), versetzen (дрвн. furisetzen, vorasetzen). Ср. также примеры в § 85.

§ 98. Наряду с подавляющим большинством случаев, когда безударный слог содержит гласные **e** (или **i**), встречаются в средневерхненемецком и такие слова, в которых в этой позиции сохраняется старая, разнообразная огласовка, напр. heilant, wîgant 'Krieger', vîant 'Feind'[2], tûsunt 'Tausend', mânôt 'Monat' и немногие другие. В последних трех словах, как и в некоторых других, здесь не приведенных, имеются и параллельные формы с нейтрализованным гласным — vîent, tûsent, mânet.

Подобный параллелизм встречается и в некоторых суффиксах, например, в формообразующих суффиксах причастия II и претерита слабых глаголов, относившихся в древневерхненемецком к так называемому 2-му классу, сохраняется долгое **ô**. Это наблюдается особенно в стихотворных произведениях, где поэты, вероятно, сознательно

---

[1] Исключение представляет **iu**, о котором речь будет ниже.

[2] Эти имена существительные, восходящие к причастиям с суффиксом **-ant**, должны рассматриваться в средневерхненемецком как корневые, что доказывается, между прочим, тем, что в них сохраняется **-a-**, тогда как в суффиксе причастия I средневерхненемецкий имеет **-e-**.

употребляли удобную для рифмы архаичную форму. Ср., например, gewarnôt : tôt; schouwôte : nôte.

Из словообразовательных суффиксов с колеблющейся огласовкой следует указать прежде всего суффикс прилагательного **-ic**, встречающийся в такой форме преимущественно в баварском диалекте, тогда как в других диалектах преобладает **-ec** (ср. ruoȝic || ruoȝec 'schmutzig'), сюда же относится суффикс **-isch** || **-esch** (ср. hövisch || hövesch 'höfisch'), а также суффикс существительных **-ære** || **-er** (ср. lügenære || lügener) и редкий суффикс прилагательного **-oht** || **-eht** (ср. bartoht || barteht 'bärtig').

§ 99. Полностью отсутствует нейтрализация гласных в ряде словообразовательных суффиксов, напр. в суффиксах существительных: **-inc** || **-linc** (напр. edelinc 'Mann von Adel', zwinelinc 'Zwilling'), **-unc** (напр. Nibelunc), **-unge** (напр. hoffenunge), **-in** || **inne** (напр. künegin(ne); **-în** (magedîn 'Mädchen'), **-lîn** (kindelîn); в суффиксах прилагательных: **-lîch** (lobelîch 'preiswert'), **-în** (steinîn). Все эти суффиксы носят название „тяжелых", так как предполагается, что на них падало второе, более слабое, чем на коренной слог, ударение. Такое предположение находит свое подтверждение как в средневерхненемецких стихах, так и в том, что и в современном языке встречается побочное ударение на некоторых суффиксах.

§ 100. Как указывается в § 66, нейтрализацию противопоставлений гласных фонем (так наз. редукцию) принято объяснять безударной позицией, в которой она происходит. Отсутствие ударения, действительно, может играть известную роль в этом процессе, но основным фактором, его обусловливающим, или его причиной безударность сама по себе быть не может.

В том, что нейтрализация не есть механический процесс редукции, можно убедиться, внимательно проанализировав факты, приведенные в предыдущих параграфах, а также используя данные современного языка. Так, дублетные формы, подобные **-ic** || **-ec**, **-isch-** || **-esch**, говорят о том, что дело здесь не в редукции, не в ослаблении безударных элементов, и это подтверждается тем обстоятельством, что в дальнейшей истории немецкого языка, в современном немецком, побеждают более сильные формы **-ig**, **-isch**, несмотря на несомненную безударность

в настоящее время. Точно так же, несмотря на безударность, сохраняется и гласный **u** в столь распространенном суффиксе, как **-ung.**

Против трактовки редукции как механического процесса свидетельствует и то, что и в падежной флексии, никогда не имевшей ударения в немецком языке, встречается в виде исключения (см. § 97) окончание **-iu**; это имеет место в именительном и винительном падежах мн. ч. среднего рода и в именительном падеже ед. ч. женского рода сильного склонения прилагательных и местоимений, напр. blindiu, schoeniu, diu и т. п. Наряду с этим в тех же падежах возможно и окончание **-e**, встречающееся в центрально-немецких диалектах.

Причину нейтрализации безударных гласных нужно искать в ослаблении функциональной значимости их, обусловленном специфическим развитием грамматических средств. Этим, между прочим, объясняется то, что наиболее полно нейтрализация проходит во флексии, а не в суффиксах. Уже в древневерхненемецком разнообразие огласовки окончаний в формах склонения в ряде случаев является лишь наследием старой классификации имен по основам и имеет функционально второстепенное значение. Ввиду этого уже в древнейший период наблюдается выравнивание гласных окончаний в именах, относившихся к разным основам; ср. tages, tage (старая основа на **-a-**) и gastes, gaste (старая основа на **-i-**). Однако наряду с этим флексии, выражавшие функционально более важные грамматические отношения (падеж, число), сохраняли свои отчетливые различия, как это указывалось выше в § 66 сл.

В средневерхненемецком развитие унификации и в этого рода флексиях стимулируется появлением артикля, имевшего четко различавшиеся формы падежа и числа. Таким образом, если в дрвн. tage D. Sg., taga N. Pl. и tago G. Pl. могли различаться только по окончанию, то с появлением артикля это различие оказывалось выраженным дважды: demu tage, die taga, dero tago. Такая избыточность, естественно, могла служить поводом для унификации.

Аналогичным образом и в спряжении глаголов различие между личными формами раньше могло оказаться выраженным только через флексию, поскольку местоименное подлежащее в древневерхненемецком часто опуска-

лось. Когда же употребление местоименного подлежащего стало обязательным, то и тут в формах глагола возникала избыточность.

Последняя могла появиться и иным путем. Так, например, пока коренной гласный в глагольных формах wârun и wârîn представлял собой одну фонему, различие между формой индикатива и конъюнктива определялось в основном через гласный окончания. Когда же происходило фонологическое преобразование вариантов фонемы **â** (см. § 86), то указанные формы оказались как бы носителями двух различительных признаков: в огласовке корня (**â** и **æ**) и в окончаниях. Устранение одного из них не встречало никаких препятствий со стороны морфологической системы и в известной степени даже диктовалось ею.

Все рассмотренные факты, равно как и многие другие, относящиеся к вопросу о так называемой редукции гласных, говорят о том, что стимулом к ней было развитие грамматического строя немецкого языка. Безударное положение нейтрализуемых противопоставлений создавало для этого благоприятные фонетические условия, поскольку в этой позиции качественные различия гласных менее ярки.

§ 101. Существенные изменения произошли в средневерхненемецком в дистрибуции долгих и кратких гласных. На протяжении XII и главным образом XIII века происходит, по-видимому, постепенная замена кратких гласных в открытом ударенном слоге соответствующими долгими, так что употребление кратких все больше ограничивается закрытым слогом. Процесс этот захватил в первую очередь северозападные диалекты, затем центральные, тогда как южные (особенно алеманский) были затронуты им в меньшей степени.

Следует заметить, что замена кратких долгими не была строго ограничена указанной фонетической позицией; она имела место и в закрытом слоге, во-первых, в тех словах, в которых соответствующий слог мог оказаться при словоизменении открытым, во-вторых, в односложных ударенных словах, оканчивающихся на сонорный согласный, в-третьих, в позиции перед сочетаниями сонорного согласного **r** с шумными переднеязычными (**d, t, s, sch**).

В графике все это, естественно, не нашло отражения, поскольку долгие и краткие гласные на письме не различались.

Одним из доказательств, что этот процесс, получивший в последующие века интенсивное развитие (ср. § 129), начался уже в средневерхненемецком, служат рифмы; ср. следующие примеры из произведений XIII века: lân : an, hâr : gar, gar : jâr, getar : wâr; er : êr; genomen: chômen, schônest : gewonest, ôren : floren, nôt : spot, hôrte : borte, got : gebôt, brôte : gote, kôse : gelose, stôl : vol, vor : tôr; biten : zîten, rigel : vîgel, vride : mîde, schrîben : biben.

Правда, такой известный строгостью своих рифм поэт средневековья, как Рудольф фон Эмс, никогда не рифмовал исконно кратких с исконно долгими[1]. В таком случае в указанных выше примерах может быть усмотрена известная свобода рифмы, и тогда удлинение кратких гласных уже в средневерхненемецкую эпоху не может, как будто, считаться доказанным.

Однако долгие гласные в таких словах современного немецкого языка, как Magd, Jagd, Obst, Krebs и др., могут найти свое объяснение только в том, что они удлинились еще в средневерхненемецком, когда они находились в открытом слоге, ср. срвн. maget, jaget, obeȥ, krebeȥ.

В центральных диалектах уже с XII века обнаруживаются факты, говорящие и о противоположном процессе — замене долгих краткими перед долгими согласными и сочетаниями согласных, т. е. в закрытых слогах. Об этом говорят рифмы: brâhte : mahte, gedâht : bewaht; hêrre : vërre, mêrre : gewërren. Таких случаев, однако, мало; поэтому частотность долгих возрастает в средневерхненемецком по сравнению с частотностью кратких.

§ 102. Изменения в дистрибуции гласных фонем обнаруживаются в средневерхненемецком также и в том, что в этот период начинается процесс замены долгих гласных **û, î, iu** дифтонгами **ou, ei, eu**, преимущественно, в корневых, но, во всяком случае, в ударных морфемах. Этот процесс, именуемый дифтонгизацией, захватил прежде всего баварский диалект, в котором он широко распро-

---

[1] V. J u n k. Untersuchungen zum Reimgebrauch Rudolfs von Ems, PBB, Bd. 27, Heft 2, 1902, S. 447.

страняется только с середины XIII века, но в единичных примерах засвидетельствован еще в XII веке. При этом раньше всего дифтонгизация коснулась долгого **û**, а затем уже и долгих **î**, **iu**[1]. Что касается других диалектов, то в восточнофранкском и отчасти в швабском дифтонгизация появляется только на рубеже XIII и XIV веков, в остальных диалектах — еще позднее.

§ 103. В средневерхненемецком даже в баварском диалекте дифтонгизация захватила не все случаи употребления дифтонгов, она распространялась постепенно и неравномерно. Так, в разных рукописях, относящихся к одному и тому же времени (XIII в.), процент дифтонгизированных форм неодинаков: в „Wernhers Maria", например, долгое **î** заменено дифтонгом в 73% случаев, а в „Benedictinerregeln" — только в 52%[2].

Кроме того, следует указать и на то, что в художественных произведениях дифтонгированные формы менее распространены, чем в грамотах. Нужно представлять себе дело так, что слова со старой и с новой огласовкой первоначально употреблялись на равных правах, так как и то и другое произношение было одинаково возможным. Авторы поэтических произведений, как это часто наблюдается во все времена, отдавали предпочтение старым формам; однако они пользовались и новыми, когда им это было по тем или иным причинам удобно, в частности, когда это открывало новые возможности для рифмы.

Для характеристики процесса дифтонгизации очень важное значение имеет тот факт, что в одном и том же памятнике наряду с дифтонгированными встречаются и старые формы. К. Линдгрен, исследовавший этот процесс статистическими методами, обнаружил, что в упомянутой поэме „Wernhers Maria" соответствующие формы глагола **sein** в 89% случаев пишутся через **ei**, а в 11% — через **î**. В то же время притяжательные местоимения только в 36% случаев содержат дифтонг **ei**, а в 64% — монофтонг **î**. В слове же **zeit** дифтонгизация проведена в 100% слу-

---

[1] О. Бехагель высказывается против такой точки зрения, о чем см. O. Behaghel. Geschichte der deutschen Sprache, Berlin 1928, S. 310.

[2] K. Lindgren. Die Ausbreitung der nhd. Diphthongierung bis 1500, Helsinki 1961, S. 44. (Рукописи обоих этих памятников написаны на баварском диалекте и относятся к XIII в.)

чаев. Любопытно, что в рукописи „Benedictinerregel" дифтонгированная форма этого слова составляет только 31% [1].

§ 104. Фонологическая трактовка рассматриваемого процесса представляется весьма нелегкой задачей. Прежде всего трудно сразу определить, с какого вида фонетической эволюцией мы имеем здесь дело: с изменением состава фонем языка или с заменой одних фонем другими в составе слов и морфем. В первом случае новые дифтонги, возникающие из **û, î, iu,** должны были противопоставляться старым дифтонгам; во втором случае сущность дифтонгизации должна была заключаться в том, что старые **û, î, iu** заменялись в известных случаях старыми же дифтонгами, т. е. происходило изменение в распределении фонем в значимых единицах языка.

В традиционной фонетике дифтонгизация представляется как постепенное изменение произношения долгих узких гласных, которые в силу определенных особенностей их артикуляции (например, вследствие их постулируемого двухвершинного характера) превращаются после длительной эволюции в дифтонги.

Такая картина реконструируется чисто умозрительно, она никак не прослеживается и не может быть прослежена по памятникам (см. § 24). В новейших работах вопрос не трактуется столь упрощенно; мы находим в них постановку вопроса, сходную с высказанной выше. К. Линдгрен, например, пишет: „...Затронула ли дифтонгизация звук как таковой равномерно во всех словах, независимо от их функции, или она сначала прошла в определенных словах и затем распространилась на другие, скажем, по аналогии или подобными ей путями? [2]"

Для ответа на этот вопрос необходимо, как указывалось, прежде всего установить, совпадали ли дифтонги, заменившие в соответствующих морфемах долгие монофтонги, со старыми дифтонгами **ei, ou, eu** или же не совпадали.

В отношении **ou** картина, по крайней мере с точки зрения графики, представляется в общем ясной, поскольку в памятниках XII и XIII веков старый и новый дифтонги пишутся одинаково [3]. О совпадении обоих дифтон-

[1] K. Lindgren. Указ. соч., стр. 44.
[2] Там же, стр. 43.
[3] K. Weinhold. Bairische Grammatik, Berlin 1867, S. 101.

гов свидетельствуют и такие рифмы, как, например: boum : rûm, flûm; zoum : kûm; goumen : sûmen; trûbe : loube; zouber : sûber; ûf: kouf; trût: anschout; krouch : buch[1].

О. Бехагель высказывает иную точку зрения, он пишет: „Вероятно, между новым **au** и **au** из старого **ou** различие было меньшим, чем между обоими **ei**, и они могли легче образовать рифмы; знак для одного звука легче мог быть применен для другого звука“[2].

Несколько менее ясен вопрос с дифтонгом **eu**, который встречается реже, чем **ou**; поэтому случаев, когда засвидетельствованы рифмы этого дифтонга с дифтонгированным **iu**, относительно мало; однако они имеются, например: heute(< hiute) : freute (< frouwita), leuten (< liutin) : freuten. Важно, кроме того, отметить, что графически старый и новый дифтонг не различались.

Таким образом, в отношении „дифтонгизации“ долгих **û**, **iu** фонологическая трактовка не вызывает особых сомнений: поскольку дифтонги, заменившие долгие узкие гласные, совпадают со старыми дифтонгами, уже имевшимися в системе фонем языка, дело идет, очевидно, о распространении употребления этих дифтонгов за счет тех слов, в которых раньше были долгие гласные.

§ 105. Фонологическая интерпретация дифтонгизации **î** наталкивается на большие трудности. В данном случае дело осложняется тем, что кроме старого дифтонга, восходящего к древневерхненемецкому **ei**, в средневерхненемецком возникает новый сходный (или совпадающий) с ним дифтонг в результате стяжения сочетаний **-age-**, **-ege-**, **-ede-**, напр. sait < saget, treit < treget ‘trägt’, gerait < geredet и т. п. Считается, что со старым дифтонгом, по крайней мере, в баварском диалекте, являющемся очагом возникновения дифтонгизации, фонетически совпали только стяженные **-age-** и **-ede-**, обозначавшиеся, как правило, через **ai**, тогда как стяженное **-ege-** писалось через **ei**, точно так же как и дифтонгированное **î**.

На основании анализа рифм Михельс пишет, что в XIII веке некоторые баварские поэты рифмовали **ei** из **î** с **ei**, возникшим из **-ege-**, напр. zît : geleit ‘gelegt’,

[1] Как видно из этих примеров, графика иногда отстает от фонетического развития: дифтонг пишется еще как **û**.

[2] O. Behaghel. Geschichte der deutschen Sprache, Berlin 1928, S. 310.

zît : leit, samît : geleit. Новое **ei** отличалось, однако, от дифтонга, уже существовавшего в древневерхненемецком и близкого в баварском к **ai**[1].

О том, что дифтонгированное **î** отличалось от старого дифтонга, пишет и Вайнхольд: „... баварский диалект развил **ei** вместо **î** уже в начале XIII века; однако поэты пользуются дифтонгом в основном только со второй половины века, некоторые его еще избегают. Новый дифтонг обозначается через **ei**, старый — через **ai**; попадаются исключения“[2].

Из сказанного как будто напрашивается вывод, что в баварском следует различать два дифтонга: старый — **ai** и новый — **ei**, в котором совпали дифтонгированный из **î** и стяженный из **-ege-** дифтонги. Однако внимательное изучение фактов показывает, что эти дифтонги не противопоставлялись четко один другому ни графически, ни фонетически. Оба они могут писаться одинаково и могут рифмоваться, напр. rait (< redet): wârhait (< wârheit); verdeit (< verdaget) ‘verschweigt’ : eit (< eid) ‘Eid’; freit (< fraget) : leit (< leid) ‘Leid’; seit (< saget) : arbeit (< arebeit); treit (< treget) : breit (< breit).

Таким образом, оказывается, что со стяженным дифтонгом может рифмоваться и старый дифтонг и дифтонг, заменивший долгое **î**. Если каждый из последних приравнивался к стяженному дифтонгу, то, по-видимому, они были близки друг другу. Однако отсутствие непосредственного римфования друг с другом мешает их отождествлению, и поэтому вопрос о фонологической трактовке процесса так называемой дифтонгизации **î** для баварского диалекта остается открытым.

Б. Согласные фонемы

§ 106. Состав согласных в словах и морфемах является более устойчивым, чем состав гласных. Регулярная замена согласных, имеющая вид „фонетического закона“, наблюдается только в отношении звонких смычных. Употребление их в средневерхненемецком ограничивается началом и серединой слов, в конце слов они заменяются

---

[1] V. Michels. Mittelhochdeutsches Elementarbuch, Heidelberg 1912, S. 82—83.

[2] K. Weinhold. Bairische Grammatik, Berlin 1867, S. 79.

соответствующими глухими; напр. срвн. wîp < дрвн. wib, срвн. leit < дрвн. leid; срвн. tac < дрвн. tag и т. п.

Таким образом, в ауслауте имеет место нейтрализация противопоставления по глухости — звонкости, как это свойственно и современному немецкому языку. В отличие от последнего в средневерхненемецком это фонетическое явление, носящее в германистике название Auslautsverhärtung, отражалось в графике. Наиболее последовательны в этом отношении баварские рукописи, менее последовательны франкские и восточносредненемецкие.

§ 107. В ауслауте после гласных и после согласных нейтрализации подвергалось также противопоставление ʒ — s. Сохранялось оно, следовательно, только в интервокальном положении, поскольку в анлауте и после согласных искони встречалось, как правило, только s; ʒ же не могло оказаться в этих позициях, потому что оно по условиям 2-го перебоя возникало из t только в положении после гласного[1].

Указанная нейтрализация, имевшая место как в южных, так и во франкских диалектах, обнаруживается, во-первых, в рифмах, напр. glas : daʒ; gras : naʒ; grôʒ : kôs; ûʒ : hûs и т. п.; во-вторых, в том, что они иногда графически смешиваются (напр. waʒ ‘was’ с исконным ʒ и waʒ ‘war’ с исконным s), что в древневерхненемецком было невозможно, если не считать единичных исключений.

В южных диалектах рассматриваемое противопоставление, по-видимому, отсутствовало также и в интервокальном положении, о чем свидетельствуют и соответствующие говоры современного немецкого языка и рифмы средневерхненемецких поэтов, писавших на этих диалектах; ср. напр. gieʒen : fliesen ‘verlieren’, gesëʒʒen: genësen и т. п.

Результатом нейтрализации было расширение употребления фонемы ʒ за счет s. В пользу такого предположения говорит фонетическое качество соответствующего согласного в современном немецком языке. Как указывалось в § 58, ʒ отличался от s как нешепелявый от шепелявого.

[1] Исключение составляли лишь несколько слов, в которых в результате выпадения безударного гласного ʒ оказывалось в непосредственном соседстве с согласным (ср. krebʒ < krebeʒ < дрвн. krebaʒo, hirʒ < дрвн. hiruʒ).

вого. Если бы согласный ʒ вытеснялся s, а не наоборот, то мы имели бы в современном языке на месте s и ʒ шепелявый звук, а не свистящий. Вместе с тем и в слове Glas, где s восходит к s, и в слове das, где s восходит к ʒ, конечный согласный является чистым свистящим.

§ 108. Широко распространена в средневерхненемецком замена конечного m на n. Процесс этот, начавшийся еще в древневерхненемецком, фонетически не обусловлен. Он наблюдается преимущественно в заударном положении, но не во всяком заударном слоге, а только во флексии; ср. срвн. tagen < дрвн. tagum D. Pl.; срвн. gëben < дрвн. gëbôm D. Pl.; срвн. næmen < дрвн. nâmîm 1. P. Pl. Prät. Konj. и т. п. и vadem 'Faden', buosem 'Busen', в которых m, находящееся не во флексии, сохраняется.

Заменяется m на n и в дат. пад. мн. ч. местоимения третьего лица in < im, хотя оно является односложным и ударенным. То же происходит и в числительных zwein < zweim, drîn < drîm.

§ 109. Некоторые изменения можно зафиксировать и в дистрибуции сочетаний согласных в средневерхненемецком слове, представленной в таблице 7, стр. 134 (□ — положение в анлауте, ○ — положение в ауслауте).

Из таблицы видно, что в целом характер распределения сочетаний согласных в слове не отличается в средневерхненемецком от более древнего периода (ср. § 71 сл.). Так же как и там, сочетания, типичные только для анлаута, не типичны для ауслаута. И в том и в другом положении встречается только одна группа st; в древневерхненемецком таким свойством обладала и группа sk. То, что было сказано в § 72 о способности тех или иных типов согласных выступать в качестве начала анлаутных или ауслаутных сочетаний, в общих чертах относится и к средневерхненемецкому периоду.

Изменения, обнаруживающиеся при взгляде на таблицу, сводятся к следующему:

1) Некоторые возможности сочетаний оказываются утраченными в средневерхненемецком. Это прежде всего сочетание sk, которое перешло в фонему /ʃ/ (см. § 93), далее сочетания hl, hn, hr, hw, в которых уже в течение древневерхненемецкого отпадает начальное h, а также dw, которое перешло в tw (ср. twingen < дрвн. dwingen).

Таблица 7

	b	d	f	g	h	j	k	l	m	n	p	r	s	ʒ	t	w	z	pf	ch	sch
b								□				□		○	○					
d												□								
f								□				□	○		○					
g								□		□		□								
h													○		○					
j																				
k								□		□		□	○			□				
l			○		○		○		○	○	○		○		○		○		○	○
m			○								○			○	○			○		
n			○				○						○	○	○		○			○
p								□				□	□							
r			○		○		○	○	○	○	○		○	○	○		○			○
s								□	□	□	□				□ ○	□				
ʒ																				
t						□						□				□				
w																				
z																□				
pf								□		□		□								
ch																				
sch												□								

Наконец, исчезают конечные сочетания со звонким согласным в абсолютном ауслауте, типа **rg, mb, ld,** поскольку в средневерхненемецком в исходе слова выступают только глухие (ср. § 106).

2) Возникают новые возможности сочетаний благодаря полной редукции гласных в неударных слогах, ср. **ks** в aks (из дрвн. akis, akus), **bt** в abt (из дрвн. abbat), **ln** в weln 'wählen' (из дрвн. wellen), **bʒ** в krebʒ (из дрвн. krebaʒo) и т. п., или же в связи с заимствованиями, ср. **tj** в tjoste 'ritterlicher Zweikampf'.

Новым типом сочетаний являются группы с **sch** — **-lsch, -nsch, -rsch, schr-** (ср. welsch, mensch, tœrsch, schrîben), поскольку возникновение фонемы **sch** относится к XII веку.

4. ЧЕРЕДОВАНИЯ ФОНЕМ

§ 110. Исторические чередования, засвидетельствованные в древневерхненемецком как в области гласных, так и в области согласных, полностью сохраняются и в средневерхненемецком. Распространение таких видов чередований гласных, как аблаут и преломление (см. § 76 и сл.), также остаются без существенных изменений.

Однако преломление изменяет свой характер, превращаясь подобно аблауту в чисто морфологическое средство, тогда как в древневерхненемецком в большой мере сохранялись еще признаки его фонетической обусловленности. Ср. дрвн. gibis — gëbet 2. P. Sg. и 2. P. Pl. Präs. со срвн. gibes — gëbet.

Чередования **ë || i, o || u** сохраняют свой прежний вид; чередование же **io || iu** преобразуется вследствие того, что, как указывалось в § 44, первый дифтонг развился в **ie,** а второй—в /y:/[1], например: gieʒen—giuʒe 'gießen—gieße'; siech — siuche 'krank — Krankheit'.

Полностью морфологизуется также умлаут, который гораздо шире распространен, чем в древневерхненемецком. Так, в древневерхненемецком в такой паре словоформ, как gaste D. Sg. — gesti N. A. Pl., чередование **a || e,** хотя и могло связываться с различением чисел и падежей, но было мотивировано и фонетически; в средне-

[1] Графическое обозначение его осталось старым: **iu.**

верхненемецких словах gaste — geste, обозначавших соответственно те же формы, это чередование могло быть осмыслено только морфологически.

Расширение сферы распространения чередований по умлауту связано с появлением новых противопоставлений (см. § 85). Вследствие этого кроме старых чередований **a || e, û || iu** возникают еще и следующие: **a || ä, o || ö, u || ü, â || æ, ô || œ, ou || öu, uo || üe.** Например: naht — nähte 'Nacht — Nächte', boc — böckelîn, 'Bock — Böcklein', jung — jüngeste, wâren — wæren, hôrte — hœren 'hörte — hören', ouge — öugen 'Auge — zeigen', buoch — büechlîn 'Buch — Büchlein' и т. п.

В результате скрещения преломления с умлаутом появляется новое чередование **o || ü**, напр. hof — hübesch 'höfisch', zorn — zürnen. Формы с **ü** объясняются тем, что в них были условия, вызывавшие умлаут: в hübesch в прошлом суффикс имел форму **-isc**, а глагол zürnen принадлежал к глаголам на ***-jan.**

§ 111. Широкое распространение имеет в средневерхненемецком явление стяжения (контракции); оно встречается не только в таких единичных случаях, как hân $<$ haben, lân $<$ lâʒen, но и в рядах слов с фонетически однородными элементами. Стяжению подвержены сочетания **-ege-**, **-age-**, которые дают дифтонг **ei** (см. § 105), преимущественно перед **t**, **st**, но в некоторых диалектах и перед другими согласными, а также **-ige-**, дающее долгое **î**.

В результате стяжения возникают чередования, которые следует признать историческими, так как они не имеют регулярного, фонетически обусловленного характера, например: legen — leit 'legt', sagen — seit, seist 'sagt, sagst' (возможны и параллельные формы, например: nagel || neil, legen || lein); ligen — lîst, lît 'liegen — liegst, liegt'; параллельные формы bigiht || bîht 'Bekenntnis'.

Некоторые аналогичные стяжения, напр. **-ibe-** $>$ **î**, **-ide-** $>$ **î** (ср. gibet $>$ gît, quidet $>$ quît 'sagt'), представлены единичными случаями; поэтому и чередования, возникшие в их результате, не образуют коррелятивных рядов[1].

---

[1] Подробнее см. H. Paul. Mittelhochdeutsche Grammatik, Halle (Saale) 1953, S. 69 ff.

§ 112. Живые чередования гласных не встречаются и в средневерхненемецком. В области же согласных в результате нейтрализации противопоставления звонких и глухих смычных в абсолютном конце слова (см. § 106) возникают следующие чередования интервокальных звонких с конечными глухими: **b**||**p**, **d**||**t**, **g**||**c**, например: lîbes — lîp 'Leibes — Leib', kindes — kint, sluogen — sluoc 'schlugen — schlug'.

К живым чередованиям следует отнести также чередование интервокального **h** с конечным **ch** (ср. ziehen — zôch 'ziehen — zog'), а также интервокального **w** с нулем звука (ср. snêwes — snê 'Schnees — Schnee', grâwer — grâ 'grauer — grau').

Живым остается и чередование интервокальных долгих согласных с краткими в абсолютном конце и перед согласными[1], например: voller — vol, türren — tar 'wagen — wage', künnen — kan 'können — kann', bitten — bat, ëʒʒen — aʒ 'essen — aß', stellen — stalte.

---

[1] Ср., однако, сказанное об этом чередовании в древневерхненемецком (§ 75).

Глава III

ФОНЕТИЧЕСКИЙ СТРОЙ НОВОВЕРХНЕНЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

1. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

§ 113. Нововерхненемецкий период принципиально отличается от предыдущих тем, что в это время над диалектами образуется единый общенемецкий национальный язык. Образовавшись в основном на почве смешанной в диалектальном отношении территории восточносредненемецких провинций (Верхняя Саксония, Тюрингия), национальная норма распространилась на все другие территории Германии, включая и те области, где господствовали не верхне-, а нижненемецкие диалекты.

Фонетика современного немецкого языка носит явные следы его смешанного диалектального происхождения, явившегося результатом перемалывания диалектов, их взаимного воздействия друг на друга и приспособления. Будучи в своей основе верхненемецкой, фонетическая система современного языка включает и нижненемецкие особенности.

Стихийный процесс развития национального языка, завершившийся сознательной унификацией[1] немецкой ор-

---

[1] В 1898 г. состоялась конференция, которая выработала на основе уже более или менее устоявшегося узуса правила и нормы немецкой орфоэпии. Первоначально эти правила, зафиксированные в книге Т. Зибса „Deutsche Bühnenaussprache", были обязательными для актеров. Впоследствии нормы „сценического произношения" распространились на другие области публичной речи, а также и на школьное преподавание. В связи с более широким значением этих правил их свод в книге Зибса теперь именуется не „Deutsche Bühnenaussprache", а „Deutsche Hochsprache".

фоэпии в конце XIX века, привел к созданию такой фонетической системы, которая часто характеризуется как „верхненемецкий язык в нижненемецком звучании“. В качестве иллюстрации этого положения можно привести четкое противопоставление глухих и звонких согласных, свойственное именно нижненемецким говорам, противопоставление передних лабиализованных и нелабиализованных гласных и др.

Вследствие смешанного характера звукового строя современного немецкого языка он не может рассматриваться как прямое продолжение фонетической системы средневерхненемецкой эпохи. Если в средневерхненемецкий период мы имеем непосредственное развитие древневерхненемецких отношений, то здесь, в новонемецком, мы сталкиваемся со сложным процессом образования наддиалектной звуковой системы. Тем не менее понять становление новых отношений, характерных для национального языка, исходя из более древних, оказывается возможным. Возможно это благодаря тому, что с фонологической точки зрения эти отношения вполне сравнимы, являясь если не совпадающими, то достаточно близкими.

Вспомним, что состав фонем в средневерхненемецком для разных диалектов в основном совпадает; различия идут по линии реализации фонем, с одной стороны, и фонемного состава слов и морфем, с другой (ср. § 91, 102 и сл.).

Начальный период развития нововерхненемецкого языка (так называемый ранненововерхненемецкий) здесь специально не выделяется. Необыкновенно сложная и противоречивая графика этого периода не позволяет внести ясность в характер фонологических противопоставлений языка этого времени без очень специальных и углубленных исследований.

Вместе с тем, как явствует из предыдущей главы, все то, что, переплетаясь и перемешиваясь, отстоялось в современной фонетической системе немецкого языка, было намечено в основных чертах уже к концу классического средневерхненемецкого периода, к началу XIV века. Если лексическая система и синтаксический строй немецкого языка решительно перестраиваются именно в первые века формирования национального языка, то основы звукового строя — состав фонем и дистрибуция

звуков в морфемах — сложились в предшествующий период.

§ 114. В условиях существования многообразных и еще живучих диалектов единство произношения не может быть полным (такого единства нет и в Германии), однако это относится только к конкретной реализации фонем в речи (напр. полная или неполная звонкость согласных, бо́льшая или меньшая открытость того или иного гласного, то или иное произношение дифтонгов и т. п.).

Что же касается фонологической системы языка, то тут можно говорить о безусловном единстве; то же относится в значительной степени и к фонемному составу слов и морфем, поскольку весьма редко можно видеть, чтобы в литературной речи вместо одной фонемы выступала другая (ср. /ta:k/ и /ta:x/).

Немецкая орфоэпия, являющаяся результатом сознательной нормализации, которая заключалась в отборе наиболее „целесообразных“ и наиболее распространенных вариантов произношения[1], также не может рассматриваться как нечто застывшее, не подвергающееся изменению.

Напротив, в современной Германии, особенно в связи с распространением радио, телевидения и звукового кино, сценическое произношение, лежащее в основе зибсовской орфоэпии, уступает авторитету этих новых областей применения публичной речи. В этом отношении характерно обсуждение вопроса о ряде изменений, необходимых для старых орфоэпических правил, развертывающееся на страницах периодической печати (журналы „Sprachpflege“, „Muttersprache“ и др.).

Излагая современную фонологическую систему немецкого языка, необходимо, учитывая критику общелитературной нормы, все же опираться на нее, поскольку она является единственным репрезентантом национального языка. Все остальное, а именно звуковые системы немецких диалектов и разные формы полудиалектов, отходит в область специальных диалектологических исследований.

---

[1] Ср. Th. Siebs. Deutsche Hochsprache, Berlin 1961.

2. ИЗМЕНЕНИЯ В СОСТАВЕ И СИСТЕМЕ ФОНЕМ

А. Гласные фонемы

§ 115. В средневерхненемецкий период наблюдалось значительное увеличение состава фонем, а в нововерхненемецком литературном языке мы видим его сокращение. Это заметно особенно в области гласных, но также и в области согласных.

В системе гласных новых фонем не возникает; их число, напротив, сокращается. Это происходит в первую очередь за счет фонем **e**, которых, как говорилось в § 89, в средневерхненемецком было пять. В современном же немецком языке их, по-видимому, всего две. С одной стороны, это краткое открытое /ɛ/, которое представляет и старое германское **ё**, и возникшее по примарному умлауту закрытое **e**, и появившееся значительно позже сверхоткрытое **ä** (см. § 89). В наше время одинаково произносятся и тем самым не противопоставляются друг другу корневые **e** в словах /fɛlt/, /bɛrgɛn/, /brɛt/, /ɛsɛn/, в словах /ɛltɛrn/, /ɛrbɛ/, /bɛt/, /krɛft/, /gɛstɛ/ и в словах /fɛrbɛn/, /vɛkst/, /gɛʃlɛçt/, несмотря на то, что в первой группе слов /ɛ/ восходит к старому **ё**, во второй группе к древнейшему умлаутированному **e**, а в третьей к секундарному умлауту **ä**.

Единообразное произношение всякого краткого **e** как /ɛ/ независимо от его этимологического происхождения и написания — это одно из правил нормированного произношения (Bühnensprache, Hochsprache), не возбуждающее споров. Такое положение характерно уже и для XVIII века. У теоретиков XVIII века (J. Ch. G o t t s c h e d, Vollständigere und neuerläuterte deutsche Sprachkunst, 5. Aufl., Leipzig 1762; J. F. H e y n a t z, Deutsche, Sprachlehre, Berlin 1772; A. G. M ä z k e, Grammatische Abhandlungen über die deutsche Sprache, Breslau 1776; C. P h. M o r i t z, Von der deutschen Rechtschreibung, Berlin 1784; J. Ch. A d e l u n g, Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, Leipzig 1782) встречаются недвусмысленные указания на совпадение **e** разного происхождения в одном звуке и соответственно на одинаковое произношение **e** в словах denn, brechen, nennen (последнее из а). Только у южных грамматистов (напр. F. C. F u l d a, Grundregeln der teutschen Sprache, Stuttgart 1778 или F. J. B o b, Die

nöthigsten Grundsätze der deutschen Sprachkunst, Freyburg 1771) мы найдем указание о двух разных качествах **е**[1]. В XIX веке, говоря о наддиалектной немецкой орфоэпии, Ф. Грабов указывает на утрату различения кратких гласных **е** и приводит примеры: ätzen — messen, Bett — betteln, Recke — rächen, Erbe — Berg, stärken — Stern, senden — spenden. Первый член каждой пары содержит **е**, возникшее из **а** по умлауту примарному или секундарному, второй член имеет старое **ё**. Лишь на ограниченной территории Германии, прибавляет Грабов, противопоставление это сохраняется[2]. Современная диалектология констатирует, что различение трех кратких **е** по произношению сохранилось лишь в швейцарских говорах и в некоторых севернобаварских наречиях. Остальной юг Германии различает лишь две кратких фонемы **е**, поскольку старое **ё** совпало с секундарным умлаутом **ӓ**. В западной части центральной области (в среднефранкском, нижнегессенском) имеется нейтрализация противопоставления разных фонем **е**: всякое краткое **е** здесь открытое. Наконец, в восточно-средненемецкой области тоже выступает одно краткое **е**, в связи с тем, что старое **ё** и **ӓ** от секундарного умлаута звучат в этой диалектной области как **а**, ср. тюр. /besr/ 'besser' и /fafr/ 'Pfeffer', /farwə/ 'färben'[3].

Унификация кратких фонем **е** в немецком литературном произношении объясняется, несомненно, этой диалектальной пестротой, которую мы старались охарактеризовать выше и картину которой хорошо показывает сводка материала по ранненововерхненемецкому языку, даваемая В. Мозером[4].

Сначала, по-видимому, осуществился переход к двоичному противопоставлению (центрально-немецкая область, как мы указывали в § 89, и в средневерхненемецком имела лишь две кратких фонемы **е**), затем и оно было снято.

---

[1] Ср. A. Tritschler. Zur Aussprache des Neuhochdeutschen im 18. Jahrhundert, PBB, Bd. XXXVIII, 1913; M. H. Jellinek, Zur Aussprache der e-Laute im 18. Jahrhundert, PBB, Bd. XL, 1914.

[2] F. Grabow. Die dialektfreie Aussprache des Hochdeutschen, Arch. f. das Studium der neueren Sprachen u. Literaturen, Braunschweig 1875, Bd. 54, Heft I, S. 389 ff.

[3] См. В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 227 и сл.

[4] V. Moser. Frühneuhochdeutsche Grammatik, Bd. I, I. Hälfte, Heidelberg 1929, S. 118.

Очень большое значение имело, вероятно, и то, что разного типа **e** появлялись при умлауте в словах одного и того же типа, при выражении одной и той же грамматической категории. Тенденция к фонологической нейтрализации должна была стимулироваться здесь и тенденцией к грамматической унификации. Ср. срвн. krefte, с одной стороны, и mähte, с другой (секундарный умлаут в связи с наличием **ht**), формы, выражающие множественное число имен существительных, и нвн. Kräfte и Mächte /krɛftɛ, mɛçtɛ/; срвн. lenger и stärker, формы, выражающие сравнительную степень имен прилагательных, и нвн. länger и stärker /lɛŋɘr, ʃtɛrkɛr/; срвн. vellest, vellet и wähsest, wähset, формы, выражающие 2-е и 3-е лицо ед. числа наст. времени, — нвн. fällst, fällt и wächst /fɛlst, fɛlt, vɛkst/.

§ 116. Если положение с кратким /ɛ/ в нововерхненемецкий период представляется весьма ясным, то в отношении долгого /e:/ этого сказать нельзя. Норма сценического произношения требует закрытого долгого /e:/ в одних случаях, например: /ve:nıç/, /ne:mɛn/, /ze:lɛ/, /ʃve:r/ и открытого долгого в других, например: /t͜sɛ:nɛ/, /mɛ:tçɛn/, /vɛ:rɛ/, /bɛ:r/. Тем самым утверждается существование двух различных долгих фонем **e** в нововерхненемецком языке. Однако их действительное наличие в нем вызывает сомнение. Такое сомнение возникает уже потому, что комиссия, фиксировавшая нормы сценического произношения (см. § 113), только в данном случае отступила от провозглашенного ею принципа — не основываться на написании слов, и сформулировала правило употребления долгих **e** (закрытого и открытого) в зависимости от орфографии; как [e:] рекомендуется произносить звук, обозначенный буквами **ee**, **eh** или **e** перед одним согласным, напр. Seele, mehr, leben; как [ɛ:] произносится звук, обозначенный **äh** или **ä** перед одним согласным, напр. wähnen, Träne. Вместе с тем за новонемецкой орфографией в этом случае не стоит ни историко-фонетическое содержание (см. § 146), ни реальное произношение соответствующих слов в немецких диалектах и в связанной с ними обиходной речи различных областей. Прежде всего, лишь на части территории Германии, а именно на юге и в среднефранкском, сохраняется историческое противопоставление долгого старого узкого /e:/ и возникшего из **â** широкого /ɛ:/, ср. /ʃvɛ:r/ 'schwer' и /ʃne: /'Schnee'.

В других областях—в части гессенского диалекта, в пфальцском, тюрингенском и верхнесаксонском, а также в большей части нижненемецкого — оба е слились в один закрытый звук. Несомненно, что на границе этих двух территорий должна была создаться зона колебания в распределении открытого и закрытого е в словаре диалекта[1]. Дело усложняется еще и тем, что наряду со старым е и е, возникшим по умлауту из долгого â, в определенное время появляется еще долгое е, удлиненное из краткого, в словах типа leben и edel. Краткие удлиненные входят в систему долгих гласных, однако могут не совпадать с ними в своем развитии[2].

Пестрая картина, которую обнаруживают диалекты и обиходная речь, заставила нормализаторов опираться в данном случае на орфографию[3]. Жизнь, однако, не приняла предписываемого ими правила произношения долгих е. В результате противопоставление /e:/ и /ɛ:/ вызывает в настоящее время большие возражения со стороны немецких фонетистов и педагогов. Так, нормативный словарь произношения, вышедший в серии „Дуден", сохраняя и поддерживая в самом тексте словаря все требования сценической нормы, в предисловии указывает на те моменты, которые жизнь выдвигает в противовес установлениям, принятым почти семь десятков лет назад. Одним из таких моментов является неразличение /e:/ и /ɛ:/ и употребление во всех случаях /e:/, ср. /be:rɛn/ 'Bären' и /be:rɛn/ 'Beeren', Словарь считает это характерным явлением для обычной разговорной речи, а также для телевидения, радио и кино[4]. Другие противники сохранения старого противопоставления двух долгих е указывают на то, что если оно подходит для крайнего юга Германии, то оно неприемлемо для севера и большей части центральной территории[5].

---

[1] Ср. В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М.—Л, 1956, стр. 202.

[2] В. М. Жирмунский. Указ. соч., стр. 227.

[3] Характерно, что и грамматисты XVIII века уделяли большое внимание произношению долгих е и их правописанию. Они считали необходимым не столько формулировать некие общие правила, сколько давать по возможности более полные списки слов, в которых нужно было, по их мнению, произносить то или иное е.

[4] Der große Duden. Aussprachewörterbuch, Mannheim 1962, S. 43.

[5] Ср. H. H. Wängler. Grundriß einer Phonetik des Deutschen, Marburg 1960, S. 98.

Разговорная литературная речь, таким образом, отметает произношение [ɛ:] в словах типа Ähre, Zähne, противопоставляющее их словам Ehre, zehn[1]. Фактически дело обстоит так, что нет ни одного случая, где вместо долгого открытого [ɛ:] нельзя было бы произнести долгое закрытое [e:], ср. [tre:nə] или [trɛ:nə], [me:tçən] или [mɛ:tçən]. Это говорит о том, что эти звуки являются факультативными вариантами одной фонемы.

Следует отметить, что слиянию рассматриваемых фонем в одну должно было способствовать то, что в системе гласных они составляли единственную пару долгих, противопоставленную одной краткой фонеме.

§ 117. Другой сложной проблемой, связанной с вопросом о судьбе старых **e**, является трактовка неясного [ə] современного немецкого языка (Murmel-**e**). Этот гласный едва ли можно признать за особую фонему, противопоставленную краткому /ɛ/. Этому препятствует позиционная обусловленность обоих этих гласных: [ɛ] встречается под ударением, а также в предударном положении в абсолютном начале и в приставках перед /r/, например: [ɛntne:mən], [ɛrt͡se:lən], [fɛrgɛsən], [t͡sɛrʃla:gən]; [ə] встречается только в безударном положении, кроме указанных позиций. Необходимо указать, что существует тенденция вытеснения [ɛ] из всякого неударного слога и замены его [ə]. Об этом ясно говорит даже в отношении самого высокого стиля речи (Hochlautung) словарь серии „Дуден“, приводя в виде примеров слова с приставками **ver-** и **zer-** и некоторые другие[2].

Учитывая все сказанное, следует считать [ɛ] и [ə] позиционно обусловленными оттенками одной фонемы.

Таким образом, нужно признать, что в современном немецком языке имеются две фонемы **e**, ясно противопоставленные друг другу: краткое открытое /ɛ/ и узкое долгое /e:/ с факультативным вариантом [ɛ:], ср. [bɛrk] — [be:r] || [bɛ:r] ‘Bär’.

§ 118. Состав гласных фонем существенно сокращается за счет утраты трех дифтонгов **ie**, **ou** и **üe**, которые уже

---

[1] W. Neumann. Sprachwandel und Sprachpflege, „Sprachpflege“, 1961, Heft 4, S. 71.

[2] Der Große Duden, Aussprachewörterbuch, S. 40.

в предшествующую эпоху стали заменяться в центральнонемецких диалектах долгими узкими монофтонгами **î, û, iu** [y:], напр. [li:t] из срвн. liet, [fi:l] из срвн. viel, [blu:t] из срвн. bluot, [tru:g] из срвн. truog, [gry:n] из срвн. grüene, [gy:tə] из срвн. güete. В § 91 говорилось о том, что для средневековья можно уже считать эти дифтонги и соответствующие им близкие в фонетическом отношении долгие гласные факультативными вариантами одной фонемы. Из этих факультативных вариантов в центральнонемецких областях в дальнейшем победил первый, и целая группа диалектов совершенно утратила узкие дифтонги **ie, uo, üe.**

Монофтонгизация этих дифтонгов явилась наряду с заменой узких долгих дифтонгами одним из важных признаков того варианта литературного языка, который, развившись на восточносредненемецкой почве, лег в основу немецкого национального языка[1]. Естественно поэтому, что монофтонгизация старых узких дифтонгов распространилась на другие области Германии, закрепляясь в литературном языке, несмотря на более или менее длительное и сильное противодействие со стороны других локальных вариантов языкового объединения.

В настоящее время дифтонги, о которых идет речь, представлены только в южных диалектах Германии, напр. [briəf, bruədər].

§ 119. Носовые гласные в современном языке, встречающиеся в заимствованных из французского языка словах, а именно [ã, ɛ̃, ɔ̃] и [œ̃], не выделяются, по-видимому, в немецком языке как самостоятельные фонемы. Они принадлежат по существу некой идеальной норме произношения; практически они встречаются лишь в речи тех, кто владеет французским языком. Широкие массы носителей немецкого языка заменяют эти звуки сочетаниями /aŋ, ɛŋ, ɔŋ, œŋ/, ср. /ʃaŋsɛ/ 'Chance', /tɛŋ/ 'Teint' /bɔŋ'bɔŋ/ 'Bonbon', /parfœŋ/ 'Parfum'. Словарь произношения серии „Дуден" указывает на эту замену как на типичную черту современного произношения, обиходную норму, принятую в беседе, на радио, в кино и т. п.[2]

[1] Th. Frings. Sprache und Geschichte, Bd. III, Halle (Saale) 1956, S. 5; М. М. Гухман. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку, ч. II, М., 1959.

[2] Der Große Duden, Aussprachewörterbuch, S. 43.

§ 120. На основании вышесказанного можно представить состав гласных фонем немецкого языка в следующей таблице:

Таблица 8

	Передние				Задние	
	Лабиализованные		Нелабиализованные			
	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие	Краткие	Долгие
Монофтонги	ʏ œ	y: ø:	ɪ ɛ	i: e: (ɛ:)	ʊ ɔ a	u: o: a:
Дифтонги	ɔ͜ø		a͜e		a͜o	

Примечание. Знаки, поставленные в скобки, обозначают факультативные варианты фонемы.

Из таблицы видно, что система противопоставлений гласных нововерхненемецкого языка весьма сходна с такой же системой в средневерхненемецком языке (см. § 92). Однако можно отметить и существенные отличия, во-первых, в том, что в современном языке исчезли дифтонги верхнего подъема и тем самым противопоставление по подъему в дифтонгах. Во-вторых, изменяется соотношение звуков **е**; при этом если не совсем исчезает, то во всяком случае сглаживается асимметрия в оппозиции кратких и долгих, отмеченная выше для средневерхненемецкого, где было 3 кратких и всего 2 долгих **е**. В современном немецком языке краткое открытое /ɛ/ противостоит долгому закрытому /e:/, согласно общей модели оппозиции: краткий гласный открыт, долгий — закрыт. Существование факультативного варианта долгого /e:/ — широкого [ɛ:] — не меняет принципиального существа дела.

В. Согласные фонемы

§ 121. В отличие от гласных состав согласных фонем испытывает некоторый прирост в нововерхненемецком языке.

Это касается прежде всего фонем /x/ и /ç/, на которые расщепляется средневерхненемецкое **ch**. Трудно с уверенностью сказать, но весьма вероятно, что в средневерхненемецкий период происходит модификация фонемы **ch** в зависимости от фонетических условий ее окружения. Можно думать, что после гласных переднего ряда, с одной стороны, и после гласных заднего ряда, с другой, **ch** выступало в двух различных вариантах. В случаях mich, lêch ‘lieh’, bleich мы имели палатальный вариант, в случаях machen, hôch, brûchen ‘brauchen’, ouch ‘auch’ — вариант увулярный. Мысль о том, что палатализация после передних гласных имела место уже в средневерхненемецком, напрашивается потому, что огромное большинство немецких диалектов имеет противоположение /x/ и /ç/.

В определенный период развития языка в ряде слов передний гласный, стоящий перед **ch**, выпал, и обусловленный им палатальный оттенок фонемы /x/ оказался в положении не после переднего гласного. Это имело место, в частности, в уменьшительном суффиксе **-ichin (-ichen)**, широко распространенном на центральнонемецкой территории, ср. срвн. beinichin, glockichin, hûsichin, veldechin, kapelichen, fischichen. Еще в ранненововерхненемецком можно встретить форму **-ichin (-ichen)**, например, у Опица seelichin, wäldichin или у Лютера söhnichen, mäulichen, pselmichin. Позже суффикс выступает в форме **-chen**.

В связи с выпадением переднего гласного из различных слов палатальный оттенок фонемы [ç] стал появляться в различных позициях, напр. после согласных, ср. /hɔ͜øsçən/ из срвн. hûsichin, /mœnç/ из срвн. münech, /zɔlç/ из срвн. solich, после гласных заднего ряда, напр. /fra͜oçən/, и т. п. В этом последнем случае /ç/ оказывается в той позиции, которая является наиболее типичной для /x/, ср. напр. /ˈfra͜oçən/ — /ˈra͜oxən/, /ma:ˈma:çən/ — /ˈbra:xən/, /ˈdu:çən/[1] (уменьшительное от местоимения du) — /ˈku:xən/. Это четкое противопоставление ясно говорит о том, что в ново-

---

[1] Ср. W. Henzen. Deutsche Wortbildung, Halle (Saale) 1949, S. 115.

немецком языке исчезла фонетическая обусловленность, определяющая комбинаторность оттенков. Оттенки эти получили фонематическую независимость и превратились в разные фонемы[1].

Фонетической независимостью объясняется и тот факт, что /ç/ оказывается способным стоять в начале слов (в основном в греческих заимствованиях). Это еще увеличивает разнообразие дистрибуции для этой фонемы, ср. положение после /o:/ в сложном слове, второй компонент которого начинается с /ç/, типа /bi:o:çe:ˈmi:/.

Считается, что в начале слова /ç/ не может противопоставляться /x/, поскольку это последнее в такой позиции не встречается. Однако новейшие фонетические словари[2] предлагают следующие транскрипции: /ˈxɔt͡sɛn/ 'Chotzen' (город в Чехословакии) и /ço·ˈre:ʊs/ 'Choreus', благодаря чему устанавливается оппозиция /ç/ и /x/ в начале слова, в одинаковом положении.

§ 122. Иным путем возникла фонема /ŋ/. Как указывалось в § 50, вопрос о фонологической сущности ng в древневерхненемецком не может быть решен с полной уверенностью. Однако имеются основания считать в ту пору ng сочетанием фонем. То же относится и к средневерхненемецкому периоду, о чем красноречиво говорят такие рифмы, как sanc : kranc, gedanc : ranc у точно рифмующих поэтов. Вместе с тем надо предположить, что существовал согласный [ŋ], выступавший как вариант /n/ в положении перед заднеязычными согласными в составе одной морфемы[3]. Таким образом, сочетание ng фонетически было сочетанием [ŋg]. Встречаясь в большинстве случаев на исходе морфем (в ауслауте или в интервокальном положении), это сочетание развилось путем прогрессивной ассимиляции в единообразный согласный (заднеязычный носовой). Мы имеем, следовательно, полную аналогию процессу ассимиляции сочетания mb в m. И в том и в другом случае первоначально должен был получаться долгий согласный, который впоследствии вместе с утратой долгих согласных должен был сократиться. Разница со-

---

[1] Подробнее см. Л. Р. Зиндер. Ich-Laut. Ученые записки 1 ЛГПИИЯ, т. I, 1940.

[2] См. Duden, а также Wörterbuch der deutschen Aussprache, Leipzig 1964.

[3] W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, § 128.

стоит лишь в фонологическом результате, поскольку фонема /m/ уже существовала в языке ранее, а [ŋ] особой фонемой не был. Ее возникновению способствовало то, что она фонетически отличалась и отличается от сочетаний /ng/ или /ŋg/, встречающихся на границе морфем, напр. /ˈanˌga:bɛ/ или /ˈaŋˌga:bɛ/, /ˈa͜enˌgi:sɛn/ или /ˈa͜eŋˌgi:sɛn/ и т. п.[1] Поскольку в отличие от этих сочетаний /ŋ/ морфологически никогда не членится, он и стал в новонемецком монофонемой, ср. /ˈzɪŋ|ɛn/, /ˈlaŋ|ɛ/, /ʃpraŋ/.

Как и у всякой новой фонемы, сфера употребления /ŋ/ ограничена, причем тут играют роль условия, в которых встречалась фонетическая единица, послужившая ее источником. Поэтому нельзя согласиться с трактовкой /ŋ/ как бифонемного сочетания на основании специфических особенностей ее дистрибуции (невозможность употребления /ŋ/ в начале слов, после долгих гласных и т. д.)[2].

§ 123. Новой фонемой является в нововерхненемецком языке и аффриката /t͜ʃ/ ср., напр., /ˈkvat͜ʃɛn/, /dɔ͜øt͜ʃ/. /ˈrʊt͜ʃɛn/, /ˈpa͜et͜ʃɛ/ и др. Эта фонема возникла из сочетания согласных **t** и /ʃ/, по-видимому, в условиях опрощения слова. Такой путь развития ясно прослеживается на примерах /dɔ͜øt͜ʃ/ и /ˈkvat͜ʃɛn/. Deutsch восходит к дрвн. diutisk, производному от diot ‘Volk’; в средневерхненемецком **sk** перешло в /ʃ/, **i** в суффиксе часто синкопируется: diutisch, diutsch. Если в этот период слово, даже при синкопе **i**, еще ощущается как производное (при наличии срвн. diet ‘Volk, Mensch’), то в дальнейшем суффикс перестает осознаваться как таковой и присоединяется к корневой морфеме. В таком положении **t** и ʃ, через которые уже не проходила морфологическая граница, слились в тесное единство, образовав аффрикату. Эта аффриката ясно противопоставляется сочетанию звуков **t** и ʃ, когда они относятся к разным морфемам, ср. /ˈto:tˌʃi:sɛn/ современного языка. Таким же путем возникла аффриката в quatschen, восходящем к нижненемецкому quatsken ‘wertloses Schwatzen’, которое через

---

[1] Судьба **mb** на границе морфем тоже отличается от судьбы этого сочетания в пределах одной морфемы: в нем никогда не бывает ассимиляции **b** в **m**, ср. /ˈʊmˌbɪldɛn/.

[2] Alexander V. Isačenko. Der phonologische Status des velaren Nasals im Deutschen. Z. f. Phonetik Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, Bd. 16, 1963, Heft 1—3.

берлинское просторечие проникло в национальный язык. Нижненемецкое **sk** при этом закономерно превратилось в [ʃ] и не было воспринято как суффикс, а как часть корня (в нижненемецком глагол был образован с помощью суффикса **-sk-** от quat 'schlecht, böse').

Образованию аффрикаты из звукосочетания, вероятно, способствовали и заимствования ранненововерхненемецкого периода из славянских и других языков, типа Peitsche (из зап. слав.), Kutsche (из мадьяр.), содержащие [t͡ʃ].

Неясным представляется появление /t͡ʃ/ в ряде глаголов итеративного и интенсивного значения на месте /t͡ʃ/. Примерами могут служить: rutschen (срвн. rützen), fletschen (срвн. fletzen), zwitschern (срвн. zwitzern), quetschen (срвн. quetzen), glitschen (срвн. glitzen). В этих глаголах -ze(r)n восходит к древневерхненемецкому суффиксу -azzen (-izzen).

Поскольку в некоторых случаях корень этих слов мог иметь исход на **k** (rutschen $<$ *ruckezen, ср. Rücken, quietschen, производное от quieken; klatschen от звукоподражательного срвн. klac), Винтелер[1] предложил гипотезу о метатезе **k** и **z**, благодаря чему получались формы типа ruzken; **s**, содержащееся в аффрикате **z**, в соединении с **k** давало **sch**. Результатом следующего слияния должно было стать [t͡ʃ]. Сложность этого пути и невозможность объяснить таким способом все случаи не завоевали для гипотезы Винтелера всеобщего признания[2]. Однако эта единственная попытка фонетического объяснения данного факта заслуживает внимания.

Какова бы ни была причина замены **z** в этих случаях, отметим, что и здесь мы имеем явное опрощение слова и невычленимость суффиксальной морфемы.

§ 124. Звуки [ʒ] и [d͡ʒ], появляющиеся в новонемецком в словах, заимствованных из французского и английского языков, напр. [ʒe:'ni:], ['lo:ʒə], [dʒɛs] 'Jazz', ['dʒɛntəlmən] и т. п., не могут быть признаны самостоятельными фонемами немецкого языка, так как появляются лишь в речи узкого круга людей, знакомых с соответствующими языками. В широком обиходе они заменяются

---

[1] J. W i n t e l e r. Über die Verbindung der Ableitungssilbe got. **-atj-**, ahd. **-azz-** mit guttural ausgehenden Stämmen resp. Wurzeln, PBB, Bd. XIV, S. 455—472.

[2] Ср. H. P a u l. Deutsche Grammatik, Halle (Saale) 1955, Bd. I, S. 351, Anm. I.

фонемами /ʃ/ и /tʃ/, ср., напр. /bla:ˈma:ʃɛ/, /tʃɛs/ [1]. Таким образом, [ʒ] и [dʒ] — лишь факультативные варианты этих фонем.

§ 125. Утраченной оказалась в нововерхненемецкий период оппозиция кратких и долгих согласных, о существовании которой в древне- и средневерхненемецком говорилось в § 56 и сл. и § 95, в связи с чем из фонемного состава выпал целый ряд согласных. Несмотря на сохранение старого написания, долгие согласные в современном языке произносятся кратко, ср. дрвн. waȥȥar (с долгим [s:]) — нвн. /ˈvasɛr/, дрвн. retten (с долгим [t:]) — нвн. /ˈrɛtɛn/, дрвн. hella (с долгим [l:]) — нвн. /ˈhœlɛ/, двн. suuimman (с долгим [m:]) — нвн. /ˈʃvɪmɛn/, дрвн. biginnan (с долгим [n:]) — нвн. /bɛˈgɪnɛn/.

Утрата долгих согласных в новонемецкую эпоху связана, вероятно, с дистрибуцией этих фонем; уже в древнейшую эпоху наблюдается постоянное сочетание их с предшествующим кратким гласным. Мы видели, что и в древневерхненемецком долгий согласный после долгого гласного или дифтонга часто заменяется кратким: slâffan > slâfan, lâȥȥan > lâȥan, teillen > teilen (ср. § 56). Можно предположить, что долгие и краткие согласные сначала превратились в позиционные варианты, обусловленные краткостью или долготой предыдущих гласных, а затем различие между этими вариантами было утрачено. Причина этого не вполне ясна; в качестве гипотезы можно высказать мысль, что слияние противопоставленных вариантов произошло вследствие чередования их в пределах одной морфемы, типа grîfen ‘greifen’ Inf. — griffen ‘griffen’. В таких случаях смыслоразличительная функция, свойственная сначала обоим элементам — и гласным и согласным, оказалась связанной только с гласными, ср. нвн. /ˈgraefɛn/ — /ˈgrɪfɛn/.

Локализовать этот процесс во времени трудно; Бехагель указывает, что у Генриха фон Нёрдлингена встречаются написания типа grimen, minen ‘lieben’, stime, а Генрих фон Геслер рифмует lammes : grames [2].

Во всяком случае только исчезновением в XV—XVI веках четкого противопоставления кратких и долгих

[1] Ср. Der große Duden, Aussprachewörterbuch, S. 45.

[2] O. Behaghel. Geschichte der deutschen Sprache, Berlin u. Leipzig 1928, S. 355 u. 358.

согласных можно объяснить необыкновенное пристрастие к удвоенным написаниям согласных в случаях, когда этимологически они вовсе не оправданы. При общей установке теоретиков того времени на использование удвоения для обозначения краткости гласного практика показывает его и после краткого в словах типа schatte(n), wetter, donner, himmel, и после долгого и дифтонга, напр. behůtten, gůtt, brieff, teuffel, eynn, viell, и после согласного, напр. gartten, genantt, vornn, zukunfft, dürffen, hillff, и в неударенном слоге, напр. brockenn, nemenn, handelln, и в суффиксе -heitt и т. п. [1]

В более позднем новонемецком удвоенное написание стало графическим признаком краткости гласного (ср. § 145).

О том, что такое написание является как бы условным знаком и не выражает фонологических отношений, свидетельствует использование его не только в исторически мотивированных, но и в исторически немотивированных случаях. Так, в словах gewinnen, Bett, begriffen этот двойной согласный продолжает этимологический долгий; в других словах он введен орфографией тогда, когда в открытом слоге краткий гласный по тем или иным причинам не подвергся удлинению или долгий укоротился, ср. напр. Vetter (дрвн. fetiro), Himmel (дрвн. himil), Mutter (дрвн. muoter), Jammer (дрвн. jâmar). И в тех и в других случаях мы имеем краткую согласную фонему.

В современном немецком языке долгий согласный может появляться только на стыке морфем, ср. /ˈmɪtˌtae͡lɛn/, /ˈpakˌkɔrp/ и др. Поскольку морфологическая граница всегда проходит внутри долгого согласного, мы имеем в этих случаях бифонемное сочетание одинаковых согласных. Современные исследователи фонетики немецкого языка часто указывают на то, что в разговорном языке (hochdeutsche Umgangssprache) и в этом случае нет различимой ухом длительности согласного. Так, Венглер говорит, что хотя в krumm machen и можно таким образом произнести согласный, это не обязательно; слушающий счел бы такое произношение индивидуальной особенностью речи говорящего, несколько преувеличенной [2]. В слове krümmen подобное произношение было бы совершенно невозможным.

[1] См. V. Moser. Указ. соч., стр. 46 сл.

[2] H. H. Wängler. Grundriß einer Phonetik des Deutschen, Marburg 1960, S. 65.

В подтверждение высказанного Венглером мнения привлечем и свидетельство фонетического словаря „Der große Duden“, где замена долгих согласных краткими в словах типа /'ap:asən/ > /'apasən/, /'an:a:mə/ > /'ana:mə/ приводится в качестве типичного примера отступления современной разговорной нормы от выработанных в свое время правил сценического произношения [1].

В отдельных немецких диалектах и в наше время сохраняется в той или иной форме противопоставление долгих и кратких согласных. Это можно наблюдать в южных диалектах Германии, например, в южной части швабского и в южнобаварских наречиях [2].

§ 126. На основании вышеизложенного систему согласных современного немецкого языка можно представить в следующей таблице:

Таблица 9

По способу образования \ По действующему органу			Губные	Переднеязычные	Среднеязычные	Заднеязычно-увулярные	Гортанные
Шумные	Смычные	Чистые	p b	t d		k g	
		Аффрикаты	p͡f	t͡s t͡ʃ			
	Щелевые		f v	s z	ç j	x	h
Сонанты	Носовые		m	n		ŋ	
	Плавные			l			
	Дрожащие		r				

[1] Der große Duden, Aussprachewörterbuch, S. 45.

[2] В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М. — Л., 1956, стр. 252 сл.

Примечание. Фонема г поставлена нами без указания органа, действующего при ее образовании, в связи с факультативностью этого признака (см. § 127).

Сравнивая систему согласных в современном языке и в более древние периоды, приходится прежде всего констатировать, что противопоставление по глухости — звонкости приобретает гораздо большее значение в настоящее время. В него включается и значительная часть щелевых. Усиливается и противопоставление смычных и щелевых, так как в пары входят /d/ — /z/ и /b/ — /v/. Признак смычности остается иррелевантным только для /g/, так как не имеется соответствующей щелевой фонемы, чем и объясняется большая вариативность /g/ в современном языке. Наконец устанавливается полная симметрия в оппозиции носовых и неносовых, поскольку в нее включаются заднеязычные.

3. ИЗМЕНЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФОНЕМ

§ 127. Сведения о фонетической характеристике фонем в древние периоды истории языка весьма скудны и неопределенны. Их источниками являются, во-первых, данные о межъязыковых связях: заимствования из изучаемого языка в другие языки и из других языков в изучаемый, во-вторых, всевозможные факты графики и, в-третьих, сопоставление диалектных различий. Такого рода данные использовались в главах I и II. О восстановлении по ним полной фонетической картины не может быть и речи. Тем не менее об отдельных частных изменениях, которые произошли в произношении и которые отличают современный язык от языка предыдущих эпох, можно судить с большей или меньшей степенью достоверности.

Сказанное относится прежде всего к старому общегерманскому s, которое отличалось, по крайней мере в древневерхненемецком, шепелявостью и которому сейчас соответствует нешепелявый звонкий согласный. Обычно развитие s характеризуется как процесс озвончения. Однако видеть в этом некое спонтанное изменение артикуляции невозможно, потому что с общефонетической точки зрения нельзя себе представить, каким путем от шепелявости, т. е. от плоскощелевой артикуляции языка, можно прийти к звонкости при круглощелевой ар-

тикуляции; тот или иной характер артикуляции никакой связи с работой голосовых связок не имеет. Поэтому мысль о спонтанном развитии шепелявого [s] в звонкое [z] нужно отбросить.

Прежде всего необходимо признать, что уже в средневерхненемецком фонема /s/ была представлена не только глухим, но и звонким вариантом, который встречался, по-видимому, в начале слова перед гласным и в интервокальном положении[1]. Поэтому нейтрализация противопоставления s — ʒ и имела место только в конце слов. Сохранившись в интервокальном положении, это противопоставление оказалось включенным в коррелятивный ряд оппозиций по глухости — звонкости, которые также нейтрализовались в конце слов. Это способствовало тому, что и в паре s — ʒ различие в артикуляции, кроме разницы по работе голосовых связок и кроме силы, было устранено: s утратило свой плоскощелевой, шепелявый характер.

Такому развитию s в новонемецком национальном языке должно было содействовать и то, что в нижненемецких диалектах оно не только было звонким в соответствующих позициях, каким является и сейчас[2], но, кроме того, вероятно, было нешепелявым или малошепелявым. В пользу такого предположения говорит тот факт, что в нижненемецких диалектах s перед согласными в начале слов не заменялся /ʃ/, так что в этих диалектах и сейчас существуют сочетания sm, sl, sp, st[3].

Особое место занимает вопрос о фонетической реализации фонемы /r/. Первоначальный переднеязычный характер этого согласного не вызывает сомнения. В новонемецком же, приблизительно с XVII века, начинает распространяться увулярная артикуляция этого согласного. Происхождение ее не очень ясно; большинство считает увулярное /r/ заимствованным из французского в связи с распространением французского языка в высших социальных слоях тогдашней Германии. Немецкая орфоэпическая норма решительно отвергала это произношение, частично отвергает его и сейчас, однако оно получило широчайшее распространение в различных сферах при-

[1] H. Paul. Mittelhochdeutsche Grammatik, Halle 1953, S. 18.

[2] В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М.—Л., 1956, стр. 330.

[3] Там же, стр. 333.

менения национального языка, вплоть до радио и даже сцены. Можно думать, что увулярное произношение будет признано со временем орфоэпической нормой.

Фонологически оба **r** — и переднеязычное и увулярное — должны быть признаны факультативными вариантами одной фонемы.

§ 128. Из других изменений в реализации фонем обычно указывают так называемое „расширение дифтонгов“. Под ним подразумевают прежде всего изменение произношения дифтонгов, обозначавшихся в средневерхненемецком как **ei** и **ou**, поскольку сейчас первым компонентом этих дифтонгов является [a], т. е. гласный более широкий, чем [e] и [o].

Представление о расширении артикуляции основано на том, что графическая передача дифтонгов в средневерхненемецком принимается за фонетически точную. Между тем вследствие монофонемности немецких дифтонгов их компоненты не соотносятся с простыми гласными, и потому обозначение этих компонентов может быть совершенно произвольным; это видно из современной передачи на письме дифтонга /a͜e/ как **ei** и как **ai** и особенно /ɔ͜ø/ как **eu** и **äu**[1]. Показательно, что написание **ai**, которое, казалось бы, больше подходит для передачи соответствующего дифтонга, чем **ei**, используется в немецкой графике очень редко.

Надо думать, что реализация дифтонгов по диалектам была уже в средневерхненемецком пестрой и что уже в ту эпоху встречались и „расширенные“ дифтонги. Принятие именно этих вариантов в качестве национальной нормы есть результат победы соответствующей диалектной особенности, существовавшей и до нововерхненемецкого периода.

4. ИЗМЕНЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФОНЕМ

А. Гласные фонемы

§ 129. Как указывалось во введении в § 1, в нововерхненемецкий период фонемный состав слов и морфем претерпел столь существенные изменения, распрост-

[1] Следует отметить, что понятие расширения, которое распространяют и на этот дифтонг, развившийся из средневерхненемецкого **öu**, здесь совсем неуместно.

ранившиеся преимущественно на гласные, что лишь немногие слова современного немецкого языка имеют ту же огласовку, что и в древневерхненемецком. Такое положение вещей является результатом различных процессов, известных в исторической фонетике под названием дифтонгизации, монофтонгизации, удлинения и сокращения гласных и др., начавшихся еще в средневерхненемецком, а иногда и ранее, но завершившихся только в нововерхненемецком в XVII—XVIII веках вместе с развитием национального немецкого языка, с установлением его произносительных норм.

Изменения в дистрибуции гласных можно подразделить на три вида: 1) изменения, произошедшие вследствие морфологической аналогии, 2) изменения, связанные с сокращением числа гласных фонем в нововерхненемецком и 3) изменения вследствие действия различных факторов.

К первым относится унификация огласовки форм единственного и множественного числа сильных глаголов, напр. срвн. bot — buten, warf — wurfen, nam — nâmen и нвн. /bo:t — ˈbo:tɛn/, /varf — ˈvarfɛn/, /na:m — ˈna:mɛn/.

Морфологической аналогией объясняется распространение умлаута (с фонетической точки зрения это — расширение употребления гласных /ɛ,e:, œ,ø:, ʏ, y:, ɔø/) в формах множественного числа имен существительных, в сравнительной и превосходной степени прилагательных и др. Например: Wörter (срвн. wort), Männer (срвн. man или manne), Köpfe (срвн. kopfe), Höfe (срвн. hove), Stühle (срвн. stuole), Häuser (срвн. hûs).

Изменения второго рода связаны, например, с тем, что число гласных фонем в нововерхненемецком сократилось вследствие монофтонгизации дифтонгов **ie, uo, üe**. Это привело к появлению в соответствующих морфемах долгих /i:/, /u:/, /y:/ вместо этих дифтонгов. Число таких случаев весьма велико, напр.: срвн. liet — нвн. /li:t/, срвн. bieten — нвн. /ˈbi:tɛn/, срвн. slief — нвн. /ʃli:f/; срвн. guot — нвн. /gu:t/, срвн. fuor — нвн. /fu:r/; срвн. brüeder — нвн. /ˈbry:dɛr/, срвн. hüeten — нвн. /ˈhy:tɛn/ и т. п.

В редких случаях на месте средневерхненемецких дифтонгов **ie, uo, üe** в нововерхненемецком стоят краткие гласные [ɪ, ʊ, ʏ], напр. срвн. lieht, muoter, müeter, müeʒen — нвн. /lɪçt, ˈmʊtɛr, ˈmʏtɛr, ˈmysɛn/.

Сократилось далее число фонем **е** (см. § 116), соответственно изменился состав гласных во многих словах. Так, в средневерхненемецком слова vëlt, wërfen, с одной стороны, bette, wenden, с другой стороны, и nähte, wähset, с третьей, имели разные гласные фонемы в корне, в современном же языке — одинаковые: /fɛlt, ′vɛrfɛn, bɛt, ′vɛndɛn, ′nɛçtɛ, vɛkst/. Превращение долгих [e:] и [ɛ:] в факультативные варианты также ведет к совпадению огласовки корней, ранее имевших разные фонемы; напр. срвн. swære, mæjen, lære, sælec и mêr, sêle имеют в современном немецком языке одну фонему: /ʃve:r, ′me:ɛn, le:r, ′ze:lıç, me:r, ′ze:lɛ/.

§ 130. Часто факторы, вызывающие те или иные изменения в фонемном составе слов, не столь ясны. К ним в первую очередь относится процесс, называемый обычно „дифтонгизацией" долгих узких гласных. Процесс этот начался еще в средневерхненемецком (см. § 102 сл.), но полностью завершился только в XVI веке. Он заключается в распространении употребления дифтонгов /ae͜, ao͜, ɔø/ за счет долгих /i:, u:, y:/ и является как бы компенсацией описанной в предыдущем параграфе монофтонгизации. Если вследствие последней употребление долгих распространилось, то вследствие дифтонгизации оно сократилось. Например: срвн. sîn, wîp — нвн. sein, Weib; срвн. bûch, lût — нвн. Bauch, laut; срвн. hiute, friunt — нвн. heute, Freund.

Такие замены носят строго регулярный характер, за исключением неударного или слабоударного положения, ср. суффикс срвн. **-lîch** — нвн. **-lich**.

Гораздо менее регулярный характер имеют другие изменения в дистрибуции гласных. К числу их относятся следующие изменения, которые подобно предыдущим принадлежат к так называемым „качественным".

1. Замена **u** на **o** перед носовыми (**m** и **n**), напр. срвн. sumer — нвн. Sommer, срвн. geswummen — нвн. geschwommen, срвн. sunne — нвн. Sonne, срвн. wunne — нвн. Wonne. Долгое /o:/ вместо краткого имеет Sohn (из срвн. sun).

Аналогичная замена наблюдается с соответствующими умлаутированными гласными, напр. срвн. günnen — нвн. gönnen, срвн. künnen — нвн. können. Долгий гласный [ø:] вместо краткого имеет König (из срвн. künec).

И в данном случае, как всегда при изменении фонемного состава морфем, фонетическая обусловленность таких замен является кажущейся. Это доказывается такими исключениями, как Brunnen, dünn, Bühne, которые сохраняют старую огласовку. Об этом же говорят и такие единичные замены, как срвн. mügen — нвн. mögen, срвн. burse — нвн. Börse и др.

2. Замена **â** на /o:/; ее обычно связывают с положением перед носовыми согласными, напр. срвн. âne — нвн. ohne, срвн. mâne — нвн. Mond, или же с положением после **w**, напр. срвн. wâc — нвн. Woge, срвн. arcwân — нвн. Argwohn. Однако она встречается и в совершенно других фонетических позициях, напр. срвн. slât — нвн. Schlot, срвн. tâhele — нвн. Dohle. В некоторых словах вместо долгого **o:** встречается краткое, напр. срвн. tâht — нвн. Docht.

3. Замена **e** на /œ/, или иначе — лабиализация **e**, которую приписывают воздействию соседних губных согласных, напр. срвн. zwelf — нвн. zwölf, срвн. swern — нвн. schwören, срвн. schepfen — нвн. schöpfen, или же /ʃ/, которое также характеризуется некоторой лабиализацией, напр. срвн. leschen — нвн. löschen. Однако аналогичная замена засвидетельствована и в соседстве с другими согласными; напр. срвн. helle — нвн. Hölle, срвн. ergetzen — нвн. ergötzen.

4. Лабиализация засвидетельствована и в некоторых словах, имевших **i**, замененное соответственно на /Y/; напр. срвн. wirde — нвн. Würde. Чаще, однако, встречается обратное явление — делабиализация **ü**, напр. срвн. küssen — нвн. Kissen, срвн. sprützen — нвн. spritzen, срвн. würken — нвн. wirken.

В соответствии срвн. liegen, triegen и нвн. lügen, trügen можно также видеть лабиализацию монофтонгированного **ie**. Однако путь развития здесь иной; как принято считать, lügen получилось по аналогии с Lüge, а trügen — по аналогии с lügen.

Кроме „качественных" сравнительно большое распространение имели „количественные" изменения, т. е. изменения по долготе и краткости гласного[1]. Так, существенно расширяется употребление долгих гласных вследствие так называемого

---

[1] Ввиду того, что различие между долгими и краткими гласными в современном немецком языке имеет и качественный характер, термин „количественные изменения" следует понимать условно.

удлинения кратких, также начавшегося еще в средневерхненемецком (см. § 101); например: срвн. name, laden, lëben, legen, ligen, vil, oben, vogel, jugent, tür — нвн. /ˈna : mɛ /, /ˈla : dɛn /, /ˈle : bɛn /, /ˈle : gɛn /, /fi : l /, /ˈo: bɛn/, /ˈfo : gɛl /, /ˈju : gɛnt /, / ty : r /.

Число морфем, имеющих в нововерхненемецком краткие гласные вместо средневерхненемецких долгих, весьма невелико, например: срвн. brâhte, dâhte, râche, hêrschaft, lêrche, dîhte, tîlgen, суффикс -lîch, hôrchen, slôʒ — нвн. /ˈbraxtɛ /, /ˈdaxtɛ /, /ˈraxɛ /, /ˈhɛrʃaft /, /ˈlɛrçɛ /, / dɪçt /, /ˈtɪlgɛn /, / -lɪç /, /ˈhɔrçɛn /, / ʃlɔs /.

Полной последовательности нет и в количественных изменениях, ср., например, отсутствие удлинения в открытом слоге: /ˈfɛtɛr/ ‘Vetter’, /ˈhɪmɛl /, /ˈkɔmɛn /, /ˈgatɛ/ (из срвн. veter, himel, komen, gate); сокращение долгих, несмотря на открытость слога: /ˈlasɛn/ ‘lassen’, /ˈvafɛ /, /ˈjamɛr/ и др. (из срвн. lâʒen, wâfen, jâmer); отсутствие сокращения перед группой согласных, ср. /ˈklo : stɛr /, /ˈtrø : stɛn / и др. (из срвн. klôster, trœsten), и удлинение в закрытом слоге: /ˈve : rdɛn /, / a : rt /, / a : rt͡st /, / bɛˈgi : rdɛ/ и др. (из срвн. wërden, art, arzet) [1].

Такие исключения часто пытаются объяснить фонетическими причинами, а именно, характером последующего согласного и т. п. Однако всякое устанавливаемое таким образом правило имеет в свою очередь изрядное количество исключений [2].

Все факты нерегулярного проведения замен гласных, рассмотренные в данном параграфе, являются следствием прежде всего смешанного в диалектном отношении характера немецкого национального языка. В связи с этим уместно привести слова А. Тричлера: „Наш литературный язык несет на себе печать различных диалектов, каждое слово имеет свою родину, свою вполне определенную географическую область возникновения, которую мы можем в ряде случаев указать и точно ограничить... Каждое наречие внесло свой вклад в литературный язык“ [3].

[1] Подробнее см. В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1956, стр. 146 сл.

[2] См., например: H. Paul. Mittelhochdeutsche Grammatik, Halle (Saale) 1953, S. 25 ff.

[3] A. Tritschler. Zur Aussprache des Neuhochdeutschen im 18. Jahrhundert, PBB, Bd. 38, 1913, S. 373.

Б. Согласные фонемы

§ 131. Согласные фонемы сохранились в словах и морфемах почти полностью в том же составе, в каком мы застаем их в древневерхненемецком. Однако и здесь можно отметить ряд закономерных замен, завершение которых также относится к современному немецкому языку.

Изменения в консонантном фонемном составе слов прежде всего являются неизбежным следствием появления новых фонем в языке. Если, скажем, какая-нибудь фонема расщепилась на две, то в словах или морфемах, которые содержали ее, появятся другие фонемы, возникшие на ее месте. При этом дистрибуция новых фонем часто будет совпадать с дистрибуцией тех вариантов, из которых они получились.

Такое явление мы и наблюдаем в современном немецком языке в отношении фонем /x/ и /ç/. Так как первая образовалась из оттенка, обусловленного положением после гласных заднего ряда, а вторая — из оттенка, обусловленного положением после гласных переднего ряда, то и в настоящее время первая почти всегда, а вторая большей частью встречается в указанных фонетических позициях.

Однако чаще всего возникновение новых фонем влечет за собой изменение в дистрибуции старых фонем.

Возникновение фонемы /ŋ/ из сочетания фонем /ng/, находившегося в пределах одной морфемы, обусловило то, что /n/ встречается в современном языке перед /g/ только на границе морфем, внутри же морфем такое сочетание невозможно. Точно такое же ограничение в употреблении /n/ касается и положения перед /k/. Это объясняется тем, что /ŋ/ до обособления этой фонемы составляло с /n/ в этой позиции два комбинаторных варианта одной фонемы (см. § 50).

Происхождением фонемы /ŋ/ из сочетания /ng/ определяется и то, что она встречается только в поствокальной позиции. Из таблиц сочетаемости согласных в древневерхненемецком и средневерхненемецком (см. стр. 90, 134) видно, что в начальном положении /n/ перед согласным употребляться не могло. Если не считать очень незначительного числа заимствованных имен собственных (например, Ndebele), то это ограничение остается в силе и в современном языке.

§ 132. Другие изменения в дистрибуции согласных, которые произошли при переходе от средневерхненемецкого

к нововерхненемецкому, не связаны с возникновением или утратой фонем. Причины их не всегда ясны.

Прежде всего можно указать на то, что несколько фонем, встречавшихся ранее в разнообразных частях морфемы, в настоящее время имеют ограниченное употребление. К ним относится, во-первых, фонема / j /; в неначальном положении в морфеме она перестала употребляться в старых немецких словах, в которых встречалась в средневерхненемецком; ср. срвн. blüejen — нвн. / 'bly : ɛn /, срвн. sæjen — нвн. / 'ze : ɛn /. В заимствованных словах / j / может стоять и внутри морфем как в интервокальном положении (напр. / ma : 'jo : r /, / ba : jo : 'nɛt /), так и между согласными и гласными (напр. / zo : v'jɛt/, / bɪl'jɛt /).

Аналогично обстоит дело с фонемой / h /, которая встречается в современном языке (за редкими исключениями) только в начале морфем; в середине или в конце морфем между гласными, где она могла употребляться в средневерхненемецком, она заменена нулем или, иначе говоря, утрачена; ср., например: срвн. nâhe — нвн. / na: /, срвн. hœhe — нвн. / hø : ɛ/, срвн. sëhen — нвн. / ze : ɛn / и др. Упомянутые исключения составляют слова / 'u : hu: /, / 'a : hɔrn / и др. [1]

Далее, сходное ограничение в употреблении можно отметить для фонемы / v /. В конце ряда морфем, где она встречалась в предыдущие периоды немецкого языка, она сейчас утрачена; ср. срвн. spîwen — нвн. / 'ʃpa͜eɛn /, срвн. vrouwe — нвн. / fra͜o /, срвн. ruowe — нвн. / 'ru : ɛ / и др. Исключения имеются и здесь (напр. / 'e : vıç /, / 'lø : vɛ /); однако в основном эта фонема в старых словах стоит в начале морфем. В заимствованиях она бывает в разных положениях, например, / re : vo : lu : 't͜sjo : n /, / 'bra : vo: / и др.

В дистрибуции / v / произошли, кроме того, изменения, имеющие комбинаторный характер. В средневерхненемецком **w** находилось в ряде слов после сонантов **l** и **r**; оно оказалось замененным в современном немецком языке в этих случаях фонемой / b /, например: срвн. swalwe — нвн. / 'ʃvalbɛ /, срвн. narwe — нвн. / 'narbɛ /, срвн. gärwen — нвн. / 'gɛrbɛn / и др. Опять-таки и в данном случае в новых словах / v / возможно и в указанных фонетических положениях; ср. / 'zalvɛ /, / 'kʊrvɛ / и др.

---

[1] Утрата **h** влечет за собой в некоторых случаях стяжение слогов; напр. срвн. stahel — нвн. / ʃta : l /, срвн. zëhen — нвн. /t͜se : n /, срвн. trähene — нвн. / 'tre : nɛ /, а также / ze : n /, употребляющееся наряду с / 'ze : ɛn /.

В результате всех рассмотренных здесь изменений в дистрибуции фонем /j, h, v/ оказались ограниченными в нововерхненемецком преимущественно начальным положением в морфеме.

К изменениям, носящим комбинаторный характер, относится также и утрата фонем /b/ и /p/ в положении после m, напр. срвн. zimber — нвн. /'ts͡ımεr/, срвн. ambet — нвн. /amt/, срвн. krump — нвн. /krʊm/ и др. Это изменение обычно трактуется как ассимиляция последующего неносового губного предыдущему носовому. Такая трактовка в общем приемлема, но в таком случае согласный m должен был бы получиться удвоенным или долгим. Вполне вероятно, что он таким первоначально и был и подвергся сокращению вместе с исчезновением противопоставления долгих и кратких согласных (см. § 125). Таким образом, в результате всего развития получилась замена /b, p/ после m нулем.

§ 133. Заметные изменения произошли в дистрибуции фонемы s; в начале морфем перед согласными она оказалась замененной фонемой /ʃ/[1], напр. срвн. stên — нвн. /'ʃte:εn/, срвн. spil — нвн. /ʃpi:l/, срвн. slâfen — нвн. /'ʃla:fεn/, срвн. smal — нвн. /ʃma:l/, срвн. snel — нвн. /ʃnεl/, срвн. stein — нвн. /ʃta͜en/, срвн. spæte — нвн. /ʃpe:t/, срвн. swëster — нвн. /ʃvεstεr/. В указанном положении фонема /s/ встречается в современном немецком языке только в заимствованных словах; напр. /slεŋ/, /sma:'rakt/, /snɔb/, /'svεtεr/, /spɔn'ta:n/, /sti:l/, причем в положении перед p и t часто существуют и параллельные формы с /ʃ/ (см. § 22). Любопытно отметить, что в новых заимствованиях /s/ может оказаться и перед k, в сочетании с которым он в средневерхненемецком не употреблялся; напр. /ske:'lεt/, /skʊl'ptu:r/ и др.

Вместе с сокращением употребительности фонемы /s/ и за счет этого сокращения возросла употребительность в современном языке фонемы /ʃ/, которая в средневерхненемецком в анлауте сочеталась только с гласными и с r.

Распространение /ʃ/ вместо /s/ наблюдается (гораздо менее последовательно, чем в предыдущих случаях) в положении

[1] Обычно это правило формулируется так, что замена происходит перед согласными — **p, t, l, m, n, w**; однако, как это видно из таблицы сочетаний согласных (см. стр. 134), фонема **s** в средневерхненемецком перед другими согласными и не встречалась.

после **r**, ср. срвн. burse — нвн. /ˈbʊrʃɛ/, срвн. hêrsen — нвн. /hɛrʃɛn/. Сюда же относятся и такие случаи, как срвн. hirȥ — нвн. /hɪrʃ/, где уже в средневерхненемецком противопоставление /s — ȥ/ нейтрализовалось (см. § 107).

Указанная замена имела далеко не регулярный характер, о чем свидетельствуют такие слова, как Ferse, Hirse, сохраняющие старое **s** после **r**.

§ 134. В ряде случаев изменения, имевшие место в составе слов, объясняются непосредственно из диалектных особенностей. Так обстоит дело с заменой средневерхненемецкого **t** современным **d** в словах, вошедших в национальный язык в нижненемецкой диалектной форме, напр. срвн. totter — нвн. Dotter, срвн. tam — нвн. Damm.

Иную причину имеют, по-видимому, замены в словах: срвн. tihten — нвн. dichten, срвн. trache — нвн. Drache и т. п. Слова эти заимствованные, и, возможно, здесь сыграло роль восстановление написания оригинала (ср. латинские dictare, draco).

Следствием смешения уже внутри верхненемецких диалектов, на базе которых в основном сложился национальный язык, являются замены старого **t** новым **d**, и наоборот, старого **d** новым **t**; ср. напр. срвн. tuft — нвн. Duft, срвн. tunkel — нвн. dunkel, срвн. tump — нвн. dumm и пр.; срвн. dôn — нвн. Ton, срвн. dûsent — нвн. Tausend, срвн. dörpel — нвн. Tölpel. Такие замены могут объясняться так называемым „центрально-немецким ослаблением согласных“, в результате которого исчезло противопоставление глухих и звонких смычных (см. § 58).

Результат диалектного смешения представляет собой и явление, называемое „гиперкоррекцией“. Сущность его заключается в том, что вследствие ложной аналогии „исправляются“ формы слов, которые кажутся говорящим „неправильными“, диалектными, нелитературными. Так, по-видимому, следует толковать замену средневерхненемецкого **t** на **z** перед согласным **w** в начале морфем, например: срвн. twingen — нвн. zwingen, срвн. getwerc — нвн. Zwerg. Поскольку нижненемецкому **t** по правилу 2-го перебоя всегда соответствует в литературном языке **z**, то и в этих словах было введено **z**[1]. Гиперкоррекцией

---

[1] Чисто диалектное влияние нужно усматривать в замене **t** на **k** в том же положении; это явление проникло в литературный язык

можно объяснить и замену **j** на **g** в словах: срвн. ferje — нвн. Ferge, срвн. kevje — нвн. Käfig, срвн. metzje — нвн. Metzge, Metzig. Замена эта вызывалась наличием корреляции диалектного **j** литературному **g**.

§ 135. Расширяется употребление **t** в современном немецком языке за счет средневерхненемецкого **d** в положении после **n** в инлауте. Это прежде всего отмечается в претеритальном суффиксе всех глаголов, корень которых заканчивается на **n**, напр. срвн. diende — нвн. diente, срвн. kunde — нвн. konnte и т. п. В данном случае мы имеем дело, по-видимому, с чисто грамматической аналогией, с унификацией суффикса по более распространенной его форме. Что это объясняется именно этим, видно из аналогичной замены **d** на **t** и после **l** в глаголе sollte (из срвн. solde), тогда как во многих других случаях наблюдается обратная замена (**t** на **d**); ср. срвн. dulten — нвн. dulden, срвн. milte — нвн. milde.

Грамматической аналогией можно объяснить также замену **d** на **t** в суффиксе порядковых числительных, напр. срвн. sibende — нвн. siebente, срвн. zehende — нвн. zehnte и др.

Неясны причины подобной замены в таких словах, как срвн. hinder — нвн. hinter, срвн. under — нвн. unter и др. Во всяком случае причины эти не фонетического характера в том смысле, что здесь не действовал произносительный механизм; об этом свидетельствуют слова binden, finden, wenden и т. п., в которых сохраняется старое **d** после **n**. Может быть, здесь можно говорить о фонетической аналогии с теми случаями, когда замена происходила вследствие морфологической унификации (см. выше).

§ 136. Особый случай расширения употребления **t** и отчасти **d** представляет появление этих согласных после **n** в тех словах, в которых в средневерхненемецком их, как правило, не было. Наиболее часто это наблюдается в ауслауте (напр. срвн. ieman — нвн. jemand, срвн. niergen — нвн. nirgend) и в инлауте между **n** и **l** (напр. срвн. eigenlich — нвн. eigentlich, срвн. hoffenlich — нвн. hoffentlich). Случаи, подобные hoffentlich, где мы имеем дело

из восточносредненемецких диалектов, напр. срвн. twalm — нвн. Qualm, срвн. twarc (славянское заимствование — ср. русск. *творог*) — нвн. Quark.

с глагольными корнями, объясняют тем, что здесь прилагательное ложно истолковывалось как производное от I причастия. Тогда тип eigentlich, не связанный с глагольным корнем, мог бы объясняться чисто фонетической аналогией.

Не исключен и фонетический путь развития, который можно представить себе в следующем виде. При переходе от носового смычного переднеязычного согласного **n** к переднеязычному неносовому щелевому **l** нёбная занавеска поднимается раньше, чем раскрылась смычка, т. е. до того как началась артикуляция **l**, возникает промежуточный неносовой смычный согласный, т. е. **t** или **d**. В действительности в этом положении всегда оказывается глухой согласный, поскольку в конце морфем в немецком встречаются только глухие.

Любопытно отметить, что в XV—XVI веках засвидетельствовано гораздо большее число слов рассматриваемого типа, чем в современном языке; напр. mändlein — Männlein, persöndlich — persönlich и т. п.

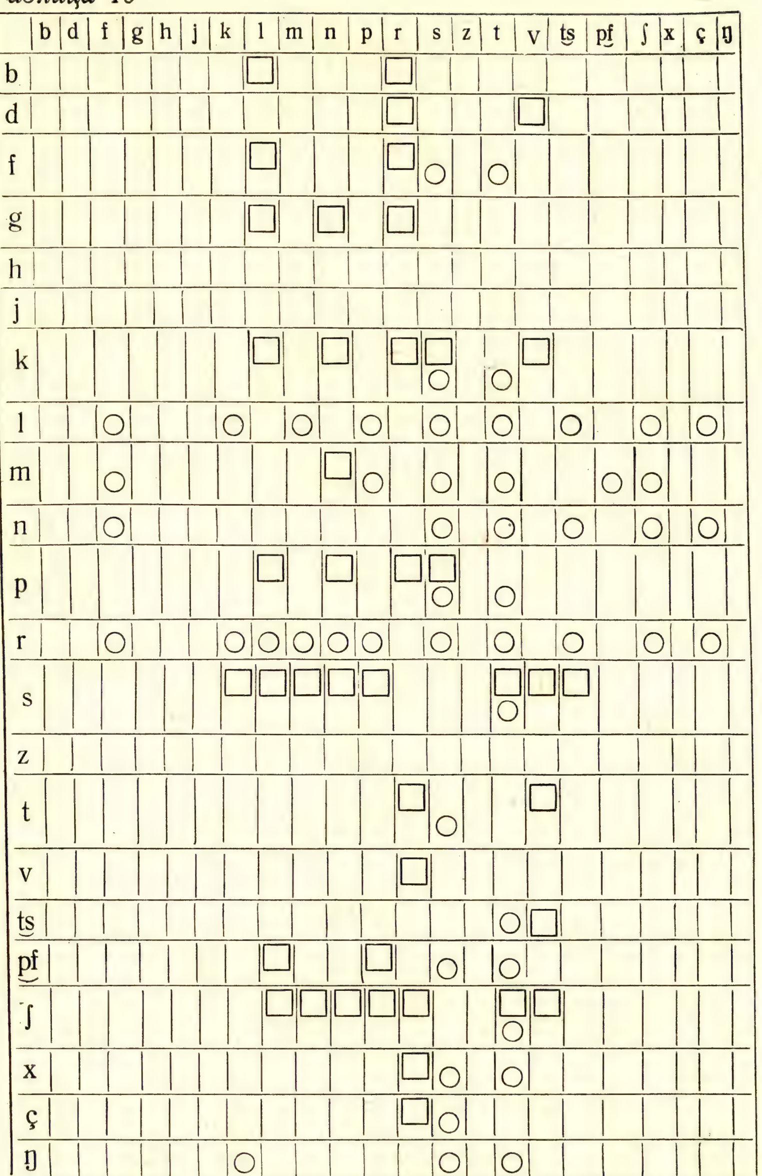
Подобным образом можно объяснить и случай типа jemand, поскольку реально в речи это слово не заканчивает фразы или синтагмы, а за ними следуют обычно какие-нибудь другие слова, которые могут начинаться с неносового согласного или с гласного, тогда между **n** и последующим звуком появляется переходный согласный, так же как и между **n** и **l**.

Неясны причины распространения **t** в ауслауте после различных щелевых согласных; напр. срвн. obeȝ — нвн. Obst, срвн. palas — нвн. Palast, срвн. saf — нвн. Saft, срвн. habech — нвн. Habicht и т. п. В некоторых случаях можно было бы думать, что имеет место аналогичное воздействие суффикса **-t**, но этому как будто противоречит появление **t** не в существительных, а в наречиях, напр. срвн. sus — нвн. sonst, срвн. ieze — нвн. jetzt.

Рассмотренное в этом параграфе изменение дистрибуции согласных **t**, **d** началось еще в средневерхненемецком, однако обязательными соответствующие формы слов стали только в новонемецкий период.

§ 137. Изменения в сочетаемости согласных в анлауте и ауслауте слов современного немецкого языка можно видеть из следующей таблицы (□ — положение в анлауте, ○ — положение в ауслауте).

Таблица 10

	b	d	f	g	h	j	k	l	m	n	p	r	s	z	t	v	ts	pf	ʃ	x	ç	ŋ
b								□				□										
d												□				□						
f								□				□	○		○							
g								□		□		□										
h																						
j																						
k								□		□		□	□ ○		○	□						
l			○				○		○		○		○		○		○		○		○	
m			○							□	○		○		○			○	○			
n			○										○		○		○		○		○	
p								□		□		□	□ ○		○							
r			○				○	○	○	○	○		○		○		○		○		○	
s							□	□	□	□	□				□ ○	□	□					
z																						
t												□	○			□						
v												□										
ts															○	□						
pf								□			□		○		○							
ʃ								□	□	□	□	□			□ ○	□						
x												□	○		○							
ç												□	○									
ŋ							○						○		○							

Примечание. Согласные даны в фонетической транскрипции.

Таблица показывает следующее: то, что было сказано в § 72 о способности тех или иных типов согласных выступать в качестве начала анлаутных или ауслаутных сочетаний, в общих чертах относится и к нововерхненемецкому периоду, ср. неспособность сонорных начинать анлаутное сочетание, но активное использование их для начала сочетания ауслаутного и др. В этом сказывается устойчивость сочетаемости согласных, служащей сигналом начала и конца слов.

Изменения состоят, во-первых, в том, что в анлауте появляется ряд новых сочетаний в связи с развитием фонетической системы, ср. сочетания / ʃl, ʃm, ʃn, ʃp / и т. п., которых раньше не было, а также в связи с заимствованиями из разных языков, напр. / ks /, ср. Xeroform, / mn /, ср. Mnemonik, / ts͟s /, ср. Szene.

Сочетания / sl, sm, sn / и т. п., которые были заменены / ʃl, ʃm, ʃn / и т. п., не исчезли из языка, но сохранились только в словах иностранного происхождения, ср. Slang, Smaragd, Snob и т. п.

В результате набор возможных анлаутных согласных комбинаций в современном языке увеличился.

Во-вторых, возникают новые варианты консонантных сочетаний в ауслауте в связи с дальнейшей редукцией гласных в неударном слоге. Это прежде всего касается сочетаний согласных с **s** и **t**, поскольку первая согласная при выпадении гласной выступает в виде падежной морфемы (родит. пад. ед. числа имен существительных м. и ср. рода), а **t** в виде глагольной морфемы (3-е л. ед. числа и 2-е л. множ. числа). Таким образом, в ауслауте становятся возможными такие комбинации согласных, как / ps /, ср. Klubs; / ts /, ср. Staats; / pfs /, ср. Topfs; / xs /, ср. Dachs и др.; / pt /, ср. hebt; / t͟st /, ср. schätzt; / pft /, ср. rupft; / ʃt /, ср. mischt и др.

В связи со сказанным несколько увеличивается вероятность совпадения начальных и конечных сочетаний. Если в средневерхненемецком языке таких совпадений было только одно, а именно / st /, то в нововерхненемецком их насчитывается четыре, ср. / st, ks, ps, ʃt /.

В-третьих, некоторые сочетания согласных, возможные в прошлом, уже не встречаются в новонемецкую эпоху. Это относится, например, к ауслаутным сочетаниям с **h**.

5. ЧЕРЕДОВАНИЕ ФОНЕМ

§ 138. Чередования фонем сохраняют в современном немецком языке тот же характер, что и в прежние периоды истории языка, мало отличаясь и фактически от того, что мы имели в средневерхненемецкой фонетической системе (см. § 110 сл.). Живые чередования по-прежнему не свойственны гласным, а в согласных в основном ограничиваются чередованиями интервокальных звонких с глухими в ауслауте и в положении перед согласными[1], ср., например, срвн. tages — tac, lieber — lieplîch и нвн. /'tɑːgɛs/ — /'tak/, /'liːbɛr/ — /'liːplıç/.

Разница между нововерхненемецким и средневерхненемецким в этом отношении состоит лишь в следующем. Во-первых, так как противопоставление по глухости — звонкости распространилось и на щелевые, то возникли новые чередования /z‖s/ и /v‖f/; например: /'greːzɛr — grɑːs/; /'brɑːvɛr — brɑːf/. Последнее, правда, встречается редко, поскольку /v/ в интервокальном положении может быть только в новых заимствованиях. Во-вторых, входившее в средневерхненемецком в тот же ряд чередование **h‖ch** (см. § 112) вследствие утраты интервокального **h** в нововерхненемецком не сохранилось (см. об этом также в § 132).

Новое живое чередование возникло вследствие расщепления фонемы /x/. Ограничение в употреблении новых фонем, о котором говорится в § 131, влечет за собой их чередование, обусловленное принадлежностью предшествующего гласного к заднему или переднему ряду, например: /'ʃprɑːxɛ — 'ʃprɛçɛn/, /lɔx — 'lœçɛr/, /buːx — 'byːçɛr/ и т. п.

§ 139. Исторические чередования гласных по умлауту получили более широкое распространение благодаря грамматической аналогии (см. § 129) и поэтому еще в большей степени стали фактом морфологии, чем в средневерхненемецком языке. Сужение сферы употребления умлаута имеется только в старых слабых глаголах первого класса. Неумлаутированные формы (так называемый Rück-

[1] В отличие от средневерхненемецкого эти чередования не находят сейчас отражения на письме, что объясняется господством морфологического принципа в современной орфографии, ср. Tages — Tag.

umlaut) этих глаголов, число которых было в средневерхненемецком довольно большим, заменились умлаутированными. Это относится прежде всего ко всем гласным заднего ряда (кроме **а**), которые совершенно не встречаются в чередованиях в этих глаголах, но отчасти и к **а**, встречающемуся сейчас только в небольшом числе глаголов. Ср., например, срвн. hœren — hôrte, küssen — kuste, wænen — wânde, tröumen — troumte, füeren — fuorte, stellen — stalte, trenken — trankte и т. п. и **нвн.** hören — hörte, küssen — küßte, träumen — träumte, führen — führte, stellen — stellte, trennen — trennte и т. п.

Совершенно очевидно, что устранение чередования в этих глаголах есть результат грамматической аналогии, ведущей к унификации формообразования в слабых глаголах. То обстоятельство, что чередование **а** || **е** в некоторых глаголах сохраняется, можно объяснить тем, что оно в отличие от всех других чередований, встречавшихся в слабых глаголах, совпадает с широко распространенным чередованием по аблауту и, по-видимому, осмысляется как аблаут.

§ 140. В отличие от умлаута преломление, выполняющее очень ограниченную грамматическую функцию, не только не распространилось в современном немецком языке, но встречается гораздо реже, чем в средневерхненемецком. Морфологическую функцию в качестве дополнительного признака при спряжении сильных глаголов имеют только чередования, развившиеся из старого чередования **е** || **i**; благодаря „удлинению" гласных (см. § 130) в современном немецком языке получилось три чередования: /e:||i:, e:||ɪ/ и /ɛ||ɪ/, например: /'ze:ə — zi:st/, /'ne:mə — nɪmst/, /'hɛlfə — hɪlfst/.

Другие чередования по преломлению сохраняются в относительно небольшом числе случаев, например: /'vʊrdə — gə'vɔrdən/, /flu:k — gə'flo:gən/, /fər'lʊst — fər'lo:rən/; при этом **о** || **u** тоже могло преобразоваться вследствие „удлинения", а **ie**/**iu** превратилось в /i:, ɪ||ɔ̮ø/. Последнее засвидетельствовано сейчас единичными примерами: siech — Seuche, biegen — beugen, Licht (ср. lieht) — leuchten.

§ 141. Аблаут в общем сохранился в том же объеме, что и в средневерхненемецком; только изменения в со-

ставе фонем, а также и в их дистрибуции привели к тому, что некоторые чередования приобрели иной вид. Так, в первом ряду сильных глаголов вместо срвн. **î** выступает дифтонг /ae/, а вместо дифтонга **ei** — /i:/ или /ɪ/. Во втором и седьмом рядах дифтонг **ie** заменен долгим **i**:, а дифтонг **uo** в шестом ряду — долгим /u:/. Краткое **ë** оказалось замененным в некоторых глаголах долгим (в открытом слоге)[1].

§ 142. Исторические чередования согласных остались в современном немецком языке теми же, что были в средневерхненемецком. Они только имеют теперь меньшее распространение; **s**||**r**, например, отсутствует в глаголах типа срвн. verliesen — verlurn, was — wâren, в которых согласный унифицировался (нвн. verlieren — verloren, war — waren), за исключением глагола erkiesen — erkoren, а также и причастия gewesen. Изменило свой вид чередование **h**||**g**, превратившееся вследствие утраты **h** в чередование — нуль||**g**; ср. срвн. ziehen — zogen и нвн. /ˈtsi:ən — ˈtso:gən/.

Кроме того, к историческим относится сейчас чередование нуля с /**x**/ или /**ç**/, которое восходит к средневерхненемецкому живому чередованию **h**||**ch** (см. § 138), например: /ˈhø:ər — ho:x — hø:çst/.

6. УДАРЕНИЕ

§ 143. Уже в древние периоды истории немецкого языка ударение было фонетически свободным, однако в большинстве случаев оно падало на корневую морфему и поэтому в бесприставочных словах всегда оказывалось на первом слоге. Тут важно отметить, что и заимствования ассимилировались в этом отношении с немецкими словами, увеличивая тем самым число слов с начальным ударением, ср. дрвн. fénstar из лат. fenéstra, дрвн. múniʒʒa из лат. monéta, дрвн. kírsa из лат. cerásum 'Kirsche'. Непроизводные слова старого лексического фонда и до сих пор сохраняют эту особенность, что дает повод для утверждения, будто в немецком языке ударение падает на первый слог.

---

[1] Подробнее см. Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык, М., 1957, стр. 41 сл.

Однако и в средние века, и в новонемецкую эпоху в связи с развитием глагольной префиксации и отглагольных имен возникает огромное количество слов, в которых ударение падает не на первый слог. Наряду с этим армию подобных слов непрерывно пополняют заимствования, которые в отличие от древнейшего слоя заимствованной лексики сохраняют свое исконное ударение. Таким путем возникает тип ударения на конечном слоге слова, а также тип ударения на служебной морфеме. Слова с ударенной словообразовательной морфемой образуют в современном языке большие серии в связи с продуктивностью таких суффиксов, как **-ant**, **-ist**, **-at**, **-ismus**, **-ie**, **-ei** и т. п.

В результате в современной речи значительную долю составляют слова с ударением не на первом слоге. Рост частотности таких акцентных моделей окончательно закрепляет свободный характер немецкого словесного ударения. Именно наличие такой модели объясняет не очень частый, но все же и не единичный факт (до 200 слов) немотивированного переноса ударения в старых немецких словах с первого слога на последующие, ср., напр. Forélle (срвн. fórhele), Hornísse (срвн. hórniʒ), lebéndig (срвн. lébendic) и др.

Вследствие распространения фонетической свободы словесного ударения оно смогло приобрести фонологическую дифференцирующую функцию, ср. такие пары слов, как Pássiv — passív, Áktiv — aktív, lútherisch — luthérisch, где место ударения служит для различения слов (ср. русск. за́мок — замо́к, му́ка — мука́).

Что касается вопроса о подвижности словесного ударения, то здесь следует различать область словоизменения и область словообразования. В первой, как и в древние времена, ударение остается неподвижным: нет такой флексии в немецком языке, на которую падало бы ударение. В словообразовании же в связи с продуктивностью ряда ударных суффиксов ударение приобретает характер подвижного, ср. Hórn — Horníst, Blúme — Bluníst, Láger — Lageríst, liéfern — Lieferánt; особенно многочисленны такие случаи для суффиксов **-ieren**, **-ei**, **-erei**, напр. Schátten — schattiéren, Búchstabe — buchstabiéren, grúnd — grundiéren, spénden — spendiéren и т. д.; Bäcker — Bäckeréi, Métzger — Metzgeréi, láufen — Lauferéi, schíeßen — Schießeréi.

Обозревая путь развития ударения на протяжении всей истории немецкого языка, можно сказать, что единственным существенно новым для нововерхненемецкого периода является широкая возможность ударения на словообразовательном суффиксе. Это делает ударение еще менее связанным с корневым слогом.

7. ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОЙ ГРАФИКИ

§ 144. Письменная сторона языка представляет в нововерхненемецкий период весьма существенные изменения. Прежде всего только в это время, а именно с XV—XVI веков, в Германии зарождается идея орфографии (см. § 21), к этому времени относятся первые попытки нормализовать ее. Первоначально эти попытки не давали ощутимых результатов (на протяжении XVI века царил еще большой произвол), но постепенно к началу XIX века была создана единая, более или менее стройная графика и унифицированная орфография, которые действуют и в настоящее время.

Современный немецкий алфавит мало чем отличается от древне- и средневерхненемецкого алфавита. В основном он состоит из тех же букв; новой является только буква **ß**, относительно новыми — **w** и **j**, новым является также обособление **v** как согласной буквы от **u** как гласной буквы. Наконец, стабилизировались формы букв, обозначающих гласные с умлаутом, так что вместо разнообразных диакритических значков сейчас употребляются только буквы **ä**, **ö**, **ü**.

Рассматривая современную немецкую графику, необходимо оговориться, что здесь не будет идти речь о словах, заимствованных из иностранных языков, пользующихся латинским алфавитом, которые пишутся в немецком так же, как и в языке-источнике. Точно так же и греческие слова пишутся в общепринятой латинской транслитерации, а не соответственно немецкой графике.

Основные черты, а также и многие конкретные правила современной немецкой графики, находят себе объяснение в истории языка. Поскольку и сейчас в письменности пользуются тем же алфавитом, что и в древности, естественно, что правила графики могли и должны были сохранить какие-то древние особенности.

§ 145. Сказанное относится в первую очередь к тому, что для различения долгих и кратких гласных фонем не существует специальных гласных букв. Однако правила современной графики позволяют в большинстве случаев различать долгие и краткие гласные на письме.

Старым средством является, правда, не часто встречающееся обозначение долгих гласных путем удвоения соответствующих букв. Этот способ распространяется не на все долгие, а только на /**a**:, **e**:, **o**:/, например: Staat, See, Moor и др. Следует указать, что удвоенное **o** употребляется особенно редко.

Другие способы передачи долготы не имеют объяснений из истории графики, но объясняются исторической фонетикой. Так, универсальное средство обозначения долготы при помощи буквы **h** возникло вследствие того, что согласный **h** между гласными был утрачен (см. § 132), а предшествующий гласный удлинялся; например: срвн. sëhen дало нвн. /ˈze:ən/, но написание осталось старым. Отсюда аналогичное написание было перенесено на такие слова, как gehen и stehen, в которых никакого **h** никогда не было; не было **h** также в словах ihn, ihr, ohne и многих других.

Возникновение обозначения долгого /**i**:/ сочетанием букв **ie** также объясняется исторической фонетикой, а именно, слиянием с долгим /**i**:/ старого дифтонга **ie** (см. § 118). Примерами исторически оправданного написания могут служить: gießen, Lied, lieb; не имели дифтонга слова: viel (срвн. vil), Sieg (срвн. sic) и немногие другие.

Наконец, правило современной графики, по которому долгота и краткость различается на письме благодаря разному написанию следующих за гласным согласных, также может быть объяснено историко-фонетически. Как указывалось в § 95, долгие согласные встречались в средневерхненемецком языке только после кратких гласных. Краткие гласные в свою очередь в положении перед долгими согласными остались краткими (см. § 95). Вследствие этого, когда долгие согласные фонологически совпали с краткими, удвоенное написание, которое служило для обозначения таких согласных, стало истолковываться как знак краткости предшествующего гласного. В написаниях слов bitten, brennen, Wille мы имеем отражение старых фонетических отношений; в случаях же ritten

(срвн. riten), kann (срвн. kan), toll (срвн. tol) двойные согласные пишутся на основании современного графического правила.

Отсутствие специального обозначения долготы гласного перед одним согласным объясняется тем, что в этом фонетическом положении долгие гласные заменили краткие, которые и сохраняют свое историческое написание.

Только когда за долгой гласной следует фонема /s/, эта последняя не может обозначаться старой простой буквой, поскольку буква **s** служит в интервокальном положении для обозначения фонемы /z/. Это привело к необходимости введения в алфавит специальной буквы **ß**. Примеры использования **ß** после долгого гласного: fließen (ср. geflossen), große, büßen и т. п. Следует отметить, что **ß** используется не только в этих случаях, ср. mußte, Nuß.

§ 146. Использование буквы **ä** наряду с **e** вызвано существованием соответствующих противопоставлений в прежние периоды истории немецкого языка. Однако написание отдельных слов не всегда отражает их историю, так как современные правила в отношении обозначения звуков **e** создавались в результате длительного противоречивого развития[1]. Частично написания с **ä** обозначают гласные, восходящие к старым **a**, **â** по умлауту, напр. Nächte (из срвн. nächte), wähnen (из срвн. wænen). Однако в ряде случаев за таким написанием скрывается и старое краткое **ë**, напр. rächen (срвн. rëchen), Bär (срвн. bër), Käfer (срвн. këfer).

Умлаут от **a**, **â** не всегда передается буквой **ä**, часто вместо нее пишется **e**, напр. edel, Eltern, schwer и др. В этих словах сохраняется старое написание.

Историческое объяснение имеют обозначения дифтонга через **ei** и **ai**. Разные написания использовались в XIV—XV веках для передачи двух разных по происхождению и в некоторых диалектах различавшихся по произношению дифтонгов: возникшего из **î** и старого дифтонга (см. § 104). Следует, однако, заметить, что использование написания **ei** в современной орфографии совершенно

---

[1] Ср. K. v o n B a h d e r. Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems, Straßburg 1890, S. 104 ff.

не отражает истории соответствующих слов; ср., например, mein (из срвн. mîn) и klein (из срвн. klein).

Историческими являются также написания дифтонгов **au** и **eu**, хотя трудно сказать, в какой степени последнее отражает старое произношение этого дифтонга.

§ 147. В области согласных происхождение фонем /ʃ/, /t͡ʃ/ и /ŋ/ объясняет их обозначение при помощи соответствующих буквенных сочетаний (см. § 93, 122 сл.). Точно так же передача фонемы /ʃ/ буквой **s** перед **p** и **t** в начале морфем объясняется тем, что в этом положении до нововерхненемецкого периода стояла фонема /s/.

Одинаковое написание **ch** для фонем /x/ и /ç/ определяется их возникновением из одной фонемы. Само же это буквенное сочетание возникло в древнейшую эпоху.

Некоторые факты современной немецкой графики обязаны своим возникновением не истории соответствующих фонем или их сочетаний, а сохранению особенностей графики древне- и средневерхненемецкого периодов. К ним относится двоякая передача фонемы /f/ буквой **f** и буквой **v** (вариантом **u**), служившей в средние века для обозначения и гласного, и губного щелевого согласного.

Сюда же относятся также такое написание как **ck**, служившее в древневерхненемецком одним из средств обозначения долгого **k**, **tz** = **zz**, а также возникшее в ранненововерхненемецком написание **dt** в слове Stadt.

ВОЗМОЖНЫЕ ДРЕВНИЕ СООТВЕТСТВИЯ ФОНЕМНОМУ СОСТАВУ СЛОВ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Гласные

нвн:	Примеры:	дрвн.	Примеры:
a	Gast; dachte	**a, (â)**	gast; dâhta
ɛ	Brett; Gäste; Mächte; Lerche	**ë, e, a, (ê)**	brët; gesti; mahti; lêrcha
ɪ	Fisch; wirken; tilgen; Licht, ging	**i, (u), (î), (io, ia)**	fisk; wurken; tîligôn; lioht, giang
ɔ	Wort; Sonne; horchen	**o, u + nas., (ô)**	wort; sunna; hôrchen
ʊ	Fuchs; Mutter	**u, (uo)**	fuhs; muoter
œ	Löcher; Mönch; zwölf	**o, u + nas., (e)**	lohir; munich; zwelif
ʏ	füllen; würdig; Mütter	**u, (i), (uo)**	fullen; wirdig; muoter
a:	schlafen; tragen	**â, a**	slâfan; tragan
e: (ɛ:)	ewig; leben; fährst; wähnen; Zähre	**ê, ë, e, â, a**	êwig; lëben; feris; wânen; zahari (pl)
i:	liegen; biegen; hier	**i, io, ia**	ligan; biogan; hiar
o:	Lohn; loben; ohne	**ô, o, â**	lôn; lobên; âno
u:	Tugend; gut	**û, uo**	tûgund; guot
ø:	schön; Öl; Söhne	**ô, o, u + nas.**	skôni; oli; suni
y:	Tür; sühnen	**u, uo**	turi; suonen
a͜e	Eis; Leid	**î, ei**	îs; leid

a͜o	Haus; Baum	**û, ou**	hûs; boum
ɔ͜ø	heute; Häute; träumen	**iu, û,** ou	hiutu; hûti; troumen

Примечание 1. В графе древневерхненемецких звуковых соответствий вероятность того или иного звука дифференцирована способом его написания: буквой бо́льшего размера обозначена бо́льшая вероятность, маленькой — меньшая. В скобках стоят единичные случаи соответствий.

Примечание 2. Нововерхненемецкие гласные представлены фонетическими транскрипционными знаками, древневерхненемецкие — принятыми в исторических грамматиках графическими обозначениями.

Таблица, иллюстрирующая фонетические соответствия гласных в корневой морфеме современных слов и слов древневерхненемецкого языка, показывает неустойчивость состава гласных в слове. Из всех современных гласных только в отношении кратких /a, ɪ, ɔ, ʊ/ можно с большой степенью вероятности ожидать, что в соответствующем древнем слове тоже было /a/, соответственно /i/ и т. д. Фонемы /œ, ø:/ и /ʏ, y:/ всегда восходят к другим фонемам, в отношении /ɛ/ равновероятны по меньшей мере два соответствия в древневерхненемецком.

Особенно пестра „родословная“ долгих гласных и дифтонгов. Во всех случаях (кроме /ø:/) одинаково вероятными будут по крайней мере две возможности соответствий: для долгих это будет тот же долгий (или дифтонг) и соответствующий краткий, для дифтонгов — дифтонг или долгий гласный. Именно в словах, содержащих долгие или дифтонги, наиболее существенно изменился с течением истории немецкого языка звуковой облик.

Согласные

нвн.	Примеры:	дрвн.	Примеры:
/b/	leben; Schwalbe, Farbe; Eibe	**b, w** (в основном после **l, r**)	lëbên; swal(a)wa, far(a)wa; îwa
/d/	der, werden; dumm, finden; Dattel; Mond	**th, (t), (d)** (нуль)	thër, wërthan; tumb, fintan; dahtalboum; mâno

/f/	Faust, Hof; offen, gegriffen	**f, ff**	fûst, hof; offan, gigriffan
/g/	geben, legen; gären	**g, (j)**	gëban, legen; jësan
/h/	hoch, Ahorn; heischen	**h,** (нуль)	hôh, ahorn; eiskôn
/j/	Jahr	**j**	jâr
/k/	Kind, stark; wecken; kommen	**k, ck, (qu)**	kind, stark; wecken; quëman
(l)	Lohn, alt; Wolle; Zwilling, Elle	**l, ll (n + l)**	lôn, alt; wolla; zwin(i)ling, el(i)na
(m)	Macht, nehmen; schwimmen; Zimmer	**m, mm, mb**	macht, nëman; swimmen; zimbar
/n/	Nacht, lassen; gewinnen; Zukunft, Faden; Schatten	**n, nn, m** (нуль)	nacht, lâʒan; giwinnan; zuokumft, fadam; skato
/p/	spät, Palme; Lappen; prasseln	**p, pp, (b)**	spâti; palma; lappo; brastalôn
/r/	raten, Vater; zerren; verlieren	**r, rr, (s)**	râtan, fater; zerren; firliosan
/s/	das, schließen; Wasser; Ast; küssen	**ʒ, ʒʒ s, ss**	daʒ, slioʒan; waʒʒar; ast; kussen
/z/	sagen, lesen; Ameise	**s, (ʒ)**	sagên, lësan; ameiʒe
/t/	Tag, streiten; bitter, Bett; Tausend	**t, tt, (th)**	tag, strîtan; bitter, betti; thûsund
/v/	was	**w**	waʒ
/t͜s/	Zeit, sitzen; Pilz; zwingen	**z, zz, (ʒ), (d** перед **w)**	zît, sizzen; buliʒ; dwingan
/p͜f/	Pfeife, schöpfen; empfangen	**pf (tf** после **n)**	pfîfa, skepfen; intfâhan
/ʃ/	scheinen, Fisch; schmal, Schwein; herrschen	**sk, s** (в основном в начале слова перед согл.)	skînan, fisk; smal, swîn; hêrisôn
/x/	machen; hoch	**ch, h**	machôn; hôh
/ç/	dich; leicht	**ch, h**	dich; lîhti

Примечание. См. примечание 2 на стр. 179

Таблица соответствий согласных фонем в словах современного немецкого языка и языка древневерхненемецкого периода показывает сравнительно бо́льшую

устойчивость консонантного состава слов по сравнению с составом гласных, особенно долгих и дифтонгов (сравни стр. 179). Как видно, наиболее вероятным оказывается в древневерхненемецком тот же самый согласный, что и в новонемецком языке. Остальные соответствия представляют собой, в основном, единичные случаи. Исключением является в первую очередь /ʃ/ современного языка и /d/, восходящее к интердентальному спиранту древности.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Переводы примеров из древних языков, если в них есть необходимость, даются в кавычках (‘ ’), в словарной форме (в именительном падеже, в инфинитиве), напр. antluuhu ‘aufschließen’. После перевода дается грамматическая характеристика данной словоформы, напр. antluuhu ‘aufschließen’ 1. P. Sg. Präs. В отдельных случаях указывается и памятник в сокращенном обозначении, заключаемом в скобки (см. стр. 183—185).

В косые скобки / / заключаются фонематическая транскрипция слов, а также транскрипция отдельных фонем. Фонетическая транскрипция заключается в квадратные скобки [ ].

Знак > обозначает переход старого звука в новый.

Знак || обозначает чередование.

Знак * обозначает реконструированную форму.

Написания дрвн., срвн., нвн. означают соответственно: древневерхненемецкий, средневерхненемецкий, нововерхненемецкий периоды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

(Abrog.) — Abrogans, Steinmeyer u. Sievers, I[1].

(Alex.) — Alexander, Gedicht des 12 Jh. vom Pfaffen Lamprecht, hsg. von H. Weismann, Frankfurt a. M. 1850.

(B.) — Rudolf v. Ems, Barlaam und Josaphat, hsg. von F. Pfeiffer, 1843.

(Bened.) — Benedictiner Regel, E. Steinmeyer, Die kleineren ahd. Sprachdenkmäler, Berlin 1916.

(Carmen at deum) — Braune, Lb[2].

(Elis.) — Das Leben der heiligen Elisabeth, hsg. v. M. Rieger, Stuttgart 1868.

(Exhort.) — Exhortatio ad plebem Christianam, Braune, Lb[2].

(Frankf. Gl.) — Frankfurter Glossen, Steinmeyer u. Sievers II[1].

(Freis. Patern.) — Freisinger Paternoster, Braune, Lb[2].

(Friedb. Christ) — Friedberger Christ und Antichrist, K. Müllenhoff u. W. Scherer, Denkmäler deutscher Poesie und Prosa, Berlin 1892.

(Fritzlar) — Herbort v. Fritzlar, Liet von Troye, hsg. v. G. K. Frommann, Leipzig, 1837.

(Hild.) — Hildebrandslied, Braune, Lb[2].

(H. U.) — Hessische Urkunden, hsg. v. L. Baur, Darmstadt 1860 ff, Bd. 1—3.

(Is.) — Der althochdeutsche Isidor, hsg. v. G. A. Hench, Straßburg 1893.

(J. Tit.) — Jüngerer Titurel, hsg. v. W. Wolf, Deutsche Texte des Mittelalters, XLV, Berlin 1955.

(K), (Ka.), (Kb.) — Glossae Keronis, Steinmeyer u. Sievers, I[1].

(Kass. Gl.) — Kasseler Glossen, Steinmeyer u. Sievers, III[1].

(Krone) — Heinrich v. dem Türlin, Der aventiure Krône.

(Lacombl.) — Urkundenbuch für die Geschichte des Niederrheins, hsg. von Th. J. Lacomblet, Düsseldorf 1840—1853, Bd. 1—3.
(Ludw.) — Ludwigslied, Braune, Lb[2].
(M.) — The Monsee-Fragments, hsg. v. G. A. Hench, Straßburg 1891.
(Mai u. Beaflor) — Mai und Beaflor, hsg. v. F. Pfeiffer, 1858.
(Marien Himmelfahrt) — Konrad von Heimesfurt, Himmelfahrt Mariä, hsg. v. F. Pfeiffer, Z. f. d. A. 8.
(Merig.) — Merigarto, Braune, Lb[2].
(Mers.) — Merseburger Zaubersprüche, Braune, Lb[2].
(Murb. Hymn.) — Murbacher Hymnen, hsg. v. E. Sievers, Halle 1874.
(Musp.) — Muspilli, Braune, Lb[2].
(N.) — Notkers des Deutschen Werke, hsg. v. E. H. Sehrt u. Starck Taylor, Halle 1933 — 1952, Bd. I — III.
(Nib.) — Der Nibelungen nôt, hsg. v. K. Bartsch, Leipzig 1870, Bd. I.
(O.) — Otfrids von Weissenburg Evangelienbuch, hsg. v. J. Kelle, Regensburg 1856, Bd. I.
(O. F.) — Freisinger Handschrift des Otfrid, см. (O.)
(Orend.) — Orendel, hsg. v. F. H. v. d. Hagen, Berlin 1884.
(Otloh.) — Otlohs Gebet, Braune, Lb[2].
(Pa.) — Pariser Glossen, Steinmeyer u. Sievers, I[1].
(Phys.) — Der Physiologus (althochdeutsch), H. Hoffmann, Fundgruben f. Geschichte deutscher Sprache u. Literatur, Breslau 1830, Teil I.
(Prud.) — Prudentiusglossen, Steinmeyer u. Sievers, II[1].
(Ra.), (Rb.) — Reichenauer Glossar, Steinmeyer u. Sievers, I[1].
(Renner) — Hugo von Trimberg, Renner, hsg. v. G. Ehrismann, 1908—1911.
(Sam.) — Christus und die Samariterin, Braune, Lb[2].
(St. Galler Credo) — St. Galler Paternoster und Credo, Braune, Lb[2].
(Str. Eide) — Die Strassburger Eide, Braune, Lb[2].
(Stricker. Dan.) — Stricker, Daniel vom blühenden Tal, hsg. v. G. Rosenhagen, 1894.
(T.) — Tatian, lateinisch u. deutsch, hsg. v. E Sievers, Paderborn 1892.
(Trier. Cap.) — Trierer Capitulare, K. Müllenhoff u. W. Scherer, Denkmäler deutscher Poesie und Prosa, Berlin 1892.
(Tundal.) — Tundalus, Gedichte des 12. u. 13. Jh., hsg. v. K. A. Hahn, Quedlinburg 1840.
(Voc.) — Vocabularius Sancti Galli, Steinmeyer u. Sievers, III[1].
(Wess. Geb.) — Wessobrunner Gebet, Braune, Lb[2].
(Wess. Pr.) — Wessobrunner Predigt, Braune, Lb[2].

(Wigal.) — Wirnt von Gravenberg, Wigalois, der Ritter mit dem Rade, hsg. v. F. Pfeiffer, Stuttgart 1847.

(Will.) — Willirams deutsche Paraphrase des Hohen Liedes, hsg. v. J. Seemüller, Straßburg 1878.

---

[1] E. Steinmeyer u. E. Sievers. Die althochdeutschen Glossen, Leipzig — Berlin 1879—1922, Bd. I—V.

[2] W. Braune. Althochdeutsches Lesebuch.

СПИСОК ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Работы общего характера

1. И. А. Бодуэн де Куртенэ. Об отношении русского письма к русскому языку, Спб., 1912.
2. Л. Р. Зиндер. Общая фонетика, Л., 1960.
3. А. Мартине. Принцип экономии в фонетических изменениях, М., 1960.
4. Сравнительная грамматика германских языков, том II, Фонология, М., 1962.
5. E. Hermann. Lautgesetz und Analogie, Berlin 1931.
6. H. M. Hoenigswald. Sound Change and Linguistic Structure, Language, Vol. 22/2, 1946.
7. R. Jakobson. Prinzipien der historischen Phonologie, TCLP, IV, Prague 1931.
8. E. Öhmann. Über hyperkorrekte Lautformen, Helsinki 1960 (Annales Academiae Scientiarum fennicae, Ser. B, T. 123, I).
9. H. Penzl. The Evidence for Phonemic Changes (Studies presented to Joshua Whatmough), 1957.
10. E. Sievers. Grundzüge der Phonetik, Leipzig 1893.
11. N. van Wijk. Umfang und Aufgabe der diachronischen Phonologie, „Mélanges de linguistique et de philologie offerts à J. van Gineken“, Paris 1937.

Общие работы по истории немецкого языка и исторической фонетике

12. В. М. Жирмунский. История немецкого языка, М., 1965.
13. В. М. Жирмунский. Немецкая диалектология, М. — Л., 1956.
14. О. И. Москальская. История немецкого языка, Л., 1959.
15. O. Behaghel. Geschichte der deutschen Sprache, Berlin und Leipzig 1928.
16. B. Horacek. Kleine historische Lautlehre des Deutschen, Wien — Stuttgart 1958.
17. R. von Kienle. Historische Laut- und Formenlehre des Deutschen, Tübingen 1960.

18. F. Kluge. Deutsche Sprachgeschichte, Leipzig 1920.
19. K. Meisen. Altdeutsche Grammatik, Bd. I, Stuttgart 1961.
20. H. Moser. Deutsche Sprachgeschichte, Stuttgart 1955.
21. H. Paul. Deutsche Grammatik, Bd. I, Halle (Saale) 1955.
22. W. Wilmanns. Deutsche Grammatik, Bd. I, Straßburg 1897.

Работы по отдельным периодам развития немецкого языка

23. J. Ch. Adelung. Umständliches Lehrgebäude der deutschen Sprache, Bd. I, Leipzig 1782.
24. G. Baesecke. Einführung in das Althochdeutsche, München 1918.
25. J. Bithell. German Pronunciation and Phonology, London 1952.
26. G. M. Bonnin. A Phonetic System for Middle High German, Univ. of Queensland Papers, Fac. of arts, vol. I, N 3, 1960.
27. O. Bremer. Deutsche Phonetik, Leipzig 1893.
28. W. Braune. Althochdeutsche Grammatik, Halle 1955.
29. G. Eis. Historische Laut- und Formenlehre des Mittelhochdeutschen, Halle (Saale) 1958.
30. J. Ch. Gottsched. Vollständigere und neuerläuterte deutsche Sprachkunst, Leipzig 1762.
31. J. Kehrein. Grammatik der deutschen Sprache des fünfzehnten bis siebzehnten Jahrhunderts, I. Teil, Leipzig 1863.
32. O. Mausser. Mittelhochdeutsche Grammatik, 1. u. 2. Teil, München 1932—1933.
33. V. Michels. Mittelhochdeutsches Elementarbuch, Heidelberg 1921.
34. V. Moser. Frühneuhochdeutsche Grammatik, Bd. I—III, Heidelberg 1929.
35. H. Paul. Mittelhochdeutsche Grammatik, Halle 1953.
36. J. Schatz. Althochdeutsche Grammatik, Göttingen 1927.
37. Th. Siebs. Deutsche Hochsprache (Bühnenaussprache), Berlin 1961.
38. W. Viëtor. Elemente der Phonetik des Deutschen, Englischen und Französischen, Leipzig 1923.
39. H. H. Wängler. Grundriß einer Phonetik des Deutschen mit einer allgemeinen Einführung in die Phonetik, Marburg 1960.
40. K. Weinhold. Mittelhochdeutsche Grammatik, Paderborn 1883.

Частные исследования

41. В. М. Жирмунский. Умлаут в английском языке по сравнению с немецким, „Вопросы грамматики“, сборник статей к 75-летию акад. И. И. Мещанинова, М. — Л., 1960.
42. В. М. Жирмунский. Умлаут в немецких диалектах с точки зрения исторической фонологии. Сборник „Академику В. В. Виноградову к его 60-летию“, М., 1956.
43. М. И. Стеблин-Каменский. Что такое „умлаут“? „Материалы научной сессии по вопросам германского языкознания“, М., 1959.
44. O. Aron. Zur Geschichte der Verbindungen eines **s** bez. **sch** mit einem Consonanten im Neuhochdeutschen, PBB, Bd. XVII, 1892.

45. K. von Bahder. Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems, Straßburg 1890.
46. W. Braune. Zur althochdeutschen Lautlehre, PBB, Bd. IV, 1877.
47. H. Brinkmann. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit, Jena 1931.
48. H. Jilek. Der Umlaut von **u** in den Reimen der bairisch-österreichischen Dichter der mittelhochdeutschen Blütezeit, 1927 (Prager deutsche Studien, Heft 41).
49. M. Jellinek. Zur Aussprache der **e**-Laute im 18. Jahrhundert, PBB, Bd. XL, Heft 2.
50. Pr. Lessiak. Beiträge zur Geschichte des deutschen Konsonantismus, Brünn — Leipzig — Wien 1933.
51. K. B. Lindgren. Die Ausbreitung der nhd. Diphthongierung bis 1500, Helsinki 1961 (Annales academiae scientiarum fennicae, Ser. B, T. 123, 2).
52. J. Marchand. The Phonemic Status of OHG **e**, Word, 1956, V. 12, N 1.
53. H. Penzl. Umlaut and Secondary Umlaut in Old High German, Language, Vol. 25, 1949.
54. A. Tritschler. Zur Aussprache des Neuhochdeutschen im 18. Jahrhundert, PBB, Bd. XXXVIII, 1913.
55. W. Viëtor. Beiträge zur Statistik der Aussprache des Schriftdeutschen, Phonetische Studien, Bd. I—III, Marburg 1887—1890.
56. K. Zwierzina. Mittelhochdeutsche Studien, Zeitschrift f. dt. Altertum, Bd. 44, Berlin 1900.

УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ПОНЯТИЙ [1]

---

[1] Цифрами обозначены параграфы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

35 коп.

Историческая фонетика немецкого языка